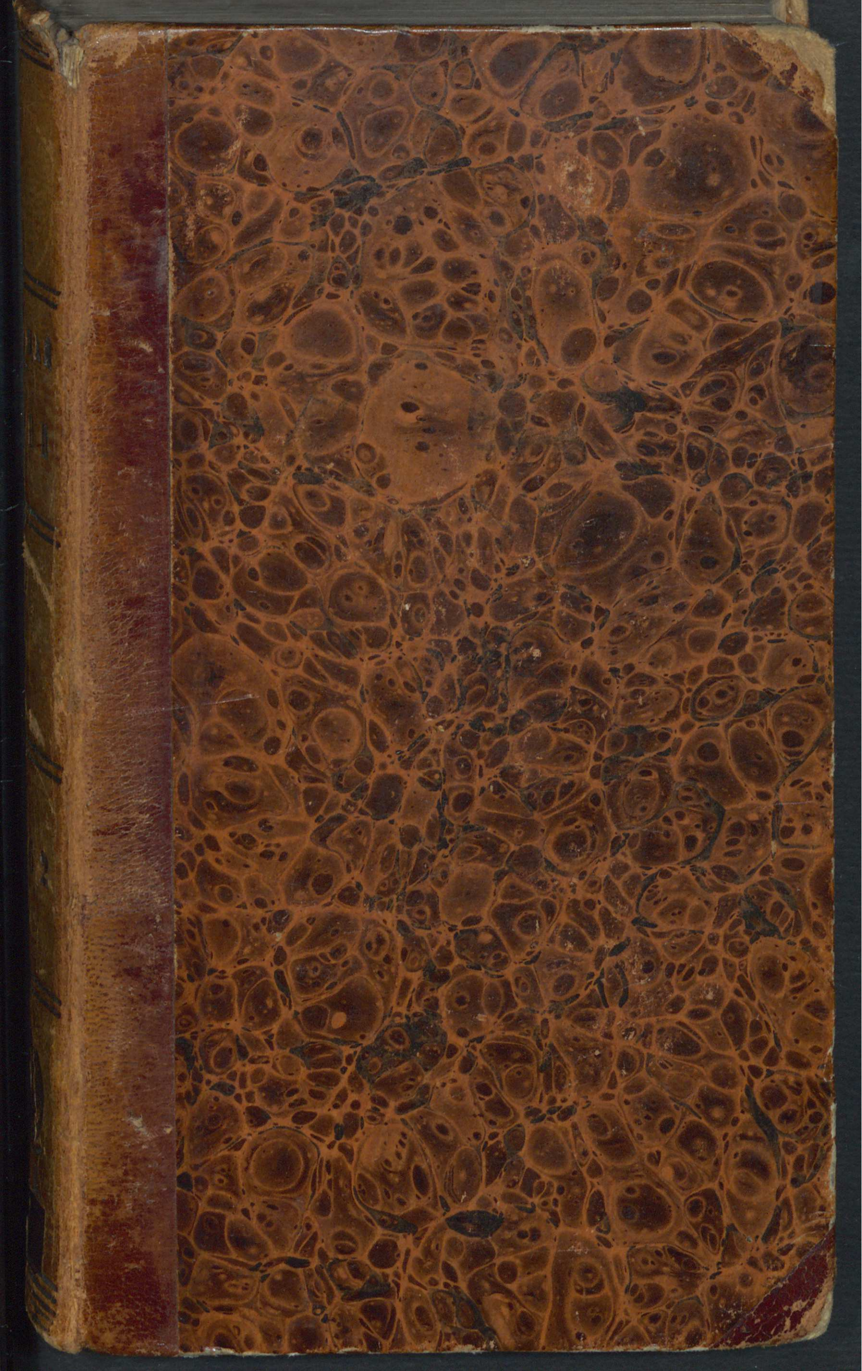
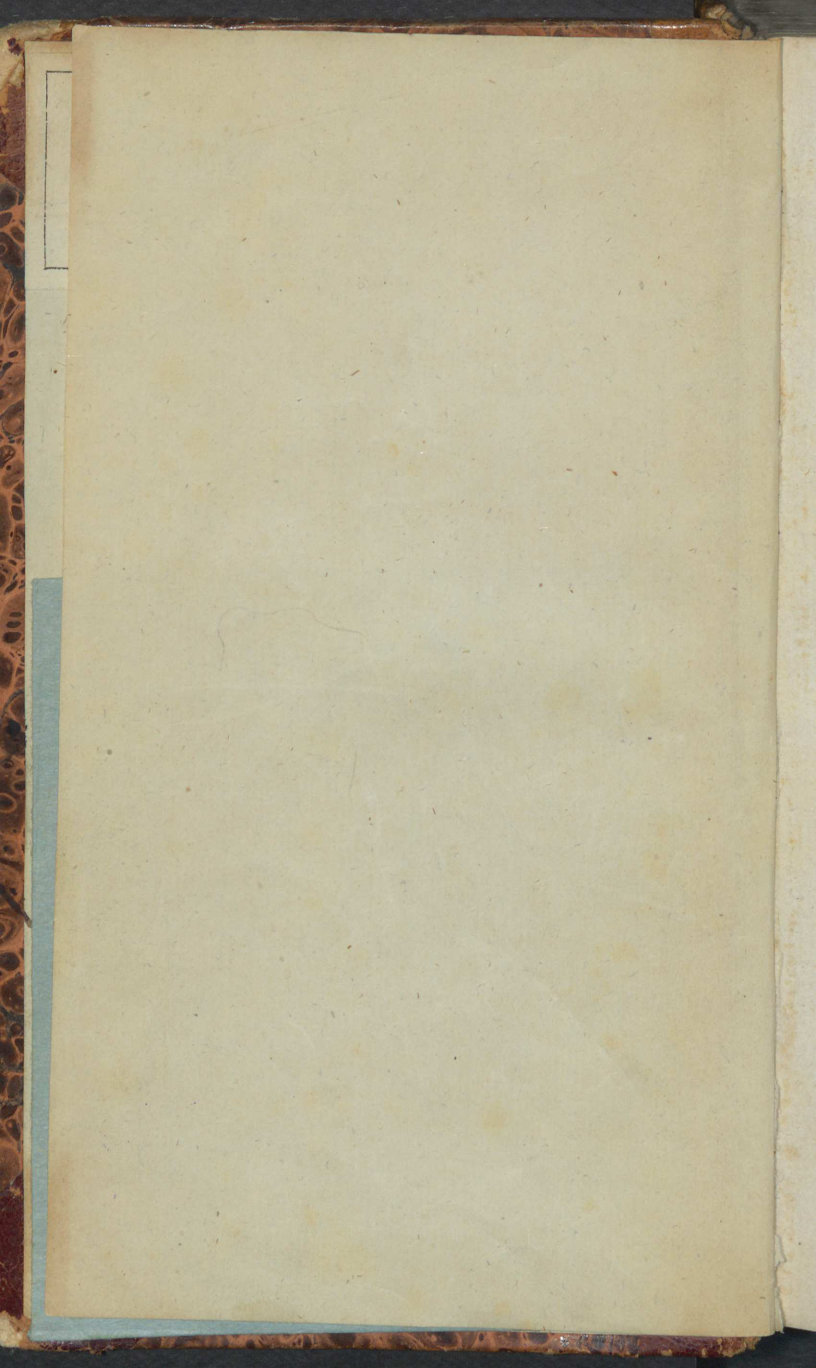

ПОЛИТИЧЕСКІЯ
и
НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ
БАСНИ
ПИЛЬПАЯ,
ФИЛОСОФА ИНДЕЙСКАГО,

съ Французскаго переведены
Академіи Наукъ Переводчикомъ
Борисомъ Волковымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1762 года.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Пильпай, Браминъ Индейской, сочинитель сихъ басенъ, управлялъ во время владѣнія Царя Дапшелима, частію Индостана, заключающеюся между Индіею и рѣкою Гангомъ. Послѣдуя обыкновенію восточныхъ народовъ, даетъ онъ въ своихъ басняхъ, аллегорическимъ образомъ, Государямъ наставленія, какъ управлять своими подданными. Дапшелимъ долгое время хранилъ сіе сокровище, заключающее въ себѣ политику Индостанскаго правленія, и оставилъ оное своимъ потомкамъ. Нухиревонъ, Царь Персидской, слыша о такой премудро сочиненной книгѣ, отправилъ нарочно въ Индію посланника, чтобъ получить съ оныя списокъ, во что бы то ни стало. Объявленной посланникъ исправилъ сіе дѣло по желанію своего Государя, и зная

 совер-

совершенно по Индейски, перевелЪ Пильпаевы басни на древней Персидской языкЪ, которымЪ тогда говорили Персидскіе Цари. Арапы, по завоеваніи наилучшихЪ Восточныхъ провинцій, начали науками исправлять грубые свои нравы, и очищать природной свой языкЪ, а притомЪ изЪ всѣхЪ почти народовЪ вызвали кЪ себѣ искуснейшихЪ людей, для переводу книгЪ на ихЪ языкЪ, и между прочими перевели и сіи Пильпаевы басни. Послѣ того многократно переводимы онѣ были какЪ на Арапской, такЪ и на Персидской языкЪ, что самое, какЪ кажется, доказываетЪ превосходство сего сочиненія, и почтеніе, какое имѣли кЪ оному Восточные народы. Однако новѣйшіе сочинители басенЪ, неподражающіе вкусу оныхЪ народовЪ, усмотрѣли вЪ сихЪ ПильпаевыхЪ басняхЪ не малыя погрѣшности. Де ла МотЪ разсуждаетЪ, что нѣтЪ вЪ нихЪ истиннаго и натуральнаго порядка; Пильпай звѣрямЪ часто припи-

писываетЪ рѣчи чрезвычайно важныя, высокія и разумныя; во всякую почти басню включаетЪ другую постороннюю; однѣ опровергаетЪ другими, а иногда и всѣ басни противорѣчатЪ одна другой; представленныя лица часто разсказываютЪ новыя до первой со всѣмЪ почти некасающіяся басни, которыя паки перерываются другими, такЪ что едва упомнить возможно, кЪ чему намѣреніе первой басни клонилось. Но какЪ бы то ни было, однако Пильпай достоинЪ не малой чести за свое сочиненіе, потому что ни вЪ какихЪ почти басняхЪ не можно найти столько политики, нравоученія и сЪ пріятностію смѣшенной важности, какЪ вЪ ПильпаевыхЪ, есть ли только кЪ чтенію оныкЪ употреблено будетЪ надлежащее вниманіе. Сіи послѣднія причины побудили перевесть оныя и на Россійской языкЪ, дабы юношество нечувствительно научить добронравію; ибо младой и незрѣлой еще разумЪ больше

ше склонности оказываетъ къ чтенїю такихъ забавныхъ сочиненїй, нежели важныхъ, преисполненныхъ Философскими разсужденїями. Что касается до Россїйскаго переводу, то въ ономъ съ крайнимъ тщанїемъ наблюдаемо было самое простое нарѣчїе, приличное сочиненїямъ такого роду, а прочее предается на собственное благосклоннаго читателя разсужденїе.

ПОЛИ-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава вторая.

луча-

Глава третїя.

Глава четвертая.

)o(

Политическія и нравоучительныя БАСНИ Пильпая, философа индейскаго.

Что подало причину къ сочиненію сей книги, и кѣмъ оная сочинена.

Историки повѣствуютъ, что въ древнія времена былъ пограничной къ Китаю Царь, которой добродѣтелями своими во всемъ свѣтѣ прославился. Самые знатные владѣтели охотно ему покорялись; дворъ его былъ многолюденъ какъ Феридуновъ; чертоги великолѣпны

ны какъ Гемшидовы. Онъ былъ храбръ какъ Александръ; ополченъ какъ Дарїй. Совѣтъ его состоялъ изъ праводушныхъ и ученыхъ людей. Сокровища его были неизчетныя, войска многочисленныя, а самъ былъ мужественъ и правосуденъ. Гнѣвъ его ощущали одни токмо мятежники; воины подражали его храбрости; правосудїемъ своимъ искоренялъ мучителей, а милосердїемъ спомоществовалъ бѣднымъ. Словомъ, во время владѣнїя Гумаїонъ-Фала, такъ назывался оной премудрой Государь, подданные жили во всякомъ благополучїи, для того что онъ изыскивалъ и строго наказывалъ злыхъ, какъ рушителей общаго покоя. Правосудїе должно быть правиломъ Царскихъ дѣлъ, коего владѣнїе есть обиталище божїе, а неправосудїе клонится къ погибели его государства.

У помянутаго Царя былъ Визирь, или перьвой Министръ, которой любилъ народъ, какъ истинной отецъ. Онъ былъ милосердъ, и своимъ высокимъ разумомъ проницалъ въ самыя тайности государства. Имя ему было Кноестегъ-Рай, т. е. Высокой разумъ,

для того что своимъ остроумїемъ государство учинилъ благополучнымъ, такъ что Царь ничего не предпринималъ безъ его совѣта. Всякое дѣло должно предпринимать съ разсужденїемъ, а что безъ разсужденїя начинаемо бываетъ, то желаемаго успѣха не имѣетъ.

Царь выѣхалъ нѣкогда съ своимъ Визиремъ на охоту, и послѣ оной забавы намѣренъ былъ возвратиться въ свой дворецъ, но несносной солнечной жаръ въ томъ ему препятствовалъ; чего ради Визирь предложилъ ему ѣхать къ нѣкоторой горѣ, гдѣ было очень прохладно, и гдѣ удобно было укрыться отъ того чрезвычайнаго зною. Царь послѣдовалъ его совѣту, и они въ короткое время прибыли на объявленное мѣсто. Для прохладности происходящей отъ тѣни деревъ, которыми натура украсила берега источниковъ, позабыли они жаръ на пути претерпѣнной. Какъ Царю оное мѣсто показалось весьма прїятнымъ, то сошедъ онъ съ лошади сѣлъ на траву и разсуждалъ о дѣлахъ божїихъ, удивляяся во всемъ неподражаемому Создателю.

Осматриваясь на всѣ стороны увидѣлъ онъ дупло, которое гнилостїю доказывало свою древность, и въ которомъ водились пчёлы.

Царь спросилъ у Визиря, какое то малое животное? Всемилостивѣйшїй Государь! отвѣтствовалъ Визирь, сїи малыя животныя приносятъ великую пользу, а зла весьма мало дѣлаютъ. У нихъ есть царь (матка), которой другихъ больше, и коему всѣ прочїя повинуются. Престолъ свой имѣетъ въ четвероугольной вощаной каморѣ. У него есть Визирь, придверники и прочїе служители, изъ коихъ каждой дѣлаетъ для себя шестїугольную камору, такъ что углы столь между собою равны, что ни самой искусной геометръ равнѣе здѣлать не можетъ. По совершенїи оныхъ малыхъ каморъ Визирь принимаетъ отъ нихъ присягу въ томъ, что бы оныхъ никогда не осквернили. Въ силу того обѣщанїя садятся онѣ на розовыя только вѣтви, и на благоуханные цвѣты, такъ что все то, что онѣ ни ѣдятъ, въ короткое время въ желудкѣ ихъ варится и обращается въ сладкую матерїю. Когда онѣ

онѣ къ себѣ возвращаются, то придверники ихъ осматриваютъ, не имѣютъ ли онѣ смраднаго запаху; ежели не имѣютъ, то ихъ впущаютъ, а когда имѣютъ, то убиваютъ. И естьли несмотрѣнiемъ своимъ впустятъ пчелу съ смраднымъ запахомъ, а царь оное почувствуетъ, то придверниковъ и съ виноватою убивать повелѣваетъ. Когда чужая пчела въ ихъ домъ войти захочетъ, то придверники ее не пускаютъ; а ежели она силою ворваться пожелаетъ, то убиваютъ до смерти. Историки объявляютъ, что Гемшидъ нашелъ однихъ только сихъ животныхъ, которыя имѣютъ у себя Министровъ, придверниковъ, тѣлохранителей и другихъ служителей. Царь выслушавъ сiи слова подошелъ къ дереву, и разсматривалъ, какимъ образомъ оныя животныя отправляютъ свои должности; и по довольномъ разсмотрѣнiи удивлялся столь благоразумно учрежденному обществу. Визирь видя, что Царь пришелъ въ великое удивленiе, сказалъ ему: Всемилостивѣйшiй Государь! сей изрядной порядокъ зависитъ отъ согласiя, и непорочныхъ

поступокъ разумныхъ министровъ, имѣющихъ любовь и вѣрность къ своимъ Государямъ, и любителей общаго покоя, посредствомъ котораго государство всегда находится въ цвѣтущемъ состоянiи. Въ семъ надлежитъ послѣдовать примѣру великаго Дабшелима, которой препоручивъ владѣнiе своего государства премудрому Пильпаю брамину, при его остроумной пoмощи во всю свою жизнь владѣлъ спокойно, и оставилъ потомству незабвенную память своего имени.

Царь, услышавъ имя Дабшелимово и Пильпаево, почувствовалъ въ себѣ чрезвычайную радость. Давно ужѐ, сказалъ онъ Визирю, съ нетерпѣливостiю желалъ я слышать исторiю о владѣнiи помянутаго брамина, однако не имѣлъ въ томъ удовольствiя, а нынѣ благодарю бога за то, что желанiе мое совершится; и для того прошу я мнѣ оную разсказать, потому что его совѣты могутъ быть полезны и обществу и каждому особливо. Послѣ чего Визирь началъ исторiю свою слѣдующимъ образомъ:

ИСТО-

Исторія Дабшелима и Пильпая.

Отъ разумныхъ и знающихъ людей слышалъ я, что въ нѣкоторомъ Индейскомъ городѣ владѣлъ Государь, коего просвѣщенные Министры благоразумными своими совѣтами подданныхъ дѣлали благополучными, и справедливыя предпріятія своего Государя приводили къ благоуспѣшному окончанію. Сей Государь былъ непримиримой непріятель утѣснителей; злые люди не дерзали въ его земляхъ чинить коварства, для того что весьма строго наказываны были. Помянутой Владѣтель назывался *Дабшелимомъ* (имя весьма приличное такому Государю! потому что на ихъ языкѣ оное значитъ Великаго Царя). былъ онъ столь силенъ, что всегда предпринималъ чрезвычайныя дѣла. Армія его состояла изъ десяти тысячъ слоновъ; въ разсужденіижъ храбрыхъ и искусныхъ людей, войска его были многочисленны, такъ какъ и его сокровища. Для сихъ причинъ былъ онъ страшенъ своимъ непріятелямъ, и доставлялъ покой подвластнымъ ему наро-

народамъ, о коихъ самъ имѣлъ особливое попеченїе. Слушая ихъ ссоры и прекращая оныя съ удовольствїемъ, поставлялъ самъ себя судьею ихъ споровъ, не взирая на свое величество и великолѣпїе. Никогда не забывалъ онъ народной пользы, и дѣла своихъ подданныхъ всегда поручалъ на разсмотрѣнїе правосуднымъ людямъ. По приведенїи своего государства въ такой преизрядной порядокъ, жилъ онъ въ покоѣ, и препровождалъ время во всякомъ благополучїи. Нѣкогда разсуждая онъ о различныхъ наукахъ для успокоенїя своего разума, легъ на постелю. Какъ скоро заснулъ, то явился ему во снѣ свѣтомъ блистающей и величественной мужъ, которой ему сказалъ: Ты сего дня учинилъ изрядное дѣло въ разсужденїи любви къ богу, и за то получишь достойное награжденїе. Завтра на разсвѣтѣ поѣжжай въ восточную сторону, гдѣ уготовано для тебя неизчетное сокровище, посредствомъ котораго превысишь ты всѣхъ людей на свѣтѣ. Дапшелимъ тотчасъ пробудился, и началъ разсуждать о помянутомъ сокровищѣ.

На самомъ разсвѣтѣ приказалъ онъ осѣдлать наилучшую лошадь, и отправился въ восточную сторону. Проѣхавъ многія обитаемыя мѣста, прибылъ напослѣдокъ въ степь, гдѣ взирая на прекрасное поле, и осматриваясь на всѣ стороны, чтобъ увидѣть ожидаемое благополучіе, усмотрѣлъ чрезвычайно высокую гору, коея вершина выше облаковъ простиралась, а у подошвы оной горы находилась чрезмѣрно темная пещера. Въ ней увидѣлъ онъ сидящаго человѣка, котораго одинъ взоръ довольно показывалъ строгую его жизнь. Царю весьма хотѣлось къ нему подойти, а старикъ узнавъ его намѣреніе сказалъ ему: Всемилостивѣйшій Государь! хотя малая моя хижина ни мало сравниться не можетъ съ вашими великолѣпными чертогами; однако Цари по древнему еще обыкновенію изъ милосердія своего посѣщаютъ бѣдныхъ. Снисхожденіе знатныхъ особъ къ бѣднымъ умножаетъ ихъ величество. Соломонъ не взирая на свою славу и великолѣпіе, не преминулъ разсуждать и о малыхъ муравьяхъ. Дапшелиму пріятно было учтивство онаго старика, чего ради со-

сошелъ съ лошади, чтобъ съ нимъ разговаривать. И по довольномъ разговорѣ о различныхъ вещахъ, Царь намѣренъ былъ проститься съ старикомъ, которой сказалъ ему слѣдующее привѣтствiе: Всемилостивѣйшiй Государь! хотя и не надлежитъ такому бѣдному человѣку, какъ я, чѣмъ нибудь просить столь сильнаго Государя, какъ Ваше Величество; однако есть у меня подарокъ, [ежели оной прiятенъ будетъ Вашему Величеству], которой оставленъ мнѣ отъ отца моего, и которой для васъ назначенъ. Помянутой подарокъ состоитъ изъ сокровища, кое у меня здѣсь находится. Ежели оно Вашему Величеству угодно, то прикажите своимъ служителямъ оное найти. Дабшелимъ, слыша сiе, разсказалъ свой сонъ помянутому старику, которой чрезвычайно возрадовался тому, что намѣренiе его согласно съ изволенiемъ божiимъ. Почему Царь приказалъ своимъ служителямъ около пещеры искать помянутое сокровище, которое въ скоромъ времени нашли, и показали Царю множество сундуковъ и ящиковъ наполненныхъ золотомъ, серебромъ

ребромъ и дорогими каменьями. Между всѣми объявленными ящиками находился золотой ящищекъ съ финифтью, которой запертъ былъ многими потаенными замка́ми, къ коимъ ключей не было, сколько оныхъ ни искали, и сколько о томъ ни старались. Сіе тѣмъ больше умножило любопытство въ Государѣ. Надобно думать, сказалъ онъ, что въ ономъ ящичкѣ находится сокровище несравненно большей цѣны, нежели дорогія каменья, для того что онъ столь крѣпко и удивительно запертъ. Послѣ сего приказалъ онъ призвать слесаря и разбить ящичекъ, въ которомъ усмотрѣлъ онъ другой золотой же ящичекъ, украшенной дорогими каменьями, а въ немъ малинькую коробочку, которую Царь приказалъ себѣ пода́ть. Взявъ оную открылъ, и нашелъ въ ней лоскутъ бѣлаго атласу, на которомъ написано было нѣсколько строкъ на Сирскомъ языкѣ. Дабшелимъ тому удивившись сказалъ, чтобъ оное значило? Иные говорили, что въ нихъ изображено имя того, чье было сокровище; другіе объявляли, что то

волшебная грамота для сохраненія помянутаго сокровища. Когда всякой изъявилъ свое мнѣніе, то Царь приказалъ искать такого человѣка, которой бы оное письмо истолковать могъ. Потомъ нашли знающаго иностранные языки и представили его Царю, которой сказалъ ему весьма милостиво: Я желаю, чтобъ ты мнѣ изъяснилъ вразумительными словами, что написано на атласѣ. По прочтеніи письма объявилъ онъ Царю: Всемилостивѣйшій Государь! въ немъ содержатся слѣдующія увѣщанія:

Я Царь Гушенкъ положилъ здѣсь сіе сокровище для великаго Царя Дабшелима, увѣдавъ чрезъ откровеніе божіе, что оно для него опредѣлено. Но между сими драгоцѣнными вещьми скрылъ я духовную, на подобіе наставленія, изъ которой можно будетъ усмотрѣть, что разумные люди блистаніемъ сокровища ослѣплять себя не должны. богатство не что иное есть, какъ вещь занятая, которую со временемъ должно будетъ отдать нашимъ наслѣдникамъ. Самыя наиприятнѣйшія увеселенія въ свѣтѣ не

вѣчны

вѣчны. Сїя духовная содержитъ въ себѣ сокращенїе касающееся до управленїя Царскихъ поступокъ, и мудрому Монарху непремѣнно надлежитъ слѣдовать въ ней заключающимся наставленїямъ. Кто оныя презритъ, и не будетъ послѣдовать симъ четырнатцати статьямъ, тотъ безъ сомнѣнїя въ скоромъ времени увидитъ совершенную погибель своего государства.

Первая статья состоитъ въ томъ, чтобъ Государь внушенїй не слушалъ, и не изгонялъ своихъ служителей; ибо находящїеся въ милости у Царя довольно имѣютъ клеветниковъ и завистниковъ своего благополучїя, кои видя, что Царь оказываетъ къ нимъ нѣкоторую склонность, непрестанно стараются привесть ихъ въ ненависть, вымышляя различныя оклеветанїя.

2.) Цари никогда не должны при себѣ сносить льстецовъ и клеветниковъ, потому что они ни о чемъ больше не стараются, какъ о произведенїи ссоръ. Наипаче надлежитъ истреблять такихъ людей, что бы человѣческое общество пребыло безмятежно.

3) Царю надлежитъ содержать доброе согласіе между своими вельможами и министрами, что бы они соединенными силами трудились о сохраненіи государства.

4) Царь никогда не долженъ вѣрить уничиженію своихъ непріятелей. Чѣмъ больше будутъ они оказывать склонности, и засвидѣтельствовать свои услуги, тѣмъ больше не надлежитъ вѣрить ихъ коварствамъ. Не можно совершенно положиться на дружество непріятеля; должно отъ него удаляться, когда онъ приближается съ дружескимъ видомъ, такъ какъ сухое дерево отъ сильнаго огня далѣе относятъ.

5) Что съ крайнимъ раченіемъ пріобрѣтено, оное надлежитъ хранить со всякимъ прилѣжаніемъ, потому что къ пріобрѣтенію того не всегда одинакія средства имѣть можно; а когда того не сохранимъ, что получимъ, тогда остается для насъ одно только неудовольствіе, что пріобрѣтенное потеряли. Пущенной стрѣлы возвратить уже не можно, хотя бы съ досады обгрызъ у себя и руки.

6)

6) Не должно никогда начинать дѣла скоропостижно и безъ разсужденія, но прежде предпріятія надлежитъ онѣе обстоятельно изслѣдовать. Скоропостижно предпринимаемыя дѣла всегда бываютъ вредны. Что еще не здѣлано, оное здѣлать можно, но здѣлавши худо, безполезно раскаиваться будешь.

7) Никогда не надлежитъ презирать совѣта и благоразумія. Естьли нужда потребуетъ заключить дружество съ непріятелями, чтобъ отъ ихъ рукъ избавиться, то оное должно учинить безъ дальнаго отлагательства.

8) Надобно удаляться отъ обхожденія съ лукавыми людьми, и не слушать ихъ ласкательствъ, потому что они въ сердцѣ своемъ имѣютъ корень зла, и не могутъ произвесть дружества, но только размножаютъ ненависть.

9) Государю должно быть милосерду въ прощеніи повинныхъ, и не надлежитъ ему наказывать своихъ придворныхъ за малое преступленіе учиненное отъ слабости: ибо милосердой Государь на землѣ подобенъ

бенъ Ангелу на небеси. Надобно въ разсужденіе принимать слабость человѣческую, и своею благостію и милосердіемъ прикрывать человѣческіе пороки. Подданные всегда погрѣшали, а Государи всегда имъ въ томъ прощали.

10) Не должно никому зла дѣлать; но всякому по возможности оказывать благодѣяніе. Кому здѣлаешь добро, тотъ самому тебѣ благодѣяніе окажетъ; а кому учинишь зло, то и самому того надлежитъ опасаться.

11) Ничего противнаго своему достоинству искать не должно. Много такихъ людей, кои оставя свои дѣла, мѣшаются въ другія, и напослѣдокъ ни въ чемъ успѣха не имѣютъ. Воронъ желая научиться ходить по куропаточьи, не имѣлъ желаемаго въ томъ успѣха, но только позабылъ собственную свою походку.

12) Надлежитъ имѣть кроткой и снисходительной нравъ. Кротость въ обществѣ подобна соли въ ѣствѣ: ибо сія придаетъ вкусъ въ пищѣ, а оною всякой доволенъ бываетъ. Мечь не столь остръ какъ кротость, которая

торая побѣждаетъ и многочисленныя армїи.

13) Должно имѣть служителей вѣрныхъ, и не допускать къ себѣ коварныхъ людей; ибо симъ способомъ государство пребудетъ въ безопасности, и царскїя тайности не откроются.

14) Не надобно беспокоиться о перемѣнахъ въ семъ мїрѣ приключающихся. Разумной человѣкъ всякїя нещастїя сноситъ великодушно, и уповаетъ на провидѣнїе божїе. Напротивъ того безумной ни о чемъ больше не старается, какъ о забавахъ и увеселенїяхъ.

Много есть исторїй на каждую изъ сихъ статей. Естьли Царь желаетъ оныя слышать, то надлежитъ ему итти къ горѣ при Серандибѣ, гдѣ жительство свое имѣлъ праотецъ нашъ Адамъ, и гдѣ всѣ трудности истолкованы ему будутъ, и намѣренїя его совершатся. Богъ да ниспошлетъ намъ миръ.

Какъ скоро помянутой ученой прочиталъ сїе наставленїе, то Дабшелимъ его обнялъ, и взявъ у него листъ съ почтенїемъ и прижавъ къ своему сердцу сказалъ: Мнѣ обѣ-

обѣщано сокровище мірское, а нашелъ сокровище тайное; благословенїемъ божїимъ у меня довольно имѣнія. Потомъ немедлѣнно приказалъ золото и серебро раздѣлить убогимъ въ воспоминовенїе души Царя Гушенка; послѣ чего возвратился во дворецъ, гдѣ всю ночь препроводилъ въ размышленіи о предпринимаемомъ путешествіи къ объявленной горѣ.

На другой день по восхожденіи солнца приказалъ Дабшелимъ собрать передъ себя перьвыхъ Министровъ, къ коимъ имѣлъ наибольшую повѣренность. Онъ открылъ имъ свой сонъ, и что съ нимъ послѣ того приключилось; объявилъ имъ свое желанїе о предпрїятіи путешествїя къ горѣ находящейся при Серандибѣ. Давно ужѐ, говорилъ онъ имъ, предпринималъ я всѣ свои намѣренія съ совѣту, да и нынѣ полагаюсь на васъ въ томъ, что предложилъ я вамъ о моемъ путешествіи. Скажите мнѣ, какого вы о семъ мнѣнія? Министры просили у Царя сроку на сутки, для разсмотрѣнія онаго дѣла, и для учиненія ему на то отвѣта. Дабшелимъ согласился на ихъ прошенїе, и на дру-

другой день собрались они къ Царю. Всякой сѣлъ на свое мѣсто, и ожидали, пока Царь дастъ знакъ, чтобъ они объявили свои мнѣнія; а получивъ позволеніе, Великой Визирь ставъ на колѣни, и превознося Его Величество обыкновенными похвалами, слѣдующимъ образомъ говорить на́чалъ: Всемилостивѣйшій Государь! мнѣ кажется, что оное путешествіе больше трудности въ себѣ заключаетъ, нежели пользы: ибо кто отправляется въ путь, тотъ отрицается отъ всякаго спокойствія. Вашему Величеству не безъизвѣстны опасности и незапныя приключенія въ пути случающіяся; и для того разумному человѣку не надлежитъ спокойствія мѣнять на безпокойство, но должно всегда на память приводить басню о голубѣ путешественникѣ, и опасности на пути имъ претерпѣнныя.

ГЛА-

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

БАСНЯ I.

О голубѣ путешественникѣ.

Всемилостивѣйшїй Государь, сказалъ Визирь, были нѣкогда два голубя, кои довольствуясь пшеницею и водою, жили въ своихъ гнѣздахъ во всякомъ благополучїи не чувствуя беспокойствъ отъ непогоды. Жить въ уединенїи съ своимъ другомъ, и не лишаться для него другихъ мїрскихъ бесѣдъ, есть великое сокровище; но кажется, что судьба опредѣлила прїятелямъ другъ съ другомъ разлучиться. Одинъ изъ помянутыхъ голубей назывался безандехъ, а другой Невазандехъ. Нѣкогда безандеху вздумалось путешествовать, и онъ сообщилъ намѣренїе свое товарищу: долго ли намъ жить заключеннымъ въ скважинѣ, сказалъ онъ ему? Что до меня касается, я твердое принялъ намѣренїе странствовать по свѣту. Въ путешествїяхъ всегда можно видѣть на-

новыя вещи и пріобрѣсть довольное искусство. Великіе люди говорятъ, что посредствомъ путешествій можно получить познаніе, котораго мы не имѣемъ. Но обнаженной мечь не можетъ оказать своей крѣпости, и перо не исписавъ нѣсколько листовъ, не въ состояніи показать своего краснорѣчія. Небо для непрестаннаго своего движенія находится выше всѣхъ прочихъ тѣлъ; а земля поелику неподвижна, служитъ къ хожденію всѣмъ тварямъ. Когда бы дерево могло переходить съ одного мѣста на другое, тобъ оно не имѣло опасаться ни пилы ни топора, и не было посѣкаемо дровосѣками. Правда, сказалъ ему Незандехъ; но любезной другъ, ты не сносилъ еще трудностей въ путешествіяхъ, и не знаешь, каково жить въ чужихъ краяхъ. Путешествіе подобно такому дереву, которое вмѣсто плода приноситъ только неспокойствія. Хотя трудности путешественниковъ велики, отвѣтствовалъ Безандехъ, однако оныя награждаемы бываютъ удовольствіемъ, что видятъ они великое множество рѣдкихъ вещей; и кто привыкнетъ къ трудамъ, тому

оные

оные бывают послѣ не столь тягостны. Путешествія, говорилъ Невазандехъ, пріятно предпринимать съ своими пріятелями; а когда съ ними разлучишься, то сверьхъ несносной погоды принужденъ будешь чувствовать болѣзнь, что растался съ тѣмъ, кого любишь; и такъ не оставляй мѣ́ста, гдѣ ты живешь въ спокойствіи съ своимъ пріятелемъ. Ежели труды будутъ для меня несносны, отвѣтствовалъ безандехъ, то въ скоромъ времени назадъ возвращуся. Послѣ сихъ разговоровъ обняли другъ друга, и взаимно простившись разлучились. безандехъ вылѣтелъ изъ своего гнѣзда, какъ птица вырвавшаяся изъ клетки; съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы и сады; и прилѣтевъ къ нѣкоторому холму, гдѣ многіе источники украшенные изрядными деревами орошали пріятные луга, принялъ намѣреніе препроводить ночь на такомъ мѣстѣ, которое дѣйствительно подобно было земному раю. Но едва только сѣлъ онъ на дерево, то вдругъ воздухъ померкъ, молнія начала̀ блистать и помрачать зрѣніе, и громъ раздавал-

ся по всему полю. Для великаго дожжа и граду бѣдной голубь перелѣталъ съ одной вѣтьви на другую, и не зналъ гдѣ сѣсть, чтобъ избѣжать отъ ударовъ; напослѣдокъ столь безпокойно препроводилъ онъ ночь, что началъ ужѐ и раскаиваться, что разлучился съ своимъ прїятелемъ. На другой день по утру, какъ солнце прогнало темныя облака, безандехъ принялъ намѣренїе возвратиться домой; но голодной ястребъ увидя нашего путешественника со всего полѣту на него устрѣмился. Сїе видя голубь затрепеталъ; отчаялся видѣть своего друга сожалѣя о томъ, что не послѣдовалъ его сотвѣтамъ, и клялся, что никогда не будетъ мыслить о путешествїи, ежели только избавится отъ сей напасти. Между тѣмъ ястребъ его настигъ, и только лишъ хотѣлъ его разорвать, какъ голодной орелъ, которому никакая птица противиться не можетъ, налѣтѣвъ на ястреба сказалъ: Дай мнѣ съѣсть сего голубя, пока ненайду чего потверже. Ястребъ будучи столь же смѣлъ сколь и голоденъ, не хотѣлъ уступить орлу, и обѣ

сїи

сїи птицы начали между собою драться. Между тѣмъ голубь вырвавшись изъ ихъ когтей, и примѣтивъ весьма малую скважину, въ которую и воробью едва войти можно, въ оную укрылся, и препроводилъ ночь въ крайнемъ беспокойствѣ. На другой день на разсвѣтѣ вышелъ онъ оттуда, но съ голоду въ такую приведенъ былъ слабость, что не могъ лѣтеть. Онъ не избавившись еще отъ прежняго страха, и на всѣ стороны осматриваясь не лѣтитъ ли на него ястребъ или орелъ, увидѣлъ на полѣ голубя, передъ которымъ очень много было пшеницы, и приближился къ нему смѣло; но лишь только склевалъ нѣсколько зеренъ, то почувствовалъ, что у него ноги запутались. Мїрскїя увеселенїя не что иное есть, какъ сѣти, которыя дїаволъ для насъ поставляетъ.

братецъ, сказалъ безандехъ голубю, мы съ тобою одного роду, для чегожъ ты не объявилъ мнѣ о семъ обманѣ, я бы остерегался и не попался въ сѣти. На что голубь отвѣтствовалъ ему: перестань мнѣ о семъ говорить, никто не можетъ предви-

предвидѣть своей судьбины; человѣкъ со всею своею мудростію и осторожностію не въ состояніи избѣжать неминуемаго приключенія. Напослѣдокъ безандехъ просилъ его, показать ему какой нибудь способъ къ избавленію, увѣряя, что онъ вѣчно благодаритъ его обязанъ будетъ. Глупинькой, отвѣтствовалъ ему голубь, ежели бы я зналъ какое средство, то бы я оное самъ употребилъ къ своему спасенію, и я не былъ бы причиною напасти моихъ товарищей. Молодой верьблюдъ въ дорогѣ утрудившись сказалъ своей матери: Немилосердая мать! остановись хотя на малое время, чтобъ я могъ отдохнуть. безразсудной сынъ, отвѣтствовала она, развѣ ты не видишь, что узда моя въ рукахъ у другаго? ежели бы я была свободна, то бы зб росила свою тягость, и тебѣ учинила помощь. Напослѣдокъ путешественникъ нашъ съ отчаянія собравъ всѣ свои силы, столь крѣпко рвался, что перервалъ сѣти; и употребивъ въ пользу сіе нечаянное благополучіе, полетѣлъ на свою родину. Отъ чрезвычайной радости, которую онъ чувствовалъ,

что избавился отъ толь великой опасности, позабылъ уже и голодъ. Летѣвъ черезъ нѣкоторую деревню сѣлъ онъ на стѣнѣ противъ засѣяннаго недавно поля. Крестьянинъ, которой стерегъ оное, что бы птицы не клевали посѣянныхъ сѣмянъ, усмотрѣвъ голубя бросилъ въ него изъ пращи камень, и такъ жестоко его ударилъ, что онъ безъ чувства упалъ въ колодесь, находившейся возлѣ помянутой стѣны. Колодезь столь былъ глубокъ, что въ сутки не можно было достать до дна веревкою; такъ что крестьянинъ не могши получить своей добычи, оставилъ ее въ колодезѣ, и не помышлялъ больше объ оной. Голубь препроводилъ тамъ всю ночь въ горести и болѣзни отъ перебитаго крыла, съ сожалѣнiемъ воспоминая благополучное пребыванiе своего прiятеля. Прiятное жилище, говорилъ онъ, въ которомъ видѣлъ я друга, коего никогда оставлять не надлежало! какимъ образомъ могу я паки тебя видѣть? На другой день собралъ всѣ свои силы, такъ что могъ вылетѣть изъ колодезя, и возвратился наконецъ къ своему гнѣзду. Неван-

зандехъ

зандехъ узнавъ по полету своего прїятеля, съ чрезвычайною радостїю полетѣлъ ему на встрѣчу, но видя его въ крайней слабости и унынїи спросилъ о причинѣ. Товарищъ разсказалъ ему всѣ свои приключенїя съ клятвою обѣщаясь, что онъ никогда впредь путешествовать не будетъ.

Я донесъ Вашему Величеству сей примѣръ, что бы вы не предпочитали неспокойствъ, въ путешествїи происходящихъ, спокойствїю, которымъ нынѣ наслаждаетесь. Премудрый Визирь! сказалъ ему Царь, правда, что въ путешествїяхъ много труда сносить должно; однако и то справедливо, что изъ того можно получить великую пользу, и прїобрѣсть довольное познанїе. Ежели бы человѣкъ никогда не выходилъ изъ дому, то бы онъ лишенъ былъ прїятнаго наслажденїя бесчисленнаго множества изрядныхъ вещей. Соколовъ предпочитаютъ другимъ птицамъ, потому что они часто бываютъ на рукахъ у Государей и оставляютъ праздную жизнь, которую бы они препровождали въ своихъ гнѣздахъ; напротивъ того совы въ презрѣнїи находятся, потому что онѣ

всегда живутъ въ развалинахъ, и во тмѣ, и всегда препровождаютъ уединенную жизнь. Надлежитъ возвышаться на подобіе сокола и путешествовать, а не скрытно жить на подобіе совы. Кто путешествуетъ, тотъ всѣмъ пріятенъ бываетъ, и разумные люди за удовольствіе почитаютъ съ нимъ бесѣдовать. Нѣтъ чище текущей воды, а стоящая скоро портится. Естьли бы соколъ воспитанной въ вороньемъ гнѣздѣ не вылетѣлъ для странствованія, то бы онъ не получилъ столь великой чести. Визирь просилъ Царя, чтобъ онъ ему благоволилъ разсказать сію басню, что и учинилъ онъ слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ II.

О соколѣ и воронѣ.

Два сокола имѣли свои гнѣзда на превысокой горѣ, откуда вылетали они во всѣ стороны, для сысканія пищи своимъ дѣтямъ. Въ нѣкоторой день, вылетѣвъ изъ гнѣздъ своихъ, очень долго назадъ не возвратились. Одинъ изъ ихъ дѣтей будучи чрезвычайно голоденъ, высунулъ изъ гнѣзда голову, и упалъ подъ

гору.

гору. Воронъ, которой на ономъ мѣстѣ находился, его увидѣлъ, и подумавъ сперьва, что то крыса, которую уронилъ другой воронъ, но узнавъ по носу и по кохтямъ, что то ловчая птица, почувствовалъ къ ней любовь; и представляя себѣ, что богъ употребилъ его къ ея спасенію, понесъ въ свое гнѣздо, и выкормилъ съ своими дѣтьми. Соколъ росъ со дня на день, а пришедъ въ возрастъ и разумъ, говорилъ самъ себѣ: ежели я братъ симъ воронамъ, то для чего я имъ не подобенъ; а ежели я не изъ ихъ поколѣнія, то за чемъ здѣсь мнѣ жить. Какъ онъ нѣкогда о семъ размышлялъ, то спросилъ его воронъ: сынъ мой! съ нѣкотораго времени вижу я тебя въ печали; я бы желалъ знать тому причину; ежели ты о чемъ безпокоишься, то отъ меня не скрывайся; я постараюсь тебя утѣшить. Самъ я не знаю тому причины, отвѣтствовалъ соколъ; но я принялъ намѣреніе просить тебя, что бы позволено мнѣ было странствовать; я думаю, что сіе разгонитъ мою задумчивость. Сынъ мой! сказалъ воронъ, ты

предпрїялЪ намѢренїе чрезвычайно трудное; путешествїе подобно морю, все поглощающему; обыкновенно странствуютЪ или для прїобрѢтенїя богатства, или для избѢжанїя домашняго безпокойства и нещастїя. Однако ни которая изЪ сихЪ двухЪ причинЪ не можетЪ тебя побудить кЪ сему намѢренїю; благодари бога! у тебя ни вЪ чемЪ недостатка нѢтЪ. Ты полную власть имѢешь надЪ другими своими братьями; ты здѢлаешь великое дурачество, когда извѢстной покой оставишь, и вЪ другихЪ странахЪ искать будешь трудностей и безпокойствЪ. СоколЪ на то отвѢтствовалЪ: все, что ты мнѢ ни говоришь, справедливо, и я оное прїемлю за знакЪ твоей ко мнѢ любви; но самЪ вЪ себѢ нѢчто ощущаю, что меня удостовѢряетЪ, что жизнь, которую я нынѢ препровождаю, недостойна моего состоянїя. Тогда воронЪ узналЪ, что благородные люди, не взирая на худое воспитанїе, всегда имѢютЪ мнѢнїя достойныя ихЪ природы. ОнЪ намѢренЪ былЪ перемѢнить разговорЪ, объявляя ему: что я тебѢ говорю, оное касается

до

до воздержанія, а что ты объявляешь, оное происходитъ отъ сребролюбія. Вѣдай, что всякъ, кто собственнымъ своимъ бываетъ недоволенъ, тотъ никогда спокоенъ быть не можетъ; и поелику я вижу, что ты недоволенъ своимъ состояніемъ, и хочешь отдаться своему честолюбію, то я опасаюсь, что бы съ тобою тоже не воспослѣдовало, что съ прожорливою и высокомѣрною кошкою, о которой скажу я тебѣ исторію.

БАСНЯ III.

О прожорливой и высокомѣрной кошкѣ.

У нѣкоторой старухи, жившей въ весьма тѣсной и темной хижинѣ, была кошка, которая никогда не видывала хлѣба, и никого кромѣ той старухи не знала, потому что никуда изъ оной хижины не выходила, и довольствовалась однимъ только обнюхиваніемъ мышьихъ норъ, или смотрѣніемъ на ихъ слѣды; а когда по особливому щастію случалось изловить ей мышь, то она тому радовалась, какъ нищей нашедшей кладъ; взоръ ея пылалъ отъ радости, и она

съ такою добычею препровождала иногда цѣлую недѣлю, и съ чрезвычайнымъ восторгомъ сама себѣ говаривала: боже мой! во снѣ ли я то вижу, или на яву и въ самомъ дѣлѣ. Но поелику въ оной хижинѣ нечемъ было ей кормиться, то она непрестанно жаловалась. Нѣкогда умирая съ голоду влѣзла она на кровлю, и увидѣла другую кошку, которая на сосѣднемъ заборѣ поваливалась какъ левъ, и прогуливалась очень тихо. Она столь жирна была, что насилу могла ходить. Старухина кошка удивилась; видя звѣря тогожъ роду столь толстаго и жирнаго закричала, и сказала ей: мнѣ кажется, что ты пришла съ пиру Китайскаго Хана, прошу тебя, скажи мнѣ, отъ чего ты такъ разжирѣла? Отъ стола Царскаго, отвѣчала жирная кошка; всякой день хожу я во время обѣда къ дверямъ Царскимъ, и получаю хорошую часть мяса, которою я довольствуюсь до другаго дни. Тощая кошка спрашивала о дорогѣ, и просила жирную кошку взять ее съ собою. Я это здѣлаю, отвѣчала жирная кошка, потому что ты такъ худа, что мнѣ на тебя

жалко

жалко смотрѣть. Послѣ сего обѣщанія онѣ разстались. Тощая кошка возвратясь въ хижину къ старухѣ, разсказала ей все происходившее. Старуха стараясь отвратить ее отъ принятаго намѣренія, объявляла ей, чтобъ она остерегалась въ томъ обману. Желанія высокомѣрныхъ людей по тѣхъ поръ удовольствованы быть не могутъ, пока ихъ земля не покроетъ. Одно только воздержаніе обогащаетъ человѣка. Всѣмъ путешествующимъ для удовольствія своего честолюбія надлежитъ вѣдать, что тотъ, кто недоволенъ своимъ щастіемъ, не знаетъ бога, и не воздаетъ ему должнаго благодаренія. Тощая кошка о столѣ Царскомъ возъимѣла столь изрядное воображеніе, что старухины разумныя представленія въ одно ухо принимала, а въ другое выпускала. На другой день съ жирною кошкою пошла она къ дверямъ Царскимъ; но прежде еще прибытія ихъ судьба изготовила ей напасть. Нѣсколько человѣкъ, очень проворныхъ, въ тайныхъ мѣстахъ разставлены были около двора, чтобъ бить кошекъ, которыя въ прошедшей день при столѣ Царскомъ причинили нѣкоторой без-

порядокъ. Старухина кошка ничего не опасаясь, какъ скоро увидѣла кусокъ мяса, бросилась съ великою жадностїю; и только лишъ начала ѣсть, то нечаянно ранили ее стрѣлою въ бокъ. Между тѣмъ рана была не весьма тяжка, такъ что она въ состоянїи была убѣжать. Видя, что исходитъ кровью, сказала сама себѣ, ежели я не умру отъ сей раны, то никогда не разстанусь съ своимъ угломъ и мышами.

Я привелъ тебѣ сей примѣръ, говорилъ воронъ соколу, чтобъ тебѣ доказать, что лучше довольну быть своимъ, нежели искать того, что честолюбїе влагаетъ намъ въ мысли. Все, что ты ни говоришь, отвѣтствовалъ соколъ, справедливо; но жить всегда въ тѣсномъ мѣстѣ прилично только малодушнымъ людямъ. Кто желаетъ быть Царемъ, тому надлежитъ завоевать государство; и кто намѣренъ получить корону, долженъ оныя искать; роскошная и праздная жизнь неприлична великому и благородному сердцу. Твое предпрїятїе, отвѣтствовалъ воронъ, трудно произвесть въ дѣйство;

прежде завоеванія государства, надлежитъ къ тому приготовиться. Когти мои, сказалъ соколъ, суть способныя орудія къ полученію благополучнаго успѣха въ моемъ предпріятіи. Развѣ не слыхалъ ты исторіи онаго славнаго воина, которой однимъ своимъ мужествомъ Царемъ здѣлался. Воронъ просилъ его, чтобъ онъ ему разсказалъ, и соколъ началъ оное разсказывать слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ IV.

О бѣдномъ человѣкѣ, у котораго сынъ Царемъ здѣлался.

Богъ нѣкоему человѣку, жившему въ крайней бѣдности, даровалъ, для избавленія его отъ сего состоянія, сына, которой при самомъ рожденіи оказалъ, что онъ со временемъ будетъ великимъ человѣкомъ. Помянутой младенецъ былъ какъ нѣкоторая благодать въ домѣ онаго старика, коего имѣніе часъ отъ часу умножаться начало. Юноша пришедъ нѣсколько въ разумъ, ни о чемъ больше не говорилъ, какъ о мечахъ, стрѣ-

лахъ и лукахъ. Отецъ послалъ его въ училище, и всевозможное прилагалъ старанїе, вперить ему доброй вкусъ въ наукахъ. Какъ пришелъ онъ въ совершенной уже возрастъ, то отецъ сказалъ ему: Ты вышелъ теперь изъ ребячества, и опасно, чтобъ ты не впалъ въ безпорядки, ежели ты страстямъ своимъ послѣдовать будешь. А чтобъ упредить такое нещастїе, намѣренъ я тебя женить. Для бога батюшка! отвѣчалъ юноша, не лишай меня невѣсты, которую я себѣ избралъ. Гдѣ оная невѣста, спросилъ старикъ, и какова она состоянїя? Вотъ она, отвѣтствовалъ юноша, показывая на свою шпагу; симъ способомъ намѣренъ я получить престолъ. Послѣ сего выѣхалъ онъ изъ дому отца своего, и искалъ случаевъ оказать свою храбрость, и наконецъ учинилъ столь много славныхъ дѣлъ, что зделался сильнымъ Государемъ.

Сей примѣръ объявилъ я тебѣ, сказалъ соколъ ворону, для того, чтобы ты зналъ, что я родился къ предприятїю великихъ дѣлъ; и я напередъ чувствую, что я не меньше благо-

благополученъ буду, какъ и помянутой воинъ. Для сей причины никогда не оставлю я своего намѣренія. Воронъ видя, что онъ твердо стоитъ въ своемъ предпріятіи согласился на оное, будучи совершенно увѣренъ, что столь благородное сердце не учинитъ подлыхъ дѣйствій. Соколъ простившись съ врономъ и мнимыми своими братьями, изъ гнѣзда вылетѣлъ. Онъ сѣлъ на нѣкоторой горѣ, откуда смотря на всѣ стороны, увидѣлъ птицу, которой пріятное пѣніе раздавалось по холмамъ окружающимъ оное мѣсто; и тотчасъ полетѣлъ на нее съ великимъ стремленіемъ, и схвативъ сталъ ее ѣсть. Начало учинено изрядно, сказалъ онъ самъ себѣ; и такимъ образомъ странствуя лучше ѣсть нѣжное мясо, нежели сидя въ гнѣздѣ питаться стервою, какъ дѣлаютъ мои братья. И такъ препроводилъ онъ цѣлые три дни довольствуясь нѣжнымъ птичьимъ мясомъ. На четвертой день находясь еще на верьху другой горы, увидѣлъ вдали множество охотниковъ, которые птицъ ловили; тутъ былъ Царь той земли со всѣмъ

своимъ дворомъ. разсматривая всѣхъ увидѣлъ онъ сокола, которой гнался за цаплею. будучи ободренъ благородною ревностїю, пустился съ крайнимъ стремленїемъ, и перегнавъ охотничьяго сокола, поималъ цаплю. Царь удивившись такой проворности, приказалъ своимъ охотникамъ употребить всю хитрость, и поимать онаго сокола; въ чемъ они и имѣли благополучной успѣхъ. Въ короткое время Царь такъ началъ его любить, что обыкновенно носилъ его на собственной своей рукѣ.

Ежели бы онъ всегда жилъ въ своемъ гнѣздѣ, то бы никогда съ нимъ не зделалось такова щастїя. Изъ сей басни можете видѣть, что путешествїя не безполезны; они ободряютъ нерадивыхъ людей, и дѣлаютъ способными къ предпрїятїю добрыхъ дѣлъ. Какъ Дабшелимъ окончалъ свою рѣчь, другой Визирь вставъ началъ говорить: Все, что Ваше Величество предлагать изволили, справедливо; однако мнѣ кажется, что великому Царю не надлежитъ спокойствїя мѣнять на несносные труды. Храбрые люди, отвѣт-

вѣтствовалъ Царь, за удовольствїе почитаютъ сносить труды, и вдаваться въ опасности. Естьли сильные Цари не очистятъ тернїя изъ розовыхъ кустовъ, то подданные могутъ ли собирать розы? и пока Государи не прїобыкнутъ сносить военные труды, будутъ ли подданные въ покоѣ? Никто въ государствѣ безопасенъ не будетъ, ежели старається будешь о своемъ только покоѣ. Кто трудится, тотъ находитъ себѣ спокойствїе, на подобїе барса, которой своими старанїями и трудами получилъ свое желанїе. Визирь просилъ Царя, чтобъ онъ изволилъ разсказать оную басню.

БАСНЯ V.

О барсѣ и Львѣ.

Недалеко отъ бассеры былъ весьма изрядной островъ, на которомъ находился чрезвычайно прїятной лѣсъ. Воздухъ былъ тамъ благорастворенной, и протекали многїе прохладные источники, кои разливались на всѣ стороны. На семъ острову жилъ

такой

такой свирѣпой барсъ, что самые отважные львы не смѣли къ нему приближаться на цѣлую милю. Жилъ онъ на томъ островѣ нѣсколько лѣтъ въ покоѣ съ другимъ малымъ барсомъ, которымъ онъ веселился. Сынъ мой! говорилъ онъ ему, какъ скоро придешь ты въ силу противиться моимъ непрїятелямъ, то поручу я тебѣ правленїе надъ островомъ, а самъ удалюсь въ малой уголокъ и тамъ препровожду остатки моей жизни безъ всякаго труда и беспокойства. Однако смерть пресѣкла намѣренїе стараго барса; онъ нечаянно умеръ, а молодой барсъ ему наслѣдовалъ. Непрїятели какъ скоро увѣдомились о смерти стараго барса, и о слабости его наслѣдника, заключили между собою союзъ, и соединенными силами вступили на островъ. Молодой барсъ чувствуя слабость къ сопротивленїю толикому множеству непрїятелей, удалился въ степь, и искалъ спасенїя въ бѣгствѣ. Между тѣмъ непрїятели завладѣли островомъ, и каждой изъ нихъ желалъ обладать онымъ. Между ими произошло несогласїе, и напо-

слѣ-

слѣдокъ дошло до кровопролитнаго сраженїя. Левъ остался побѣдителемъ, и прогнавъ съ острова всѣхъ прочихъ учинился спокойнымъ владѣтелемъ онаго.

Молодой барсъ по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ въ лѣсу встрѣтился со львами, разсказалъ имъ свои нещастїя, и просилъ ихъ о учиненїи помощи къ возвращенїю острова; но львы вѣдая силу неправеднаго похитителя онаго острова, отреклись помогать барсу, и сказали ему: Нещастной! знай, что твой островъ находится во власти такого страшнаго льва, что и птицы не дерзаютъ летать надъ его головою. Мы совѣтуемъ тебѣ, говорили они, итти къ нему, и представя ему свои услуги, изыскивать время къ отмщенїю учиненной тебѣ обиды. Барсъ послѣдовалъ ихъ совѣту, пошелъ къ острову, встрѣтился съ однимъ ближнимъ служителемъ, котораго просилъ онъ весьма учтивымъ образомъ показать ему способъ видѣться и переговорить съ его государемъ. Левъ усмотрѣлъ въ немъ столь много достоинства, что далъ ему

при

при своемъ дворѣ знатной чинъ, и барсъ въ короткое время пришелъ у льва въ такую великую милость, что придворные вельможи начали тому завидовать. Въ нѣкоторое время государственная нужда отзывала льва въ отдаленное отъ острова мѣсто, но для несноснаго жару весьма не хотѣлось ему выттить изъ густаго лѣса; чего ради барсъ просилъ позволенія отправиться въ тотъ походъ, а получивъ оное съ нѣкоторымъ числомъ другихъ звѣрей, которые пошли добровольно, прибывъ на показанныя мѣста привелъ все въ надлежащей порядокъ, и столь скоро возвратился ко двору, для отданія въ томъ отвѣту, что Царь удивляясь толикой скорости сказалъ: Я весьма благоразумно здѣлаю, когда барсу поручу правленіе надъ моею арміею, потому что онъ презираетъ труды и опасности для утвержденія государственнаго покоя. Въ то самое время приказалъ онъ призвать передъ себя барса, превозносилъ его ревность, поручилъ ему правленіе надъ всѣми своими лѣсами, и учинилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Есть

Естьли бы барсъ не предпрїялъ онаго путешествїя, то бы никогда не получилъ своего острова. Изъ сихъ рѣчей Визири усмотрѣли, что Царя не можно отвратить отъ предпрїятаго намѣренїя. Для сей причины ничего больше ему противнаго не представляли. Во время своего отсудствїя поручилъ онъ правленїе своего государства одному изъ своихъ Визирей, котораго онъ больше всѣхъ любилъ, и приказалъ ему паче всего попеченїе имѣть о народѣ. Симъ образомъ успокоившись Дабшелимъ съ нѣкоторыми своими главными придворными отправился въ Сеннахерибъ, куда по долговременномъ и трудномъ путешествїи благополучно прибылъ. Препроводивъ три дни въ помянутомъ городѣ, и оставивъ напослѣдокъ свой обозъ и нѣкоторую часть служителей, пошелъ къ горѣ, которая была чрезмѣрно высока, и окружена прекрасными долинами и многими садами. Оглядываясь на всѣ стороны увидѣлъ онъ весьма темную пещеру, о которой жители помянутой горы объявляли ему, что въ ней живетъ человѣкъ называемой бид-

пай, т. е. *другъ и врачь*, коего иные Индейскїе вельможи называли Пильпаемъ. Онъ былъ человѣкъ весьма ученой, и имѣя отвращенїе отъ мїру, удалился, и препровождалъ жизнь свою въ уединенїи. Сїе умножило любопытство Дапшелимово, чего ради приступилъ онъ къ входу пещеры. Пильпай, узнавъ его намѣренїе, просилъ его къ себѣ. Царь къ нему вошелъ, и старой Пильпай браминъ, по засвидѣтельствованїи своего почтенїя, просилъ его, чтобъ онъ изволилъ отдохнуть, и спрашивалъ о причинѣ столь дальняго путешествїя. Царь чувствуя въ себѣ, что оной старикъ подастъ ему способъ къ сысканїю того, чего онъ ищетъ разсказалъ ему свой сонъ, объявилъ о найденномъ сокровищѣ и о содержанїи словъ написанныхъ на атласѣ. браминъ улыбнувшись сказалъ Царю, что онъ благополучными почитаетъ подвластные ему народы, и что онъ не въ состоянїи превознесть его достойными похвалами; что онъ для прїобрѣтенїя познанїя, и для благополучїя своихъ подданныхъ предпрїялъ столь труд-

трудное и долговременное путешествїе; напослѣдокъ отверзши свои уста, яко хранилище высокихъ наукъ, премудрыми своими и удивленїя достойными разговорами Дапшелима привелъ въ восхищенїе. Царь нѣсколько дней пробылъ съ онымъ Философомъ, со вниманїемъ слушая его наставленїя, и вопрошая о безчисленномъ множествѣ неизвѣстныхъ вещей. Наконецъ разговаривали они о содержанiи духовной Царя Гушенка. Дабшелимъ читалъ заключающїяся въ ней увѣщанїя. Пильпай оныя ему толковалъ, а Царь твердо воображалъ въ своей памяти.

Не надлежитъ слушать ласкателей и злословящихъ людей.

Дабшелимъ сказалъ Пильпаю, что перьвое завѣщанїе состояло въ томъ, что Цари не должны слушать неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ и ласкательствъ, потому что съ тѣми, кто оныя прїемлетъ, всегда худой конецъ послѣдуетъ. Кто не наблюдаетъ сего завѣщанїя, отвѣтствовалъ браминъ, тотъ не знаетъ басни о львѣ и о волѣ. Царь просилъ его,

чтобъ

чтобъ онъ ее разсказалъ; Пильпай продолжалъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ VI

О купцѣ, и его развратныхъ сынахъ.

Нѣкоторой купецъ, весьма довольно обращавшейся въ свѣтѣ, впалъ въ болѣзнь, и видя, что конецъ жизни его приближается, призвавъ своихъ дѣтей, которые были безпорядочны и расточали его имѣнїе, сказалъ имъ: Дѣти мои! я довольно увѣренъ, что вы извиненїя достойны въ томъ, что такъ расточаете имѣнїе, потому что вы не знаете, сколь много труда требуется къ собиранїю онаго; однако вѣдайте, что богатство есть орудїе къ прїобрѣтенїю небеснаго и земнаго блаженства. Всѣ люди стараются только о трехъ вещахъ. Первая состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть всѣ удобности въ жизни; такїе люди суть, коимъ прїятна бываетъ роскошь, и они отдаются прїятностямъ чувствъ. Вторая, чтобъ имѣть чины и достоинства; такїе люди суть высокомѣрные, кото-

рые

рые желаютъ имѣть власть, и быть въ почтенiи. Напослѣдокъ третья состоитъ въ томъ, чтобъ стараться о снисканiи небесныхъ благъ, и имѣть удовольствiе оказывать благодѣянiя людямъ. Сiи достойны великой похвалы; однако не можно никоимъ образомъ достигнуть до онаго намѣренiя, какъ посредствомъ богатства праведно прiобрѣтеннаго. И такъ чего мы ни ищемъ въ семъ свѣтѣ, прiобрѣтаемъ оное посредствомъ денегъ; чего ради ежели ихъ не будетъ, то и ничего имѣть не можно; и потому тѣ, кои получаютъ прiобрѣтенное ужѐ имѣнiе, не вѣдая, съ какимъ трудомъ оно собираемо бываетъ, въ скоромъ времени расточаютъ. Оставте мои дѣти! сiе безпорядочное житiе; старайтесь о себѣ, помышляйте о средствахъ, какъ бы ваше имѣнiе умножить, а не уменьшить. большой сынъ сказалъ ему: батюшка! ты намъ приказываешь имѣнiе прiобрѣтать, а прiобрѣтенiе онаго зависитъ отъ одного только щастiя. Я совершенно вѣдаю, что мы удобно то получить можемъ, что намъ опредѣлено, хотя бы о прiобрѣтенiи

онаго

онаго ни малаго старанія не прилагали; напротивъ чего не можемъ того получить, что не для насъ назначено, какъ бы мы чрезвычайно о томъ ни мучились. Мнѣ пришла на память старинная пословица: сколько я ни удаляюсь отъ опредѣленнаго щастія, однако оно всегда за мною слѣдуетъ; а сколько ни ищу того, что мнѣ не назначено, ни коимъ образомъ получить его не могу. Можно сїе ясно усмотрѣть изъ басни двухъ сынахъ Царскихъ, изъ которыхъ одинъ нашелъ отеческое сокровище, и безъ всякаго труда получилъ престолъ, а другой онаго лишился, хотя и могъ имѣть средство къ удержанїю его. Отецъ желалъ слышать оную басню, чего ради сынъ началъ разсказывать ему слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ VII.

О Царѣ и двухъ его сынахъ.

Въ Алесской землѣ у нѣкоего Царя было два сына сребролюбивыхъ и вдавшихся въ пьянство. Сей Государь при глубокой старости пред-

ставляя себѣ нравъ и свойство дѣтей своихъ, и опасаяся, чтобъ послѣ его смерти не расточили они безразсудно великаго сокровища имъ собраннаго, принялъ намѣренїе оное спрятать; для сей причины отправился онъ къ нѣкоему пустыннику, которой жилъ въ уединенїи, и къ которому имѣлъ онъ великую повѣренность. По совѣту того пустынника, сокровище зарыто было въ пустынѣ столь тайно, что никто о томъ ничего не вѣдалъ. Потомъ Царь написалъ духовную, которую отдалъ пустыннику съ такимъ объявленїемъ, чтобъ онъ тогда показалъ дѣтямъ сокровище, когда послѣ его смерти придутъ они въ крайнее убожество. Можетъ быть, говорилъ онъ, по претерпѣнїи великой бѣдности употребятъ оное лучше, нежели нынѣ. Пустынникъ обѣщался исполнить его повелѣнїе, а Царь возвратился къ своему двору, гдѣ малое время спустя умеръ. Пустынникъ не преминулъ слѣдовать его завѣщанїю, такъ что сокровище пребыло сокровенно въ пустынѣ. Дѣти послѣ смерти Царской не могли согласиться, кому владѣть престо-

 ломъ,

ломъ, и начали между собою жестокую войну. большой братъ, которой былъ сильняе, выгналъ меньшаго изъ всѣхъ земель, на которыя имѣлъ онъ требованіе. Сей Принцъ будучи лишенъ своей части, столь много о томъ печалился, что принялъ намѣреніе оставить свѣтъ. Вышедъ изъ города и представляя себѣ, что пустынника, о которомъ выше говорено, посѣщалъ его отецъ, пойду, сказалъ онъ самъ въ себѣ, къ тому честному человѣку, и буду стараться жить такъ, какъ онъ, и остатки моей жизни препровожу съ нимъ вмѣстѣ. Прибывъ къ пустынѣ, и не нашедъ пустынника, подумалъ, что онъ ужѐ умеръ; соболѣзновалъ объ немъ, и избралъ оное мѣсто своимъ убѣжищемъ. Въ той пустынѣ былъ колодезь, въ которомъ воды не было. Онъ сошелъ на дно, чтобъ видѣть тому причину; но нашелъ тамъ сокровище отца своего. Онъ воздалъ благодареніе богу, говоря: хотя въ томъ сокровищѣ находится безчисленное богатство, однако надлежитъ мнѣ оное употреблять съ умѣренностію.

На-

Напротивъ того братъ его обладалъ престоломъ не имѣя попеченія ни о народѣ, ни о войскѣ, представляя, что сокровище отца его зарыто во дворцѣ, такъ какъ онъ объявилъ ему при смерти. Въ нѣкоторое время сосѣдственной Государь объявилъ ему войну, чего ради принужденъ онъ былъ помощи искать въ мнимомъ ономъ сокровищѣ; но чрезвычайно удивился, когда ничего не нашелъ, и для сей причины не былъ въ состояніи собрать многочисленную армію, что его не мало безпокоило. Однако нужда дѣлаетъ храбрыми; онъ собралъ войска сколько могъ, и вышелъ изъ города для прогнанія непріятеля. Тутъ происходило жестокое сраженіе. Царь убитъ стрѣлою какъ и его непріятель, такъ что смѣшавшись обѣ арміи другъ друга рубили. Напослѣдокъ Полководцы согласились между собою избрать Государя кроткаго и способнаго къ правленію государства. Они нашли Принца удалившагося въ пустыню; препроводили его съ великимъ торжествомъ въ Царской дворецъ, и возвели на престолъ.

Изъ сей басни видно, что лучше полагаться на Провидѣніе, нежели мучиться для сниканія вещи намъ неопредѣленной. Какъ сынъ окончалъ сію басню, то отецъ сказалъ: Это подлинная правда; однако всѣ приключенія имѣютъ свои причины, и кто не разсуждая объ оныхъ, надѣется на одно только Провидѣніе, тому должно знать слѣдующую басню:

БАСНЯ VIII.

О пустынникѣ, соколѣ и воронѣ.

Пустынникъ, идучи лѣсомъ и представляя себѣ чудныя дѣла натуры, увидѣлъ сокола, которой держалъ во рту кусокъ мяса, и лѣтая около гнѣзда теребилъ оное на части и давалъ неоперившемуся еще ворону бывшему въ ономъ гнѣздѣ. Пустынникъ удивляясь провидѣнію божію сказалъ: Непостижимое дѣло! которой не можетъ для себя найти пропитанія, и того богъ не оставляетъ, что можно назвать трапезою міра, при которой питаются всѣ твари согласныя между собою и несогласныя.

Онъ

Онъ столь далеко благость свою простираетъ, что воронъ и на горахъ Кавказскихъ находитъ себѣ пищу. Для чегожъ я столь ненасытенъ, и для чего скитаюсь по всей землѣ и по морямъ для снисканія хлѣба? Не лучше ли мнѣ впредь жить въ своей кельѣ и положиться на судьбину?

Такимъ образомъ возвратился онъ въ домъ свой, гдѣ ни о чемъ не стараясь не ѣлъ трои сутки. Напослѣдокъ богъ ему рекъ: рабъ мой! знай, что всѣ вещи сего міра имѣютъ свои причины; и хотя мое провидѣніе не ограничено, однако я своею премудростію узаконилъ, чтобъ люди послѣдовали средствамъ, которыя я имъ опредѣлилъ. Ежели ты подражать будешь птицамъ, то подражай соколу, которой питаетъ ворона, а не ворону, которой сидя въ своемъ гнѣздѣ, отъ другова ожидаетъ пропитанія. Сей примѣръ доказываетъ вамъ, что не надлежитъ препровождать жизнь лѣностию надѣясь на Провидѣніе. Послѣ сего меньшой сынъ сказалъ: батюшка! ты намъ совѣтуешь стараться о пріобрѣтеніи имѣнія, но когда мы оное соберемъ, что

что намъ съ нимъ дѣлать? Можно удобно прїобрѣсть, отвѣтствовалъ отецъ, но трудно оное надлежащимъ образомъ употребить и сохранить. богатство бываетъ иногда весьма пагубно, какъ можно видѣть изъ слѣдующей басни:

БАСНЯ IX.

О крестьянинѣ и многихъ крысахъ.

У нѣкотораго крестьянина въ житницѣ было весьма много ржи; около того мѣста крыса со всѣхъ сторонъ рыла норы, и дорылась напослѣдокъ до житницы. Какъ увидѣла она сїе сокровище, то съ великою радостїю побѣжала увѣдомить о томъ другихъ крысъ, которыя тотчасъ представили ей свои услуги, произносили ей прїятныя и сходныя съ ея нравомъ ласкательства. Крыса, почитая оное сокровище ужѐ за собственное, была сама собою весьма довольна; и не помышляя, что та рожъ не вѣкъ продолжится, начала̀ на иждивенїе крестьянское оказывать свою щедрость, и всякой день подчивала своихъ при-

прислужницъ весьма богато. Въ то самое время случился тамъ превеликой голодъ, такъ что скудные со всѣмъ почти пропитанія не имѣли. Крестьянинъ видя сей недостатокъ отперъ свою житницу, и какъ усмотрѣлъ, что ржи его очень много убыло, то разсердясь остатки перенесъ въ другое мѣсто. Крыса почитая себя господиномъ той житницы, спала тогда, а товарищи проснулись и видя, что пришелъ крестьянинъ, сомнѣвались о томъ дѣлѣ, и тотчасъ всѣ разбѣжались, оставя крысу въ глубокомъ снѣ. Подобнымъ образомъ поступаютъ съ нами друзья наши. Когда ты въ щастіи, то и они не отступаютъ; когдажъ приключится неблагополучіе, то всѣ оставляютъ. Крыса на другой день проснувшись, чрезвычайно удивилась, когда не увидѣла при себѣ ни одного изъ своихъ ласкателей; вышедши изъ норы, чтобъ узнать тому причину, пошла въ житницу, и не нашедъ, чѣмъ бы препроводить оной только день, впала въ такое отчаяніе, что о камень убилась, и такимъ образомъ скончала животъ свой. Сей примѣръ пока-

казываетъ намъ, что каждому должно жить по своимъ доходамъ. Напослѣдокъ самой меньшой братъ началъ говорить: Чтожъ по пріобрѣтеніи богатства надлежитъ дѣлать? Надобно оное во всѣхъ случаяхъ употреблять по правиламъ справедливости, а особливо для общей жизни. Во перьвыхъ не должно дѣлать такихъ росходовъ, чтобъ послѣ не раскаиваться, и не быть поносиму въ расточительствѣ. Второе, что бы своею излишнею скупостію не притти въ ненависть у всѣхъ людей.

Отецъ такъ уговорилъ своихъ дѣтей разумными своими совѣтами, что они начали помышлять о исправленіи житія своего. Старшей вдался въ купечество и отправился въ иностранныя зе́мли. Между протчими товарами были у него два быка сильные и взрачные; одного называли Которбе, а другаго Мандебе. Купецъ старался кормить ихъ очень хорошо, но какъ путь былъ дальней, то они ослабѣли и отощали. По нещастію на дорогѣ пришло болото, въ которомъ Которбе увязъ; однако купецъ употребивъ всѣ свои силы, его вытащилъ,

щилЪ. Не смотря на то Которбе такЪ ослабѣлЪ, что не могЪ и стоять, чего ради купецЪ принужденЪ былЪ его оставить сЪ однимЪ служителемЪ, пока онЪ вЪ состоянїи будетЪ слѣдовать за караваномЪ. Но оставленной сЪ нимЪ человѣкЪ, препроводивЪ одинЪ трои сутки вЪ степяхЪ скучился, и оставя Которбея на томЪ мѣстѣ обЪявилЪ купцу, что онЪ палЪ. Не много времени спустя Мандебе отЪ трудовЪ умерЪ, а напротивЪ того Которбе оправившись началЪ по всѣмЪ сторонамЪ прогуливаться. ВошелЪ на одинЪ лугЪ, которой ему столь прїятенЪ показался, что онЪ на немЪ пробылЪ нѣсколько времени, и довольствовался по своему произволенїю, отЪ чего онЪ здѣлался гораздо лучше и взрачнѣе, нежели прежде. Недалеко отЪ того лугу жилЪ левЪ, которой вЪ страхЪ приводилЪ всѣхЪ окрестныхЪ жителей; онЪ повелѣвалЪ многими еще львами, которые думали, что онЪ самой сильной владѣтель вЪ свѣтѣ. И подлинно былЪ онЪ страшенЪ; но какЪ скоро услышалЪ воловей ревЪ, котораго онЪ никогда еще не слыхи-

валъ, пришелъ въ превеликой страхъ; однако, чтобъ его придворные того не примѣтили, то не сталъ больше выходить изъ своего дворца. Между его придворными служителями были двѣ весьма хитрыя лисицы; одну называли Калилью, а другую Дамною. Изъ нихъ послѣдняя была самецъ, и была гордѣе и честолюбивѣе, нежели другая. Нѣкогда сказалъ онъ своей женѣ: Что ты думаешь о Царѣ, которой не смѣетъ больше выходить прогуливаться, не такъ какъ прежде? Калиль ему отвѣтствовала: что ты о семъ меня спрашиваешь; живи только спокойно подъ его покровительствомъ не любопытствуя, что онъ дѣлаетъ; намъ не надлежитъ разсуждать о дѣлахъ Государскихъ, а кто мѣшаться будетъ въ дѣла до него некасающїяся, тотъ подверженъ будетъ такому же нещастїю, какъ и обезьяна.

БАСНЯ X.

О столарѣ и обезьянѣ.

Обезьяна увидѣла столяра, которой кололъ бревно двума большими

клиньями

клиньями, вкладывая одинъ за другимъ въ разсѣлину, чтобъ тѣмъ удобнѣе расколоть бревно. Какъ столяръ оставилъ свое дѣло, а обезьяна увидѣла, что никого нѣтъ, то она пришедъ, вынула одинъ клинъ, которой былъ въ разсѣлинѣ, не вложивъ другаго, чего ради обѣ части бревна сплотились, и защемили двѣ ноги у обезьяны, которую столяръ возвратившись убилъ до смерти.

Сїя басня учитъ насъ, что мы не должны мѣшаться въ постороннїя дѣла. Дамна отвѣтствовалъ на то, что при Царѣ не должно быть безъ всякаго дѣла; надобно стараться какимъ нибудь образомъ себя оказать; развѣ ты не знаешь басни о двухъ товарищахъ, изъ которыхъ одинъ трудами своими получилъ корону, а другой будучи лѣнивъ пришелъ въ крайнюю нужду?

БАСНЯ XI.

О двухъ путешественникахъ и о львѣ здѣланномъ изъ бѣлаго камня.

Были нѣкогда два друга, которые твердое приняли намѣренїе,

что бы никогда не разлучаться. Они странствовали вмѣстѣ, и нашли у подошвы нѣкоторой горы преизрядной ручей. Мѣсто имъ показалось весьма прїятнымъ для отдохновенїя, и сѣвши начали они разсуждать о всемъ, что было изрядная въ тѣхъ мѣстахъ. По случаю взглянули они на бѣлой камень, и усмотрѣли на немъ письмо на вирскомъ языкѣ, которое заключало въ себѣ слѣдующее:

„ Путешественники! мы для васъ
„ изготовили великолѣпной пиръ, од-
„ нако надлежитъ вамъ отважиться
„ переплыть черезъ оной ручей, и пе-
„ рейти на другую сторону, гдѣ най-
„ дете вы льва зделаннаго изъ бѣлаго
„ камня, коего вы возмите на свои
„ плеча, и однимъ бѣгомъ безъ отды-
„ ху взнесите на гору не опасаясь ни
„ лютыхъ звѣрей, которые вамъ по-
„ падутся, ни тернїй, кои васъ ко-
„ лоть будутъ, ибо какъ скоро вы
„ придете на верьхъ горы, то по у-
„ чите совершенное благополучїе„. Кто не ходитъ, тотъ къ спокойному мѣсту не приходитъ; и кто не трудится, тотъ желаемаго никогда не получаетъ. Ганемъ, такъ звали

одного

одного изъ оныхъ прiятелей, сказалъ другому, которой назывался Салемомъ: братецъ! вотъ средство къ окончанiю нашихъ странствiй и нашихъ трудовъ. Ободримся, и посмотримъ, что содержится въ сей волшебной грамотѣ, справедлива ли она, или ложна. Салемъ отвѣтствовалъ: любезной другъ! неразумнаго человѣка знакъ вѣрить простому письму, и подъ видомъ великой прибыли вдаваться въ очевидную опасность. Другъ мой! говорилъ ему Ганемъ, которыя хотя мало имѣютъ бодрости, презираютъ бѣдствiе для собственнаго своего благополучiя; не можно собирать розъ, чтобъ тернiями не уколоться. Но надобно, отвѣтствовалъ Салемъ, дѣла начинать такимъ образомъ, что когда начало извѣстно, то и конецъ также бы былъ извѣстенъ; а не бросаться въ сей ручей, которой кажется бездною, и изъ котораго трудно будетъ вытти. разумной человѣкъ не подвигаетъ ноги своей, пока другой не утвердитъ. Можетъ быть сiе письмо написано для забавы; да пусть оно будетъ справедливо, и ты сiе малое

озерко переплывешь; можетъ быть левъ столь тяжелъ, что ты не снесешь на верьхъ горы однимъ бѣгомъ безъ отдыху. Но положимъ, что все сїе зделать удобно будетъ, и ты съ своей стороны все исполнишь, однако ты конца еще не вѣдаешь. Что до меня касается, я не хочу участїя имѣть въ опасностяхъ сего предпрїятїя, и стараться буду и тебя еще отъ того отвратить. Людскїя рѣчи, отвѣтствовалъ Ганемъ, не перемѣнятъ моего намѣренїя; и ежели ты не хочешь мнѣ слѣдовать, то по крайней мѣрѣ, другъ мой, возьимѣй удовольствїе на меня посмотрѣть. Салемъ видя, что онъ твердо стоитъ въ семъ намѣренїи, закричалъ: Любезной другъ! ты мнѣ не повѣришь, что я не имѣю терпѣнїя быть свидѣтелемъ твоей погибели, и тотчасъ далѣе пошелъ въ путь свой. Между тѣмъ Ганемъ, прибывъ къ ручью поплылъ, принявъ твердое намѣренїе или погибнуть, или найти богатое сокровище. Онъ дѣйствительно усмотрѣлъ, что то была бездна, однако не теряя бодрости приплылъ къ другому берегу. Онъ

нѣсколько

нѣсколько отдохнулъ, а потомъ приближившись ко льву здѣланному изъ бѣлаго камня, насилу его поднялъ, и однимъ бѣгомъ безъ отдыху взнесъ на гору. Оттуда увидѣлъ онъ преизрядной городъ, которой имѣлъ весьма хорошее положенїе; но какъ онъ на оной смотрѣлъ, то каменной левъ испустилъ изъ себя такой ужасной ревъ, что отъ онаго потряслись горы и всѣ окрестныя мѣста. Едва только услышали ревъ городскїе жители, всѣ собрались на то мѣсто, гдѣ находился Ганемъ, которой видя ихъ, не мало удивился. Они приближились къ нему, и знатнѣйшїе изъ нихъ приступили къ Ганему съ великимъ почтенїемъ; и превознесши его многими похвалами, посадили его на богато убранную лошадь, и напослѣдокъ повели въ городъ, гдѣ омыли его розовою водою, надѣли на него Царскую одежду, и обявили Царемъ той земли. Онъ спросилъ ихъ о причинѣ сего избранїя, на что ему отвѣтствовано, что волхвы той земли сочинили волшебную грамоту надъ ручьемъ, чрезъ которой онъ переплылъ, и надъ

львомъ,

львомъ, коего взнесъ онъ на гору, такъ что когда Царь ихъ умретъ, и кто нибудь отважится вдаться въ объявленныя опасности, то левъ испуститъ ревъ, по которому жители должны вытти его встрѣтить и возвести на престолъ. Давно уже, говорили они, продолжается сие обыкновение; и поелику нынѣ жребий палъ на Ваше Величество, то царствуйте надъ нами. Ганемъ тогда весьма радовался, что его труды столь изрядно награждены.

Я разсказалъ тебѣ сию басню, что бы тебѣ показать, что безъ труда не можно чувствовать радости; чего ради я по тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не здѣлаюсь при дворѣ знатнымъ Министромъ. Калиль спросила его, какимъ образомъ намѣренъ онъ сие произвесть въ дѣйство? Левъ, отвѣтствовалъ ей Дамна, кажется объятъ страхомъ, а я намѣренъ избавить его отъ сего безпокойства. Какъ, сказала Калиль, можешь ты Царю подавать совѣты, не бывавъ еще никогда между Принцами? разумные люди, отвѣтствовалъ Дамна, довольно имѣютъ ис-

кусства

кусства къ произведенію въ дѣйство своихъ намѣреній. Нѣкогда художникъ, которой храбростію своею зделался Царемъ, получилъ письмо отъ пограничнаго Государя, которой его спрашивалъ: Ты, у коего прежде, кромѣ долота да топора въ рукахъ ничего не было, можешь ли мѣшаться въ правленіе государства? На что плотникъ ему отвѣтствовалъ, тотъ, кто мнѣ далъ разумъ владѣть пилою, тотъ же дастъ мнѣ и разсужденіе, какъ управлять арміею. Государи, сказала Калилъ, не всегда жалуютъ тѣхъ, которые имѣютъ разумъ и достоинство, но только прежнихъ своихъ придворныхъ, или тѣхъ, кои оказывали либо оказываютъ важныя услуги государству; а ты въ царскомъ домѣ служитель новой, да еще и безполезной, то какимъ образомъ ты оное въ дѣйство произвесть можешь? Я надѣюсь, отвѣтствовалъ Дамна, получить большее достоинство, нежели какое нынѣ имѣю, и я совершенно увѣренъ, что кто желаетъ войти въ кабинетъ, тотъ долженъ наблюдать слѣдующія пять вещей: никогда не сердиться; не имѣть гордости; не

не быть скупу; быть откровенну; и не удивляться перемѣнамъ щастія. Положимъ, сказала Калиль, что ты будешь любимецъ у Царя, то какія добродѣтели наблюдать ты будешь къ снисканію себѣ его милости? Я буду служить, отвѣтствовалъ Дамна, весьма вѣрно, буду совершенно повиноваться, всѣ царскія дѣйствія всегда почитать буду за добрыя его намѣренія; буду его побуждать здѣлать добро, кое уже онъ началъ, представляя пользу, которую изъ того получить можетъ, а отъ всего того отвращать буду, что предосудительно какъ ему, такъ и его государству. Я вижу, сказала Калиль, что ты твердо намѣренъ произвесть свое предпріятіе; но берегись, царская служба преисполнена опасностей. Разумные говорятъ, что три рода людей не имѣютъ разсужденія: тѣ, кои желаютъ получить достоинства при царскомъ домѣ; которые принимаютъ ядъ, чтобъ видѣть силу и превосходство лѣкарства; напослѣдокъ тѣ, кои тайности повѣряютъ женамъ своимъ. Царь подобенъ высокой горѣ, на которой

торой находятся ямы съ драгоцѣнными каменьями и хищные звѣри; трудно на оную взойти, а еще труднѣе жить. Равнымъ образомъ Царь подобенъ пространному морю, на которомъ плаватели или щастïе получаютъ, или погибаютъ. Я и самъ вѣдаю, сказалъ съ своей стороны Дамна, что Цари подобны огню, при которомъ все опаляется; но кто боится нещастïя, тотъ ни къ чему не способенъ. Послѣ сего разговору Дамна пошелъ къ Царю, и учинилъ ему весьма ниской поклонъ. Левъ спросилъ, кто онъ таковъ? на что онъ ему отвѣтствовалъ, что отецъ его долго служилъ Его Величеству. Царь сказалъ, я помню, а потомъ спросилъ его, да гдѣжъ ты нынѣ? Я въ домѣ Вашего Величества заступилъ должность отца моего, отвѣтствовалъ Дамна, и по сïе время не могъ принять дерзновенïе явиться предъ лицемъ Вашего Величества, чтобъ представить мои услуги. Я надѣюсь, что вы оныя милостиво принять удостоите, не смотря на то, что я бѣдная тварь: изсохшее дерево столь же иногда полезно, какъ

и розовые кустья и плодоносныя деревья. Льву пріятно было краснорѣчіе Дамны, и смотря на всѣхъ своихъ придворныхъ сказалъ имъ: разумъ подобенъ огню, которой виденъ бываетъ, хотя и покроется пепломъ. Дамна столь много радовался, что Царю отдалъ поклонъ, которой онъ заблаго принялъ, и избравъ время попросилъ у него тайной аудіэнціи. Царь его допустилъ, и какъ они остались только двое, то Дамна началъ говорить: Всемилостивѣйшій Государь! всенижайше прошу Ваше Величество, объявить мнѣ о причинѣ Вашего уединенія; съ нѣкотораго времени вы не столь веселы какъ обыкновенно бывали. Левъ съ начала хотѣлъ скрыть свой страхъ, но услышавъ ревъ Конторбеевъ въ такое пришелъ замѣшательство, что принужденъ былъ сказать Дамнѣ, что оной ревъ причиною его беспокойства. Я представляю себѣ, говорилъ Царь, что тѣло сего животнаго, которое такимъ образомъ ревѣтъ, должно быть пропорціонально его голосу; а сіе положивъ, будетъ безумно остаться жить на сихъ

мѣстахъ.

мѣстахъ. Только сїе беспокоитъ васъ, спросилъ Дамна? Ничто больше, отвѣтствовалъ Левъ. Для сего Вашему Величеству, сказалъ Дамна, не должно оставлять своего жилища. Царь не долженъ бояться одного только пустаго голосу, да долженъ напротивъ того ободряться. У которыхъ и толсты голосы, и кои очень велики, тѣ не весьма сильны. Журавль не смотря на его величину гораздо безсильнѣе нежели малой соколъ; и кто измѣряетъ величиною, тотъ можетъ обмануться по примѣру лисицы. Какой лисицы, перервалъ его рѣчь Левъ?

БАСНЯ XII.

О лисицѣ и курицѣ.

Всемилостивѣйшїй Государь! продолжалъ Дамна, въ нѣкоемъ лѣсу была лисица, которая вездѣ искала себѣ пищи. Она увидѣла у дерева курицу, которая землю рыла; на томъ деревѣ висѣлъ бубенъ, и всегда гремелъ, какъ скоро только вѣтьви вѣтромъ поколебаемы были.

Лисица

Лисица какъ хотѣла схватить курицу, то услышала звукъ отъ бубна: О! о! сказала она на него смотря, это тѣло должно имѣть много мяса по своей величинѣ, и лучше нежели курица. Выговоря сïе влезла на дерево, а курица ушла. Лисица всѣми силами старалась разорвать бубенъ, и раздернувъ его чрезвычайно удивилась, когда въ немъ ничего не нашла кромѣ простой кожи. Тогда воздыхая сказала: бѣдная я, потеряла малой кусокъ, польстясь на большой.

Сей примѣръ разсказалъ я Вашему Величеству для того, что бы вы не ужасались толстаго голосу, которой вы слышите; и ежели вы прикажете, то я пойду провѣдаю, что это такое. Левъ на то согласился; но когда Дамна ужѐ отправился, то онъ раскаялся, что его послалъ. Не надлежитъ никогда, говорилъ онъ самъ въ себѣ, Царю тайности свои повѣрять людямъ десяти родовъ. 1) Тѣмъ, коимъ обида оказана неправедно; 2) тѣмъ, кои при дворѣ потеряли свое имѣнïе, либо лишились чести; 3) кои лишены

своихъ

своихъ достоинствъ, и которые не имѣютъ надежды оныя возвратно получить; 4) которые желаютъ только беспокойствъ и замѣшательствъ; 5) у коихъ родственники или пріятели находятся въ чинахъ, изъ которыхъ они выключены; 6) которые за преступленіе строже наказаны, нежели другіе, кои впадали въ такое же преступленіе; 7) которые изрядно служили, но получили худое награжденіе; 8) непріятелямъ примирившимся по неволѣ; 9) которые думаютъ, что царская погибель будетъ имъ полезна; 10) напослѣдокъ тѣмъ, которые почитаютъ себя меньше обязанными своему государю, нежели своему непріятелю. И такъ я поступилъ неразумно, что Дамнѣ открылъ причину моего беспокойства. Между тѣмъ, какъ Царь такимъ образомъ размышлялъ, прибылъ Дамна и увѣдомилъ его, что то животное, которое ему столько безпокойства причиняло не иное какое, какъ простой быкъ, которой прогуливается на лугу, и только ѣстъ да спитъ. Ежели Ваше Величество заблаго разсудите, сказалъ притомъ

томъ Дамна, то я здѣлаю, что онъ будетъ въ числѣ вашихъ служителей. Левъ чрезвычайно обрадовался слыша сїи рѣчи, и далъ знакъ Дамнѣ, чтобъ онъ привелъ къ нему сего быка. Дамна пошелъ къ Которбею, и спросилъ его, откуда онъ, и какимъ случаемъ попалъ на тѣ мѣста. Которбе удовольствовалъ любопытство Дамны, которой ему сказалъ: здѣсь есть левъ Царь всѣхъ животныхъ сей страны; онъ приказалъ мнѣ тебя привесть въ свой дворецъ. Ежели ты хочешь за мною слѣдовать, то я тебѣ порукою, что ты будешь принятъ въ число его служителей, и онъ тебя приметъ подъ своё покровительство; но ежели ты отречешься пойти къ нему со мною, то знай, что тебѣ не долго будетъ жить. Какъ скоро быкъ услышалъ имя льва, задрожалъ отъ страху, и отвѣтствовалъ Дамнѣ: Есть ли ты меня увѣришь, что со мною никакого нещастїя не послѣдуетъ, то я съ тобою пойду. Дамна далъ ему въ томъ клятву, и Которбе полагаясь на оную пошелъ ко льву. Дамна побѣжалъ увѣдомить льва о приходѣ

ходѣ Которбея, которой немедлѣнно и прибылъ. Онъ Льву чрезвычайно низко поклонился, и Левъ принялъ его очень благосклонно, и спросилъ, какимъ образомъ вошелъ онъ въ его земли? быкъ разсказалъ ему свое похожденіе, послѣ чего Левъ сказалъ ему: останься здѣсь, и живи спокойно, потому что я всякому позволяю въ покоѣ жить на моихъ земляхъ быкъ, поблагодаривъ его за милостивое пріятіе, обѣщалъ ему служить со всякою вѣрностію, что онъ и дѣйствительно такъ изрядно исполнилъ, что со дня на день Царю пріятнѣе становился. Напослѣдокъ Которбе въ такую пришелъ у Льва милость, что получилъ повѣренность отъ Его Величества, и учинился ближайшимъ его любимцомъ.

Дамна увидя, что Которбе въ большей силѣ при дворѣ, нежели онъ, и что ему только одному повѣряются тайности Царскія, возъимѣлъ столь великую ревность, что лишился покою, и едва не потерялъ своей жизни. Онъ пошелъ приносить жалобу свою Калилѣ. Дорогая моя пріятельница,

говорилъ онъ ей, я тщетные принималъ труды, чтобъ притти въ милость у Царя; я ему привелъ то животное, которое ему столько беспокойства причиняло, и этотъ нынѣ быкъ то же причиняетъ мнѣ. Калиль ему отвѣтствовала, ты не долженъ жаловаться о томъ, что здѣлалъ; или жалуйся ты самъ на себя; съ тобою то же здѣлалось, что нѣкогда съ монахомъ.

БАСНЯ XIII.

О монахѣ вышедшемъ изъ своего монастыря.

Нѣкоторой Царь подарилъ монаху пребогатое платье. Воръ, которому о томъ дано было знать, къ похищенїю онаго употребилъ весьма забавную хитрость. Онъ пошелъ къ монаху въ монастырь, подъ тѣмъ видомъ, аки бы намѣренъ былъ остатки своей жизни препроводить у него во услуженїи. Монахъ пришелъ въ восхищенїе, видя у себя новаго товарища, которой показывалъ столь богоугодное намѣренїе, и принялъ его

съ охотою; но воръ при перьвомъ случаѣ вынулъ платье и унесъ. Монахъ не видя больше ни своего платья ни новаго товарища, пришелъ въ сомнѣнїе, и вышедъ изъ своего монастыря, пошелъ въ городѣ искать похитителя. На дорогѣ увидѣлъ онъ двухъ барановъ, которые весьма жестоко бились, и такъ другъ друга рогами ударяли, что изъ нихъ кровь ручьемъ лилась. Лисица бывшая свидѣтелемъ ихъ битвы, оную кровь лизала; но въ то самое время, баранъ такъ ее сильно ударилъ, что она пала на землю мертвая. Монахъ остановясь долго смотрѣлъ на сїе позорище; а по прибытїи къ городу нашелъ ворота заперты. Нѣкоторая женщина въ предмѣстїи смотря изъ окна его увидѣла, и думая, что онъ ищетъ наслѣгу, кликнула его, и представила ему домъ свой. Монахъ принялъ сїе съ немалою радостїю, вошелъ въ домъ, и укрывшись въ уголъ читалъ свои обыкновенныя молитвы. Помянутая женщина была нечестнаго житья; она разговаривала со многими пригожими дѣвушками, которыхъ благосклон-

ность сообщала она другимъ людямъ. Между ими находилась одна, кою любилъ нѣкоторой молодой дворянинъ, столь ревнивой, что не могъ сносить соперника, что другимъ, кои столь же плѣненны были какъ и онъ, весьма не нравилось, и сїе было причиною, что они предлагали той дѣвушкѣ избавиться отъ онаго молодаго дворянина. Поелику она больше его боялась, нежели любила, то она приняла предложенїе, напоила допьяна ревнивца, и въ самую ту ночь, какъ онъ спалъ, вдунула ему яду въ носъ, которой, какъ начало щекотить, то онъ чихнулъ, но такъ, что весь ядъ вычихнулъ въ ротъ своей любовницы, которая оной проглотила, и тотчасъ умерла. Видя сїе бѣдной монахъ чрезвычайно удивился; и сїя ночь была ему крайне беспокойна. Напослѣдокъ по утру спасся онъ изъ сего опаснаго мѣста, и пошелъ въ домъ къ сапожнику, которой принялъ его съ распростертыми руками, и немогши отложить, чтобъ не итти на пиръ, приказалъ своимъ людямъ его изрядно угощать. У сапожниковой жены былъ любовникъ, человѣкъ

изряд-

изрядной и добраго нраву. Онъ видѣлся съ нею посредствомъ цырюльниковой жены, которая была столь хитра, что могла и огонь согласить съ водою; и столь ласкательна и лукава, что могла бы доказать, что есть камень вощаной. Какъ сапожница увидѣла, что мужъ ея со двора ушолъ, то она употребила помянутую посредственницу, чтобъ увѣдомить любовника объ отлучкѣ мужа, и чтобъ ему сказать, что теперь имѣетъ изрядной случай веселиться безъ всякой опасности. Любовникъ не преминулъ явиться у воротъ, но въ то самое время, какъ онъ стучался, пришелъ сапожникъ, и видя человѣка, на коего онъ давно уже имѣлъ подозрѣніе, вошелъ ничего не говоря, началъ бить свою жену, а послѣ привязавъ ее къ столбу, самъ легъ спать. Въ то время, какъ онъ спалъ, цырюльникова жена, не зная ничего, что происходило, вошла въ домъ, и сказала сапожницѣ: Что ты сестрица, молодаго дѣтину заставила такъ долго стоять у воротъ? Поди повидайся съ нимъ. Сапожница отвѣтствовала ей очень ти-

хо, я думаю, что діаволъ воротилъ моего мужа въ такомъ ужасномъ бѣшенствѣ, что не довольно того, что меня прибилъ, но и привязалъ еще къ этому столбу; ежели ты хочешъ оказать мнѣ милость, то отвяжи меня, да сама привяжись, пока я схожу, и попрошу прощенія у вѣрнаго друга, что онъ такъ долго дожидался; а я пришедши опять привяжусь. Цырюльникова жена сжалившись безъ всякаго затрудненія далась привязаться вмѣсто сапожницы, которая пошла исполнить свое обѣщаніе любовнику.

Монахъ слышавъ всѣ сіи разговоры, не обвинялъ больше сапожника въ жестокости, и видѣлъ, что онъ имѣлъ причину бить жену свою, а прежде прибытія цырюльниковой жены думалъ совсѣмъ противное. Между тѣмъ сапожникъ проснулся, и кликнулъ свою жену. Цырюльникова жена опасаясь, чтобъ ее по голосу не призналъ, ничего на то не отвѣтствовала, что привело его въ такое сердце, что онъ схватилъ ножъ, и отрѣзалъ носъ у своей жены, какъ онъ объ ней думалъ; держа его въ

рукѣ

рукѣ своей, сказалъ насмѣшнымъ образомъ: Вотъ пошли подарокъ своему любовнику. Бѣдная цырюльница не смѣла и вздохнуть отъ страху, и сказала сама въ себѣ: Вотъ какое худое приключенїе со мною послѣдовало; между тѣмъ какъ сапожница забавляется въ объятїяхъ своего любовника, я терплю здѣсь вмѣсто ея мученїе, которое она заслужила. Сапожница возвратясь чрезвычайно удивилась, увидѣвъ вѣрную свою прїятельницу безъ носу; просила у нее прощенїя, и отвѣзавъ ее сама привязалась, а цырюльникова жена пошла домой держа носъ свой въ рукѣ. Нѣсколько часовъ спустя, когда сапожница подумала, что мужъ ея можетъ слышать, подняла руки на небо, говоря: боже всемогущїй, которому всѣхъ тайны извѣстны! ты вѣдаешъ, что мужъ мой напрасно поступилъ со мною безчеловѣчнымъ образомъ. Покажи ему, что я честная жена; отврати отъ меня сїю нелѣпость, и возврати мнѣ носъ по прежнему. Слыша сїе сапожникъ закричалъ, скверная! какїя ты молитвы смѣешъ приносить, развѣ ты не знаешъ,

что молитвы, которыя происходятъ отъ скверныхъ устъ, не доходятъ до престола божія? молитвамъ должно происходить отъ устъ несквервыхъ и чистаго сердца, чтобъ были приняты. Тиранъ! закричала вдругъ жена его, встань, и удивляйся величеству божію и чрезмѣрной его благости; богъ видя меня невинну въ преступленіи, въ которомъ ты меня обличаешъ, хочетъ показать мою непорочность возврашивъ мнѣ носъ, чтобъ я у народа не прослыла безчестною женою. Сапожникъ, не могши повѣрить сему чуду, всталъ, засвѣтилъ свѣчу, пошелъ смотрѣть свою жену, и не видя на ея лицѣ нималаго признаку безчеловѣчнаго дѣйствія, которое онъ по мнѣнію своему здѣлалъ, сталъ признаваться, что онъ погрѣшилъ, имѣвъ подозрѣніе на жену свою; просилъ у нее прощенія, и всѣми силами старался ее умолить, чтобъ она забыла учиненное имъ безчеловѣчіе.

Напротивъ того цырюльникова жена, которая пришла домой изрядно отподчивана, какъ всякому легко разсудить можно, легла на посте-

лю подлѣ своего мужа весьма тихо, которой проснувшись велѣлъ подать свою готовальню съ бритвами, чтобъ пойти брить нѣкоего человѣка, которой его звалъ. Жена очень долго искала; и какъ она примѣтила, что онъ сердится, то подала ему одну только бритву. Цырюльникъ какъ скоро только взялъ ее въ руки, бросилъ съ сердцовъ въ жену свою крайнимъ образомъ ее ругая. Тогда еще не развѣло, что споспѣшествовало намѣренїю цырюльниковой жены. Она тотчасъ начала кричать и пала на землю. Всѣ сосѣди збѣжались на сей крикъ, и видя ее всю въ крови и безъ носу, всякой началъ цирюльника ругать за безчеловѣчїе, которой не вѣдая что начать, въ крайнее пришелъ изумленїе. Онъ не зналъ отпираться ли или признаваться въ семъ дѣйствїи. Между тѣмъ, поутру повели цырюльника къ судьѣ. Монахъ, о которомъ мы говорили, имѣя дѣло въ томъ мѣстѣ, прилучился тутже, и слышалъ судъ тому дѣлу. По обвиненїи и по выслушанїи свидѣтелей судья спросилъ цырюльника, для чего онъ столь безчеловѣчно

человѣчно поступилъ съ женою своею? Цырюльникъ не зналъ что на то отвѣтствовать; чего ради судья не разспрашивая больше осудилъ его на смерть. Но монахъ тотчасъ закричалъ, отложите свой приговоръ, и выслушайте сiю загадку: „Не воръ укралъ у меня кафтанъ, „не баранъ убилъ лисицу, не молодой дворянинъ отравилъ ядомъ беззаконную жену; также и не сапожникъ отрѣзалъ носъ у цырюльниковой жены, но сами мы привлекли „на себя сiи нещастiя„. Тогда судья, оставя цырюльника, приступилъ къ монаху, и просилъ его о истолкованiи сей загадки. Монахъ разсказалъ все, что видѣлъ, и сказалъ: ежели бы я отъ честолюбiя не взялъ онаго кафтана, то бы воръ его не укралъ; когда бы лисица не бросилась между баранами отъ ненасытности, то бы не была убита; естьли бы безпутная женщина не имѣла намѣренiя отравить ядомъ молодаго дворянина, то бы сама не умерла; когда бы цырюльникова жена не была посредственницею у сапожницы, то бы у ней носъ не былъ отрѣзанъ: Такъ что

всякой, кто дѣлаетъ худо, добра надѣется не долженъ. Я употребила сей примѣръ, чтобъ тебѣ показать, что самъ ты причиною своего безпокойства. Это правда, сказалъ Дамна, что я тому причиною; но я тебя прошу показать мнѣ какое нибудь средство. Я съ начала ужѐ тебѣ объявила, сказала Калиль, что я въ твои предпріятія мѣшаться не хочу, да и нынѣ не пекусь о твоихъ безпокойствахъ. Одинъ думай о своихъ дѣлахъ и о мѣрахъ, которыя тебѣ принять должно. Такъ я всѣ свои силы намѣренъ употребить, отвѣтствовалъ Дамна, чтобъ погубить быка; и въ семъ я не хуже успѣха надѣюсь, какъ оной воробей, которой отмстилъ ястребу. Калиль просила его расказать сію басню, что онъ учинилъ слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ XIV.

О воробьѣ и ястребѣ.

Два воробья свили себѣ гнѣздо на деревѣ, гдѣ они и потребное для дѣтей своихъ заготовили; но ястребъ, у котораго гнѣздо было на верьху го-

ры, у подошвы которой стояло помянутое дерево, сѣлъ у нихъ дѣтей, что весьма печально было отцу ихъ и матери; однако одинъ разъ вскормили они дѣтей своихъ до того, что совсѣмъ ужѐ оперились, и летѣть почти могли. Отецъ и мать своимъ порханїемъ изъявляли свою радость; но вдругъ впали они въ превеликую печаль, которая происходила отъ страха, чтобъ ястребъ не побилъ ихъ дѣтей, какъ и прежде. Старшей воробьенокъ спросилъ у отца своего о причинѣ его печали; отецъ ему оную открылъ, начто онъ отвѣтствовалъ: Это дурачество стараться избѣжать своего року, но надлежитъ искать средства удалиться отъ толь опаснаго сосѣда. Всѣ воробьи похвалили его мнѣнїе; мать полетѣла искать пищи, для своихъ дѣтей; а отецъ искать средства, для избавленїя ихъ. Летая очень долгое время, сказалъ онъ самъ себѣ: куда пойду, и кому объявлю болѣзнь мою? Напослѣдокъ принялъ онъ намѣренїе разговаривать съ звѣремъ, которой ему перьвой попадется, и совѣтовать съ нимъ о семъ дѣлѣ. Онъ увидѣлъ

змѣю,

змѣю, которая прогуливалась; сперьва ужаснулся, видя толь необыкновенное животное, однако не перемѣнилъ своего намѣренія, и приближась къ ней, ее поздравилъ. Змѣя будучи весьма честна, приняла его учтиво и сказала ему: я вижу, что ты очень печаленъ; ежели ты усталъ, такъ отдохни; а ежели это происходитъ отъ другой какой причины, такъ мнѣ скажи, чтобъ я тебѣ пособила, когда могу. Воробей разсказалъ свое нещастіе такимъ печальнымъ образомъ, что въ змеѣ возбудилъ сожалѣніе. Она старалась его утѣшить и сказала: не безпокойся больше, я сей же ночи избавлю тебя отъ толь худаго сосѣда, покажи только его гнѣздо, и успокойся съ своими дѣтьми; что воробей и учинилъ поблагодаривъ змѣю за участіе, которое она принимаетъ въ его нещастіи. Какъ скоро ночь настала, то змѣя съ другими себѣ подобными взявъ съ собою по зажженному фитилю пошли къ ястребиному гнѣзду, которой ничего не опасаясь, захваченъ былъ змѣями, кои бросили фитили въ его гнѣздо, и сожгли его съ дѣтьми.

Сей примѣръ показываетъ намъ, что всякой, кто старается погубить своего непріятеля, получаетъ наконецъ свое намѣреніе, не смотря на свою слабость. Но Которбе у Царя перьвой любимецъ, говорила Калиль, потому и трудно будетъ его погубить; ибо когда мудрый Царь возъимѣлъ къ кому повѣренность, то ужѐ не лишаетъ оной по одному только простому доносу. Можно представить льву, отвѣтствовалъ Дамна, что нибудь изъ шести вещей, которыя бываютъ причиною погибели государства, и изъ которыхъ главнѣйшая есть, не имѣть старанія о разумныхъ и храбрыхъ людяхъ, и ихъ презирать. Какія прочія вещи, спросила Калиль? Вторая, продолжалъ Дамна, не изгонять беспокойныхъ; третья, чрезвычайно прилѣпляться къ женскому полу, къ игрѣ и увеселеніямъ; четвертая, приключенія какъ моровая язва, голодъ и трясеніе земли; пятая, быть чрезмѣрно жестоку; напослѣдокъ шестая войну предпочитать миру. Я совершенно думаю, говорила Калиль, что ты твердо предпріялъ отмстить, но смотри, кто намѣ-

намѣренъ здѣлать худо, оное съ нимъ самимъ послѣдуетъ, напротивъ того кто желаетъ добра своему ближнему, во всемъ успѣхъ имѣетъ, что ни предпринимаетъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующей басни:

БАСНЯ XV,

О Царѣ, которой изъ тиранна здѣлался кроткимъ и правосуднымъ государемъ.

Былъ нѣкогда Царь, которой чрезвычайно мучилъ свой народъ; разорялъ богатыхъ, немилосердо поступалъ съ убогими, такъ что подданные и день и ночь просили бога, чтобъ отъ него ихъ избавилъ. Нѣкогда онъ возвратясь съ охоты собралъ свой народъ и сказалъ ему: Народъ! по сїе время причина лютости моей была вамъ не извѣстна; но я нынѣ увѣряю васъ, что вы впредь будете жить въ покоѣ, и никто не отважится васъ утѣснять. Бѣдной народъ весьма возрадовался о сей прїятной вѣдомости, и пересталъ молитвы возсылать противъ своего Царя.

И

И дѣйствительно помянутой Государь такъ перемѣнилъ свою поступку, что прїобрѣлъ имя справедливаго, и всякой началъ превозносить благополучное его владѣнїе. Нѣкогда одинъ изъ его любимцовъ спросилъ его о причинѣ толь нечаянной и великой перемѣны. Царь отвѣтствовалъ: будучи на охотѣ видѣлъ я сабаку, которая гналась за лисицою, и нагнавъ ее перекусила ей ногу; лисица хромая скрылась въ нору, собака не могши оттуда достать, тамъ ее оставила; но лишъ только шаговъ со сто отошла встрѣтилась съ человѣкомъ, которой бросилъ въ нее камнемъ и перешибъ ей ногу. Тотъ человѣкъ скоро послѣ сошелся съ лошадью, которая перешла ему черезъ ногу и ее переломила; а лошадь скоро послѣ того увязла между двумя каменьями, и вытаскивая ногу также переломила. Тогда, продолжалъ Царь, сказалъ я самъ въ себѣ, кто что дѣлаетъ съ другими, то и съ нимъ дѣлается. Всякой, чего не долженъ былъ дѣлать, получаетъ то, чего не желалъ. Сей примѣръ научаетъ насъ, что имѣющїе намѣренїе вре-

вредить, наказуемы бывают. Естьли ты предпринимаеш погубить Которбея, то ты после сожалеть о том будеш; он сильняе, нежели ты, и имеет больше пріятелей. Разум побеждает силу, отвѣтствовал Дамна, и слѣдующая басня в том тебя удостоверит:

БАСНЯ XVI.

О воронѣ, лисицѣ и змеѣ.

Ворон свил себѣ гнѣздо в разсѣдинѣ горы, и когда ни высиживал дѣтей, змѣй всегда их поѣдал. Ворон жаловался о том лисицѣ, говоря ей: что ты мнѣ присовѣтуеш здѣлать, чтоб избавиться от змѣя? Что ты намѣрен предпріять спросила лисица? Я намѣрен, отвѣтствовал ворон, выклевать ему глаза, когда он будет крѣпко спать, чтоб он впредь не нашел дороги к моему гнѣзду. Лисица бранила его за сіе намѣреніе и сказала ворону: разумной человѣк так должен мстить, чтоб ему самому никакова худа не могло послѣдовать. Не подвергай

гай себя, говорила она, опасности, чтобъ претерпѣть тоже нещастіе, которое случилось журавлю, о коемъ я раскажу тебѣ басню.

БАСНЯ XVII.

О журавлѣ и ракѣ.

Журавль, живучи при озерѣ, питался рыбою, которую могъ хватать; но пришедши въ старость и слабость, не могъ больше таскать рыбы, что ему не малую печаль причиняло. Я очень худо здѣлалъ, говорилъ онъ, что не запасся потребными вещами, дабы старость препроводить въ пріятности; надобно мнѣ употребить хитрость, чемъ бы кормиться. Онъ сѣлъ у самой воды, и началъ вздыхать и плакать. Ракъ увидя его издали, подошолъ къ нему, и спросилъ его о причинѣ его слезъ. Какъ мнѣ не плакать, отвѣтствовалъ журавль, я ужѐ до того дожилъ, что лишаюсь и обыкновеннаго моего пропитанія. Два рыбака прошедъ мимо говорили другъ другу: много тутъ рыбы, надобно здѣсь ловить;

вить;

вить; другой отвѣтствовалъ, въ другомъ мѣстѣ больше, пойдемъ сперьва туда, а послѣ и сюда придемъ. Ежели это правда, говорилъ журавль, то должно мнѣ готовиться къ смерти. Ракъ слыша сїе, пошолъ искать рыбу, и расказалъ ей эту худую вѣдомость. Рыба пришедши въ замѣшательство поплыла къ журавлю, и сказала ему: ты видишъ насъ въ крайнемъ замѣшательствѣ, мы пришли просить тебя, привесть насъ въ безопасность. Хотя ты нашъ и непрїятель, однако разумные люди говорятъ, кто прибѣгаетъ къ своему непрїятелю, тотъ долженъ быть увѣренъ, что отъ него не худо будетъ принятъ. Ты вѣдаешъ, что мы тебѣ служимъ вмѣсто пищи, такъ смотри, что намъ надлежитъ дѣлать. Журавль имъ сказалъ, я это, что вы знаете, слышалъ отъ рыбаковъ; мы не имѣемъ силы имъ противиться; и я другова средства не знаю привесть васъ въ безопасность, какъ всѣхъ васъ переносить въ нѣкоторое малое озерко, гдѣ вода очень чиста, и гдѣ для великой глубины рыбаки ловить васъ не могутъ. Рыба

ба почла сей совѣтъ за справедливой, и просила журавля переносить ее въ другое озеро. Всякое утро бралъ онъ по три и по четыре, но носилъ ее на небольшой холмъ и тамъ ее ѣлъ. Такимъ образомъ журавль нѣсколько времени роскошно довольствовался. Нѣкогда раку захотѣлось также видѣть оное изрядное озерко, и о своемъ любопытствѣ далъ знать журавлю, которой представляя себѣ, что ракъ крайней его непрїятель, принялъ намѣренїе и его съѣсть, такъ какъ и другихъ. Въ семъ намѣренїи посадилъ его къ себѣ на шею, и полѣтѣлъ къ холму; но ракъ видя изъ дали остатки своихъ товарищей, пришелъ въ сомнѣнїе, и пользуясь случаемъ, увязилъ журавлину шею въ свою клешню, и такъ сильно сжалъ, что его задавилъ.

Сей примѣръ показываетъ, что хитрой человѣкъ, всегда бываетъ жертвою своихъ хитростей. Воронъ благодарилъ лисицу, и сказалъ ей; я непремину наблюдать твои наставленїя, но чтожъ мнѣ дѣлать? Схвати, отвѣтствовала лисица, какую нибудь вещь у человѣка, которой бы

то

то видѣлъ, что бы онъ за тобою могъ гнаться; что онъ дѣйствительно здѣлаетъ, когда ты полѣтишь тихо; и когда ты будешъ надъ змеиною норою, то брось туда унесенную вещь: тогда человѣкъ, которой за тобою погонится, увидя змѣю убьетъ ея. Чего силою здѣлать не можно, сказалъ Дамна, то можно произвесть хитростію. Это правда, отвѣтствовала Калиль, но быкъ гораздо тебя разумнѣе; онъ своею мудростію уничтожитъ всѣ замыслы, которые злоба твоя противъ его строитъ; и прежде нежели ты выдернешъ у него волосъ, онъ здеретъ съ тебя кожу. Знаешъ ли ты басню о кроликѣ и лисицѣ; я тебѣ ее разскажу, думая, что она будетъ тебѣ полезна.

БАСНЯ XVIII.

О кроликѣ, лисицѣ и волкѣ.

Голодной волкъ, увидѣвъ кролика лежащаго у дерева, побѣжалъ къ нему, чтобъ его схватить; кроликъ, усмотрѣвъ его, хотѣлъ убѣжать, но волкъ пересѣкъ ему дорогу, и поималъ его.

Кро-

Кроликъ видя себя во власти у волка началъ его просить: Я вѣдаю, что и Царь животныхъ бываетъ голоденъ, и что въ полѣ нѣчего найти ѣсть; но я малинькой только кусочикъ, и не могу утолить твоего голоду; на два почти шага отсюда живетъ лисица тучная и жирная, у которой мясо очень бѣло, вотъ ее съѣшъ; я пойду, ежели тебѣ угодно къ ней, и хитро склоню ее оттуда вытти: Ежели она тебѣ покажется, такъ ты ее съѣшъ; и во всякомъ случаѣ я имѣть буду честь, служить пищею Вашему Величеству. Волкъ отпустилъ кролика къ лисицѣ, а самъ пошелъ за нимъ. Кроликъ, оставивъ волка у самой норы, вошелъ туда весьма радуясь, что нашелъ изрядной случай отмстить лисицѣ за учиненное отъ нея ругательство, которое онъ скрывалъ очень долгое время: онъ ей отдалъ весьма ниской поклонъ и засвидѣтельствовалъ свое дружество и почтенiе. Лисица съ своей стороны соотвѣтствовала весьма изрядно всѣмъ учтивостямъ показаннымъ отъ кролика, и спросила, какая бы была причина его къ ней при-

прибытія; чрезмѣрное желаніе, отвѣтствовалъ кроликъ, чтобъ тебя видѣть; у твоей норы стоитъ одинъ мой товарищъ, которой чрезвычайно желаетъ отдать тебѣ свой поклонъ, но не смѣетъ войти безъ твоего позволенія. Лисица сомнѣваясь тогда о какомъ нибудь подлогѣ, сама въ себѣ сказала, надобно этому товарищу то воздать, что онъ мнѣ готовитъ, но не показывая никакова виду сказала кролику: пусть онъ придетъ, онъ мнѣ много чести здѣлаетъ. Я прошу позволить мнѣ убрать мою камору чтобъ его принять. Кроликъ, будучи увѣренъ о успѣхѣ своего предпріятія, отвѣтствовалъ, что его товарищъ не любитъ церемоній; онъ не осудитъ; и тотчасъ вышелъ увѣдомить волка, что лисица въ обманъ попалась. Волкъ думалъ, что онъ лисицу въ своихъ когтяхъ ужѐ имѣетъ, а кроликъ почиталъ себя за избавившагося, что волку оказалъ толь изрядную услугу; но у лисицы при самомъ входѣ въ ея нору была глубокая яма, которую она вырыла для такихъ случаевъ; она отняла доски, которыми яма была прикрыта, и

кото-

которыя не допускали падать въ яму тѣхъ, кои къ ней пойдутъ; она яму прикрыла землею и дрязгомъ, и отворила заднія дверцы въ случаѣ нужды. Такимъ образомъ приготовясь позвала кролика. Волкъ будучи чрезвычайно голоденъ, а кроликъ стараясь избавиться бросились оба и упали въ яму. Волкъ думая, что и кроликъ въ сей хитрости имѣлъ участіе, разорвалъ его въ клочье.

Изъ сего ты видишь, что хитрости передъ разумными ничего не стоятъ. Это правда, сказалъ Дамна, но быкъ нынѣ возгордился своею честію, и не имѣетъ на меня нималаго подозрѣнія, что я его ненавижу. Кроликъ гораздо разумнѣе, нежели тотъ, о которомъ ты говорила, предпріялъ погубить льва, а какимъ образомъ произвелъ онъ въ дѣйство свое предпріятіе, оное содержится въ слѣдующей баснѣ:

БАСНЯ XIX.

О львѣ и кроликѣ.

Около багдата была весьма изрядная роща, которую многіе дикіе звѣ-

ри для пріятности мѣста избрали себѣ жилищемъ. Между прочими звѣрьми находился левъ чрезвычайно свирѣпой, которой мутилъ покой непрестаннымъ терзаніемъ другихъ звѣрей. Нѣкогда собравшись они всѣ, пошли ко льву, и представили ему, что они его подданные, и слѣдовательно ему не надлежитъ дѣлать толь страшнаго убійства. Ты насъ ищешь, говорили они, а мы отъ тебя удаляемся. Ежели ты хочешь быть спокоенъ, оставь и насъ въ покоѣ; мы каждой день приносить тебѣ будемъ живность, и ты не будешь ужѐ труда имѣть за оною гоняться. Левъ принялъ сіе предложеніе; звѣри каждой день метали жеребей, и на котораго оной падалъ, тотъ опредѣленъ былъ льву на пищу.

Нѣкогда палъ жеребей на кролика, которой видя себя поиманнаго, сказалъ всѣмъ звѣрямъ: ежели вы мнѣ подадите помощь, то я васъ избавлю отъ жестокаго тиранна, которой царствуетъ въ сихъ мѣстахъ. Они всѣ отвѣтствовали, что употребятъ къ тому всѣ свои силы. Кроликъ дожидался пока прошло время

обѣда. Голодъ у льва умножался купно съ его яростїю; онъ билъ хвостомъ о землю и увидѣвъ кролика, сказалъ ему: откуда ты пришелъ, и что дѣлаютъ мои подданные? Они послали меня сюда, отвѣтствовалъ кроликъ, поклонясь ему весьма ниско, чтобъ вамъ по обыкновенїю привесть звѣря на обѣдъ; но на дорогѣ встрѣтился со мною левъ, которой у меня его отнялъ, хотя я ему и говорилъ, что я велъ это для Царя; однако онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что въ сей сторонѣ нѣтъ другаго Царя кромѣ его. Я пришолъ увѣдомить Ваше Величество о такой наглости. Левъ, растворивъ блистающїе свои глаза, закричалъ: Что это за дерзской, которой осмѣлился участїе имѣть въ моемъ обѣдѣ? Можешь ли ты мнѣ показать, гдѣ этотъ продерзской? Могу Ваше Величество, отвѣтствовалъ кроликъ, вы только за мною слѣдуйте. Левъ пошелъ за нимъ, и какъ дошли до колодезя, въ которомъ вода была очень чиста, кроликъ сказалъ льву: Всемилостивѣйшїй Государь! въ этомъ колодезѣ вашъ непрїятель, но я не смѣю его

вамъ

вамъ показать, по крайней мѣрѣ подержите меня своими лапами. Левъ взявъ кролика приближился къ колодезю, и видя тамъ свой образъ и кролика, котораго онъ держалъ, подумалъ, что то дѣйствительно его непрiятель, которой ѣстъ его обѣдъ; въ то самое время бросился на него съ великою яростiю и утонулъ въ колодезѣ.

Сiя басня показываетъ намъ, что человѣкъ чрезвычайно сильной, можетъ уловленъ быть безсильнымъ, когда онъ не отчается. Эй, сказала Калилъ, ежели ты можешь погубить быка такъ, что льву никакова худа не здѣлается, то пусть будетъ такъ; а когда безъ сего не въ состоянiи того здѣлать, то я совѣтую тебѣ оставить свое предпрiятiе, потому что подданной для собственнаго своего покою и интересу не долженъ терпѣть, чтобъ какое худо случилось Государю.

Тутъ кончился разговоръ между Дамною и Калилью, и Дамна простившись съ своею женою удалился отъ двора львова. Нѣсколько времени спустя возвратился онъ назадъ,

и показывалъ передъ Его Величествомъ весьма печальной видъ; чего ради левъ спросилъ его: Откуда ты прибылъ? ужѐ я тебя давно не видалъ; нѣтъ ли чего новаго? Есть, Ваше Величество, отвѣтствовалъ Дамна. Тогда левъ затрясся отъ страху, и сказалъ Дамнѣ, что такое? Ежели Вашему Величеству угодно знать, отвѣчалъ Дамна, то изволте допустить меня на тайную аудіенцію. Не надобно никогда, перервалъ его рѣчь левъ, отлагать важныя дѣла; говори, мы здѣсь одни. Надлежитъ, началъ говорить Дамна, чтобъ тотъ, кто разнесъ сію печальную вѣдомость, имѣлъ способность оную нѣсколько уменьшить; да должно и тому, кому оная объявляется, разсуждать, достоинъ ли тотъ вѣры, или онъ доноситъ для своей корысти? Есть ли достоинъ вѣры, то онъ достоинъ и того, чтобъ имѣть къ нему совершенную повѣренность, а особливо ежели изъ его рѣчей можно получить какую нибудь пользу. Левъ перервалъ его рѣчь, говоря: ты совершенно знаешь, что я извѣдалъ твою вѣр-

вѣрность, и такъ говори смѣло все, что ты хочешь. Непорочность моего намѣренія, продолжалъ Дамна, побуждаетъ меня принять сіе дерзновеніе; и я за весьма щастливаго себя почитаю, что Ваше Величество знать меня изволите. Я не сомнѣваюсь о твоей ревности, сказалъ левъ; но объяви наконецъ мнѣ ту вѣдомость, которую я съ нетерпѣливостію знать желаю.

Когда Дамна усмотрѣлъ, что его ласкательства успѣхъ возъимѣли, и что Царь имѣетъ къ нему повѣренность, то началъ онъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: Всемилостивѣйшій Государь! Которбе съ вельможами и начальниками вашихъ армій имѣетъ тайные переговоры, и я достовѣрно знаю, что онъ имъ доказывалъ о вашей слабости; что подаетъ причину думать, что онъ имѣетъ какой нибудь умыселъ противъ вашей персоны. Удивительно какъ сей неблагодарной во зло употребляетъ милость, которую вы ему оказываете, и особливое дружество, которымъ вы его удостоиваете. Дамна, закричалъ левъ,

смотри, что ты говоришь; ежели это правда, то что мнѣ надлежитъ дѣлать? Ваше Величество, отвѣтствовалъ Дамна, есть два рода людей; одни разумны и осторожны, другїе скоры и безпокойны. Сїи всегда приходятъ въ замѣшательство, когда имъ случится нечаянное какое приключенїе; напротивъ того первые предвидятъ дѣла, и не безпокоятся, когда оныя приключаются. И такъ надлежитъ подражать ихъ благоразумїю, и защититься отъ опасности, какъ скоро можно оное предчувствовать. Есть еще иной родъ людей, которые хотя подлинно и не предвидятъ опасности, однако знаютъ, какъ должно поступать, когда оная дѣйствительно окажется. И сїи три свойства людей приводятъ мнѣ на память басню о трехъ рыбахъ, которую я разсказалъ бы Вашему Величеству, есть ли бы я не опасался, что васъ обеспокою. Левъ приказалъ оную разсказать, чего ради Дамна началъ слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ XX.

О двухъ рыбакахъ и о трехъ рыбахъ.

Въ нѣкоторомъ озерѣ вода была очень чиста, и текла въ рѣку. Помянутое озеро находилось въ небольшомъ разстоянiи отъ прохожей дороги, и въ немъ жили три рыбы, изъ которыхъ одна была осторожна, другая не очень разумна, а третья со всѣмъ глупа. Нѣкогда два рыбака по случаю примѣтили сiе озеро; они къ нему подошли, и какъ скоро усмотрѣли оныхъ трехъ рыбъ, которыя были чрезвычайно велики, тотчасъ пошли по свои сѣти. Рыбы видя намѣренiе рыбаковъ пришли въ великое замѣшательство. Которая была осторожна, та тотчасъ начала думать о спасенiи. Она вышла изъ озера черезъ небольшой ручей, которой протекалъ въ рѣку; и такимъ образомъ избавилась. На другой день по утру рыбаки пришли съ своими сѣтьми, и заперли всѣ проходы, чтобъ рыбы не вышли. Та, которая небольшой только разумъ имѣла

 сожа-

сожалѣла, что не слѣдовала за своимъ товарищемъ. Напослѣдокъ употребила хитрость; она показалась на поверьхности воды и притворилась мертвою; рыбаки взявъ ее подумали, что она дѣйствительно мертва, и бросили ее на берегъ у рѣки. рыба встрепенувшись вскочила въ воду и ушла. Послѣдняя, которая была со всѣмъ глупа, видя себя утѣсненну отъ рыбаковъ, не знала какъ избавиться. Она бросалась на дно, потомъ опять выскакивала на верьхъ воды; однако не могла избѣжать, чтобъ ее не поймали.

Сей примѣръ ясно показываетъ Вашему Величеству, что надлежитъ предупредить Которбея, лишивъ его жизни, прежде нежели онъ вашею персоною овладѣетъ. Все, что ты говоришь, справедливо и разумно, сказалъ левъ; но я не могу повѣрить, что бы Которбе, которой видѣлъ отъ меня столь много благодѣяній, такъ былъ невѣренъ, какъ ты мнѣ его представляешь. Это правда, отвѣтствовалъ Дамна, что онъ кромѣ благодѣяній ничего не видѣлъ отъ Вашего Величества; но

скверные

скверные люди никогда не перемѣняютъ своего природнаго свойства, и ничего больше изъ сосуда вынуть не можно, какъ то, что въ немъ есть. Слѣдующая басня можетъ служить изряднымъ тому доказательствомъ.

БАСНЯ XXI.

О скорпіонѣ и черепахѣ.

Черепаха и скорпіонъ заключили между собою такую тѣсную дружбу, что другъ безъ друга жить не могли. Нѣкогда принуждены они были перемѣнить жилище; чего ради отправились въ дорогу, но дошедъ до рѣкй, скорпіонъ вдругъ остановился и спросилъ черепаху, какъ ему переплыть чрезъ нее? Не печалься мой другъ, отвѣтствовала черепаха, я тебя на своей спинѣ перенесу безъ всякой опасности. И дѣйствительно скорпіонъ сѣлъ на спину черепахѣ, которая и поплыла. Но на самой срединѣ рѣки черепаха почувствовала на спинѣ нѣкоторой стукъ; она спросила скорпіона отъ чего это происходитъ? онъ отвѣтствовалъ: Я точу

свое жало, и хочу спробовать, можно ли проколоть твой черепъ, которой ты на спинѣ носишь. Черепаха тогда вскричала: Неблагодарной! въ то самое время, когда я тебѣ оказываю знаки моей дружбы, ты хочешь уязвить меня своимъ ядовитымъ жаломъ, и лишить жизни.

Всемилостивѣйшій Государь! продолжалъ Дамна, не надобно никогда щадить злыхъ людей. Ты меня въ разсужденіи сего очень понуждаешь, сказалъ левъ; естьли Которбе въ состояніи былъ мнѣ измѣнить, то бы онъ ужѐ оказалъ противъ меня худое свое намѣреніе. Не надѣйтесь на то, перервалъ рѣчь его Дамна; онъ скрываетъ свое намѣреніе съ великою осторожностію. Онъ не нападетъ на Ваше Величество одинъ, но хочетъ прежде возмутить весь дворъ, и склонить на свою сторону. Ты говоришь справедливо, сказалъ левъ, однако какъ могу я его выгнать? Поручите мнѣ сіе произвесть въ дѣйство, отвѣтствовалъ Дамна; надлежитъ наказать невѣрнаго раба. Рѣчи сей коварной лисицы произвели у Царя такое вообраafженіе, что онъ предпрі-

предпріялъ никогда не допускать передъ себя Которбея, и отдалить его отъ двора, объявивъ ему причину своего гнѣва. Но Дамна опасаясь, чтобъ Которбе не проникнулъ въ его коварства, сказалъ: Всемилостивѣйшій Государь! я слыхалъ отъ разумныхъ людей, что Царь не долженъ наказывать публично за тайныя преступленія, ни тайно въ ссылку посылать за публичныя беззаконія. И такъ поелику Которбе преступилъ тайно, то и надлежитъ наказать его тайножъ. Это будетъ несправедливо, сказалъ левъ, наказывать кого, не объявивъ причины его наказанія. Довольно будетъ того, отвѣтствовалъ Дамна, что вы окажете ему знакъ своего гнѣва, и вы его холоднымъ образомъ примете. Совѣсть его въ тожъ самое время изобличитъ его въ невѣрности; и онъ не будетъ больше сомнѣваться о наказаніи, которое вы ему приготовили. Вы сами увидите, что онъ въ великомъ замѣшательствѣ и безпокойствѣ будетъ озираться на всѣ стороны, что имѣетъ служить неопровергаемымъ доказательствомъ истин-

ны моихъ подозрѣній. Ежели это такъ, сказалъ левъ, то я буду удостовѣренъ о его предательствѣ. Дамна, видя Царя въ такихъ мысляхъ, въ какія желалъ его привесть, чтобъ еще больше скрыть свое коварство, пошелъ къ Которбею, и отдалъ ему весьма ниской поклонъ. быкъ принялъ его весьма ласково, и сказалъ ему: для чего ко мнѣ не жалуешь? или я тебѣ больше ужъ не другъ? Хотя я и въ отдаленіи отъ тебя находился, отвѣтствовалъ Дамна, однако я тебя еще не забылъ. Но для чего, спросилъ быкъ, удалился ты отъ двора? Для того, что я люблю вольность, отвѣтствовалъ Дамна; да притомъ когда бываемъ предъ Царемъ, всегда дрожимъ отъ страху, и не смѣемъ поворотиться. Кажется, сказалъ быкъ, что ты не доволенъ Царемъ, и ты опасаешься какова нибудь нещастія. Это правда, отвѣтствовалъ Дамна; но я больше для тебя опасаюсь, нежели для себя. бѣдной Которбе пришелъ въ ужасъ отъ сего отвѣта. Искренней мой другъ! сказалъ онъ Дамнѣ, объяви мнѣ, я прошу тебя, о опасности,

сности, которая мнѣ угрожаетъ. Нѣкоторой мой прїятель, продолжалъ Дамна, тайно объявилъ мнѣ о разговорѣ, бывшемъ на прошедшихъ дняхъ между Царемъ и министромъ, которой тебя не очень любитъ. Царь сказалъ ему: „Которбе нынѣ ужѐ „нарочито тученъ, а онъ намъ очень „безполезенъ; я намѣренъ всѣмъ мо„имъ придворнымъ представить бо„гатой пиръ, и за обѣдомъ дамъ „имъ ѣсть сего быка„. Я пришелъ объявить тебѣ сїю вѣдомость, для показанїя, что я тебѣ искренней прїятель, и тебѣ помочь, ежели можно, избѣжать сїю напасть. Которбе удивился сей вѣдомости; но какою хитростїю, говорилъ онъ, могу я избѣжать отъ царскаго варварства? Я ему не подалъ нималой причины, чтобъ онъ поступилъ со мною такимъ образомъ. безъ сомнѣнїя имѣю я у себя тайнаго непрїятеля, которой меня ложно оклеветалъ, и подвигнулъ его на гнѣвъ противъ меня. Онъ подобенъ той уткѣ, которая видя въ водѣ изображенїе луны, подумала, что то изрядная рыба; и въ семъ ложномъ

мнѣнїи нырнула въ воду, чтобъ оную схватить; но употребивъ безполезно силы вынырнула изъ воды, и клялась, что опять никогда нырять не будетъ. Какъ она послѣ ни была голодна, не хотѣла больше ловить рыбы, представляя всегда, что то лунной свѣтъ. Злословящїе люди и ласкатели такъ предупредили льва противъ меня, что хотя бы я и дѣлалъ что, однако онъ всегда будетъ думать, что я притворяюсь. Можетъ быть, сказалъ Дамна, Царь и перемѣнитъ свое мнѣнїе; но поелику онъ самовластенъ, то и не объявивъ тебѣ причины можетъ осудить тебя на смерть. Это правда, отвѣтствовалъ Которбе, что Цари часто за заслуги платятъ неблагодарностїю и самымъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующей басни:

БАСНЯ XXII.

О соколѣ и курицѣ.

Соколъ сказалъ курицѣ: ты неблагодарна. Какую неблагодарность примѣтилъ ты во мнѣ, отвѣчала курица?

рица? А еще та большая неблагодарность, сказалъ соколъ, которую ты оказываешь въ разсужденіи людей. Они крайнее стараніе о тебѣ имѣютъ; днемъ вездѣ ищутъ, чемъ бы тебя накормить, а ночью готовятъ тебѣ мѣсто для твоего покою; всегда стараются запереть, опасаясь, чтобъ твоего покою другое какое животное не нарушило; однакожъ когда они хотятъ поймать, ты отъ нихъ бѣгаешь, чего я не дѣлаю. Я будучи дикая птица, на малую приманку, которую они мнѣ окажутъ, прилѣтаю, даюсь имъ въ руки, и я ѣмъ изъ ихъ только рукъ. Это правда, отвѣтствовала курица; однако ты не знаешь причины моего отъ нихъ бѣганія; ты никогда не видывалъ соколовъ на сковородѣ, а я курицъ во всякихъ похлебкахъ довольно видала. Я разсказалъ сію басню для того, чтобъ тебѣ показать, что тѣ, которые стараются быть при дворѣ, не разумѣютъ непріятностей. Я думаю, сказалъ Дамна, что левъ хочетъ тебя лишить жизни не для чего инаго, какъ что онъ ревнуетъ твоимъ добродѣтелямъ. Это правда, отвѣт-

отвѣтствовалъ Которбе; съ однихъ только плодоносныхъ деревъ вѣтви ломаютъ; соловьевъ для того больше стараются ловить, что они пріятнѣе другихъ птицъ поютъ; и у павлиновъ перья вырываютъ для того, что они красивы; подобнымъ образомъ моя ревность и вѣрность будутъ причиною моей погибели. Я вижу, что нынѣ скверные, имѣющіе видъ добродѣтели, въ большемъ почтеніи, нежели люди дѣйствительно добродѣтельные. Однако я не опасаюсь предпріятій, которыя противъ меня учинить могутъ; я послѣдовать буду соловью, о которомъ я разскажу тебѣ басню.

БАСНЯ XXIII.

О соловьѣ и крестьянинѣ.

У нѣкотораго крестьянина въ саду былъ розовой кустъ, которой составлялъ всѣ его увеселенія. Онъ столько его любилъ, что каждое утро ходилъ смотрѣть разцвѣтающія свои розы. Какъ онъ нѣкогда удивлялся по своему обыкновенію пріятности

своихъ

своихъ цвѣтовъ; то увидѣлъ на одной розѣ соловья, которой щипалъ листы. На сїе крестьянинъ такъ разсердился, что на другой день поставилъ западню для сего соловья, чтобъ отмстить обиду, которую отъ него по своему мнѣнїю видѣлъ. Онъ и дѣйствительно его поймалъ, и тотчасъ посадилъ въ клетку. Бѣдной соловей весьма печалился. Видя себя въ такомъ состоянїи, съ великою прискорбностїю спросилъ крестьянина о причинѣ своей неволи. Крестьянинъ ему отвѣтствовалъ: знай, что ты мнѣ терзаешь сердце, когда ты щиплешь листочки прекрасныхъ моихъ розъ. Ахъ! сказалъ соловей, за то, что я испортилъ нѣсколько листочковъ у розы, поступаешь ты со мною такъ немилосердо; какъ же съ тобою будутъ поступать за то, что ты меня обидѣлъ такимъ образомъ? развѣ ты не знаешь, что на томъ свѣтѣ поступаютъ такимже образомъ, какъ здѣсь поступаемъ мы съ своими ближними? Крестьянину сїи слова были чувствительны, чего ради соловья отпустилъ на волю, которой ему за то поблагодаривъ сказалъ: ты мнѣ здѣлалъ

лалъ благодѣянїе, такъ и я намѣренъ воздать тебѣ равное; знай, у корня сего дерева закрытъ сосудъ съ золотомъ; выкопай его, онъ приготовленъ для тебя. Крестьянинъ началъ рыть землю, и нашедъ сосудъ сказалъ соловью: я удивляюсь, что ты могъ видѣть сей сосудъ, которой еще прежде зарытъ былъ въ землю, а поставленной западни, въ кою ты попался, не могъ примѣтить. Развѣ ты не знаешь, отвѣтствовалъ соловей, что не можно избѣжать своей судьбины.

Видишь изъ сего примѣра, что надлежитъ поручать себя во власть судьбы. Что ты говоришь, это правда, сказалъ Дамна; но поелику левъ мыслитъ тебѣ здѣлать зло, то онъ самъ за то наказанъ будетъ, и поелику онъ желаетъ умножить свое величество твоею погибелїю, то и съ нимъ то же самое воспослѣдуетъ, что приключилось охотнику.

БАСНЯ XXIV.

О охотникѣ, лисицѣ и барсѣ.

Охотникъ, продолжалъ Дамна, усмотрѣлъ посреди поля лисицу, ко-

торая казалась весьма лукава, и которой мѣхъ такъ былъ хорошъ, что захотѣлось ему ее поимать. Для сей причины примѣтилъ ее нору, у которой выкопалъ яму и прикрылъ ее всякимъ дрязгомъ, и положа тамъ падалище, самъ скрылся въ потаенное мѣсто. Лисица вышедъ изъ норы, почувствовала смрадъ отъ стервы, которую охотникъ положилъ, и тотчасъ побѣжала смотрѣть, что тутъ такое. Когда она подошла къ ямѣ, то хотѣла отвѣдать такого изряднаго кусочка; но страхъ, нѣтъ ли тутъ какого нибудь обману, удерживалъ ее броситься на оной. Такимъ образомъ не долго она была на семъ мѣстѣ. Малое время спустя пришелъ барсъ; и какъ скоро почувствовалъ запахъ отъ стервы, бросился на оную и сталъ ѣсть, такъ что упалъ въ яму. Охотникъ услыша стукъ, какъ барсъ упалъ, бросился безъ всякой осторожности, думая что то безъ сомнѣнія была лисица, но нашелъ тамъ барса, которой его съѣлъ.

Сїя басня научаетъ насъ, что благоразумїе и мудрость должны управлять наши желанїя. Которбе перервалъ

валѣ его рѣчь и началѣ говорить: я худо зделалѣ, что предложенія отѣ льва принялѣ. Того не довольно, сказалѣ Дамна, что ты сожалѣешь, но надобно помышлять о средствахѣ, какѣ бы укротить льва. Я не сомнѣваюс о его добромѣ сердцѣ, отвѣтствовалѣ Которбе; но предатели и ласкатели всѣ свои силы употребятѣ, любовь его перемѣнить вѣ ненависть; и я опасаюсь, чтобѣ они не имѣли вѣ томѣ успѣха, какѣ волкѣ, лисица, воронѣ погубили верблюда. Дамна желалѣ слышать сію басню, а Которе для его удовольствія началѣ говорит слѣдующимѣ образомѣ:

БАСНЯ XXV.

О волкѣ, лисицѣ, воронѣ и верблюдѣ.

Нѣкогда хитрой воронѣ, лукавая лисица и кровожаждущій волкѣ вступили вѣ службу ко льву, которой дворѣ свой имѣлѣ вѣ лѣсу при большой дорогѣ. Верблюдѣ нѣкотораго купца отѣ чрезмѣрнаго труда сталѣ отдыхать близѣ того мѣста. Нѣсколько дней спустя

спустя оправившись вошелъ онъ въ лѣсъ льва, что бы тамъ кормиться. Но онъ чрезвычайно удивился увидѣвъ тамъ льва. Онъ представилъ ему свои услуги, а левъ оныя принялъ; и узнавъ какимъ случаемъ верблюдъ зашелъ въ тѣ мѣста, спросилъ его, что онъ дѣлать хочетъ? все то, что угодно Вашему Величеству, отвѣтствовалъ верблюдъ. Ежели ты хочешь жить со мною, сказалъ левъ, то ты всегда будешь въ безопасности. Верблюдъ о семъ радовался, и остался при львѣ, не дѣлая ничего, кромѣ того, что довольствовался безъ всякаго беспокойства такъ, что онъ въ скоромъ времени здѣлался тучнымъ и жирнымъ. Нѣкогда левъ будучи на охотѣ встретился съ слономъ, съ которымъ онъ бился. Онъ возратился изъ лѣсу раненъ, и крайне голоденъ. Воронъ, волкъ и лисица, которые довольствовались остатками его охоты, видя, что нѣчего ему ѣсть, впали въ велилую печаль. Левъ оное примѣтя сказалъ имъ: мнѣ чувствительнѣе ваша печаль, нежели мои раны; подите посмотрите, не увидите ли какой дичины около сего

лѣсу,

су, и мнѣ скажите, я для васъ поимаю. Такимъ образомъ пошли они отъ льва, и всѣ трое начали совѣтовать. Волкъ сказалъ: что намъ пользы въ верблюдѣ? мы мало съ нимъ сообщенія и дружества имѣемъ; левъ отъ него никакой прибыли не видитъ; надобно его убить; его станетъ намъ въ пищу на два или на три дни, а послѣ сего времени Царь нашъ выздоровѣетъ. Сей совѣтъ не показался лисицѣ, которая доказывала, что не можно по справедливости лишить жизни верблюда, когда уже дано ему слово, чтобъ онъ жилъ спокойно въ семъ лѣсу; что сія поступка приведетъ Царя въ ненависть по всей землѣ, ибо она почтетъ его за вѣроломнаго, которой для того только далъ убѣжище въ своихъ земляхъ сему иностранному, чтобъ его безъ всякой причины живота лишить, и пользоваться его смертію. Воронъ, которой былъ очень разуменъ и лукавъ, согласилъ оба сіи мнѣнія, говоря, что можно верблюжью смерть прикрасить нѣкоторымъ изряднымъ видомъ. Подождите здѣсь, сказалъ имъ, пока я возвращусь. Онъ пошелъ сперьва

ко льву, и сказалъ ему: Всемилостивѣйшїй Государь! мы такъ сильно голодны, что не имѣемъ силы ходить; но мы нашли изрядное средство для сего; и ежели Ваше Величество намъ позволите, то мы будемъ имѣть богатой пиръ. Левъ спросилъ, какое это средство? Воронъ отвѣтствовалъ: Ваше Величество, верблюдъ живетъ въ вашемъ государствѣ какъ пустынникъ; онъ отдѣленъ отъ насъ; онъ очень можетъ удовольствовать нашъ голодъ; и какъ Ваше Величество также голодны, то верблюдъ можетъ и вамъ служить пищею. Левъ, котораго сей разговоръ на гнѣвъ подвигнулъ, закричалъ, какїе нынѣшняго вѣка люди предатели и скверные! какъ ты мнѣ докажешь, что дозволено быть вѣроломнымъ, и что можно нарушить данное слово? Я не знаю всего того, Ваше Величество, отвѣтствовалъ воронъ; но министры за правило почитаютъ, что надлежитъ приватнаго человѣка приносить въ жертву за спасенїе цѣлаго народа, или для сохраненїя Царской особы. Сверьхъ же того можно употребить хитрость, для разрѣшенїя вашего обѣща-

обѣщанія. Левъ наклонилъ голову, чтобъ о семъ подумать; а воронъ возвратился къ своимъ товарищамъ, которымъ онъ сказалъ о разговорѣ бывшемъ у него со львомъ. Пойдемъ теперь, сказалъ онъ, къ верблюду, и увѣдомимъ его о голодѣ Царя нашего, а напослѣдокъ представимъ ему, что мы большую часть жизни нашей препроводили при Царѣ въ покоѣ и пріятности; чего ради нынѣ не несправедливо кажется жизнь нашу посвятить для продолженія его жизни. Послѣ сихъ рѣчей, которыя понудятъ и верблюда къ намъ присовокупиться, пойдемъ мы къ Царю, и представимъ ему себя всѣ трое другъ передъ другомъ, чтобъ онъ употребилъ себѣ въ пищу кого нибудь изъ насъ; верблюдъ можетъ быть по примѣру нашему также захочетъ себя посвятить, и тогда мы ухватимся за его слова и наше намѣреніе желаемой успѣхъ получитъ. И дѣйствительно они столь изрядно здѣлали, что привели верблюда къ Царю, передъ которымъ воронъ ставъ сказалъ: Всемилостивѣйшій Государь! поелику здравіе ваше намъ дороже нашего здоровья, позвольте, чтобъ я жизнь свою посвятилъ

для

для утоленія вашего голоду. Изрядной обѣдъ! которой ты представляешь Его Величеству, закричала лисица; у тебя одни только кости да кожа, а Царь нарочито голоденъ, такъ что нѣчемъ ему тобой утолить голодъ; мое мясо гораздо лучше! Волкъ напротивъ того говорилъ: Его Величеству пища надобна тверже нежели лисица, и мнѣ кажется, что я къ сему лучше для него гожусь. Верблюдъ не хотя казаться не столь ревностнымъ какъ другіе, сказалъ съ своей стороны: вы всѣ не можете утолить голоду Царя нашего; но хотя бы онъ не ѣлъ и цѣлую недѣлю, то меня бы одного стало къ его поправленію Тогда другіе сказали, онъ правду говоритъ; его мясо преизрядно, и достойно Его Величества. Сколь онъ благополученъ, что оставитъ потомству столь достохвальной примѣръ своей ревности и великодушія. Сіе выговоривъ бросились на него и разорвали его, такъ что онъ ни слова не успѣлъ выговорить. Сія басня показываетъ, что когда многіе скверные люди соединясь вмѣстѣ примутъ какое нибудь намѣреніе, то

они наконецъ произведутъ оное въ дѣйство. Что до меня касается, говорилъ Дамна, я такова мнѣнія, чтобъ ты защищалъ свою жизнь, ибо кто умираетъ имѣя въ рукѣ оружїе, тотъ всегда похвалы достоинъ бываетъ. Не надобно войны начинать, но не надобно также слабо уступать непрїятелю, когда онъ учинитъ нападенїе. Надлежитъ знать свои силы прежде вступленія въ сраженїе; ибо кто неразумно устремляется противъ своего непрїятеля, тотъ подобенъ ангелу обладателю моря, о которомъ разскажу я тебѣ басню.

БАСНЯ XXVI.

О ангелѣ обладателѣ моря, и двухъ птицахъ Титави называемыхъ.

Двѣ птицы называемыя Титави жили на берегахъ Индейскихъ. Когда пришло время нестись, то самка сказала самцу, надобно выбрать мѣсто удобное для высиживанія дѣтей. Самецъ отвѣтствовалъ, и это мѣсто очень хорошо. Нѣтъ, сказала самка; море мо-

можетъ взволноваться и унесть наши яица. Сего не здѣлается, говорилъ самецъ, потому что ангелъ обладатель моря не смѣетъ здѣлать мнѣ сiю обиду. Ежели онъ здѣлаетъ, то я въ отвѣтѣ. Не надобно, отвѣтствовала самка, хвалиться тѣмъ, чего здѣлать не можно. Какое сравненiе между тобою и обладателемъ моря? Пожалуй послушай, перенесемъ отсюда гнѣздо; вспомни ты о нещастiи, которое приключилось черепахѣ. Какое нещастiе спросилъ самецъ?

БАСНЯ XXVII.

О черепахѣ и двухъ уткахъ.

Была, продолжала самка, черепаха, которая въ нѣкоемъ озерѣ съ утками жила во всякомъ довольствiи. Одинъ годъ былъ такой сух й, что вся вода въ озерѣ высохла: чего ради утки видя себя принужденными перемѣнить мѣсто, пошли съ черепахою проститься. Она имъ выговаривала, что онѣ ее оставляютъ во время ея бѣдности, и просила ихъ, чтобъ взяли и ее съ собою. Утки отвѣтствова-

ли , что имъ не безъ печали , что онѣ съ нею разстаются, но то здѣлали по принужденїю; а что ты предлагаешь , говорили онѣ ей , чтобъ взять тебя съ собою , то мы очень далекой путь предпринимаемъ, и ты не можешь за нами слѣдовать, потому что ты лѣтать не умѣешь: однако ежели ты намъ обѣщаешься, чтобъ на дорогѣ не говорить намъ ни слова, то мы тебя понесемъ ; но ежели мы встрѣтимся съ людьми , которые съ нами говорить будутъ , и ты имъ отвѣтствовать станешь , то сїе будетъ причиною твоей погибели. Никакъ, отвѣтствовала черепаха; я буду все то дѣлать, что вамъ угодно. Тогда утки велѣли черепахѣ взять маленькую палочку , и ухвативъ ее зубами , приказали ей держать крѣпко. Обѣ утки взяли палку за концы, и такимъ образомъ унесли черепаху. Когда онѣ летѣли чрезъ деревню , то крестьяне оное видя , удивлялись новости сего позорища , и всѣ начали кричать , такъ что подняли превеликой шумъ , которой черепаха слушала съ великою нетерпѣливостїю. Напослѣдокъ не могши больше молчать ,

чать, захотѣла промолвить: симъ завистникамъ выколола бы глаза, чтобъ они насъ не могли видѣть; но какъ скоро растворила она ротъ, упала на землю и расшиблась.

Сей примѣръ показываетъ, что не должно презирать увѣщанія своихъ пріятелей. Я слыхалъ эту басню, сказалъ самецъ, но знай, что всѣ тѣ, которые не имѣютъ бодрости, ни къ чему не способны бываютъ. Высидимъ дѣтей, и будемъ увѣрены, что ангелъ обладатель моря не здѣлаетъ намъ худа. Самка послушалась, и свила себѣ гнѣздо на берегу у воды; но день или два спустя море взволновалось, волны залили гнѣздо помянутыхъ птицъ, и обладатель моря взялъ себѣ яица. Тогда самка сказала самцу: я говорила тебѣ, что не должно поносить власть, которую ты долженъ почитать; посмотримъ же теперь, какъ ты отмстишь за обиду. Я увѣряю тебя, отвѣтствовалъ самецъ, что я принужу отдать яица. Не теряя времени полетѣлъ онъ ко всѣмъ птицамъ, разсказалъ свое нещастіе, и просилъ ихъ учинить ему помощь отмстить

мстить обладателю моря. Всѣ птицы обѣщали Титаву подать вспоможенїе, полетѣли къ коршуну, и объявили ему, что онѣ не будутъ больше почитать его за своего Царя, ежели онъ отречется быть при томъ предводителемъ. Коршунъ полетѣлъ съ ними. Онѣ окружили домъ морскаго обладателя, которой видя сїе безчисленное множество птицъ пришелъ въ страхъ и отдалъ яица.

Не надобно никогда, говорилъ Дамна, презирать своего непрїятеля. Я не начну сраженїя, перервалъ рѣчь его Которбе, но ежели левъ на меня нападетъ, то я буду защищаться. Когда ты увидишь, сказалъ Дамна, что онъ хвостомъ будетъ бить по землѣ, и поводить глазами, то онъ не умедлитъ на тебя броситься. Я благодарствую за сїе наставленїе, отвѣтствовалъ Которбе; когда я примѣчу сїи знаки, которые ты мнѣ описалъ, то я приготовлюсь его принять. Дамна пришелъ въ восхищенїе, видя что его предпрїятїе такой изрядной успѣхъ возъимѣло, и пошелъ къ Калилѣ, которая его спросила, въ какомъ состоянїи онъ находится. Я благодарю мою

судьби-

судьбину, отвѣтствовалъ Дамна, она мнѣ готовитъ торжество надъ моимъ непрїятелемъ. Обѣ лисицы послѣ сего разговору пошли ко двору, куда скоро прибылъ и Которбе. Левъ, какъ скоро его увидѣлъ, тотчасъ почелъ его виноватымъ, а Которбе, посмотрѣвъ на льва, не сомнѣвался больше, что Его Величество предпрїялъ его погубить. Они показывали знаки, которыя имъ Дамна обоимъ объявилъ, чего ради вдругъ начали кровопролитное сраженїе. Напослѣдокъ левъ убилъ быка, однако не безъ труда. Скверной ты, сказала Калиль Дамнѣ; ты привелъ Царя въ такую опасность, что онъ едва не лишился жизни; конецъ твой будетъ нещастной, потому что ты затѣваешь такїе пагубные замыслы. Съ тобою со временемъ тоже самое воспослѣдуетъ, что здѣлалось съ плутомъ, которой за свои плутовства былъ наказанъ. Выслушай сїю басню.

БАСНЯ XXVIII.

О двухъ молодыхъ купцахъ, изъ которыхъ одинъ былъ лукавъ, а другой безхитростенъ.

Два молодые купца выѣхали изъ своего отечества для отправленія купечества; одинъ изъ нихъ назывался Хитрецомъ, а другой Простакомъ. По случаю нашли они мѣшокъ съ деньгами. Хитрецъ сказалъ своему товарищу: правда, путешествія прибыточны, однако и трудны; чего ради будемъ, братъ, довольны и найденными деньгами, не утруждая больше себя о пріобрѣтеніи большаго богатства. Простакъ на то согласился, и они возвратились въ домъ свой. Однако прежде разлученія намѣренъ онъ былъ раздѣлить деньги, чтобъ всякой могъ оныя употреблять по своему произволенію; но Хитрецъ сказалъ ему: лучше намъ оныя спрятать въ сокровенномъ мѣстѣ, и мы всякой день будемъ брать по нѣскольку. Простакъ отвѣтствовалъ, что онъ тѣмъ доволенъ. Послѣ сего они

спря-

спрятали деньги, изъ коихъ каждой взялъ по малому числу для своего содержанія. На другой день Хитрецъ пошолъ туда, гдѣ лежали деньги, и оныя взявъ возвратился домой. Когда Простакъ истратилъ свои деньги, то пошолъ къ Хитрецу и сказалъ ему: пойдемъ со мною вмѣстѣ и возмемъ посколько же, посколько взяли вчерашняго дня. Хорошо, отвѣтствовалъ Хитрецъ, тѣмъ наипаче, что я истратилъ всѣ свои деньги, и имѣю теперь въ нихъ нужду. Они пошли вмѣстѣ, но какъ они туда пришли, гдѣ лежали деньги, то ничего не нашли. Хитрецъ тотчасъ ударился о землю, разодралъ на себѣ платье, и плачучи говорилъ къ своему товарищу: ты это укралъ деньги, потому что никто кромѣ тебя не зналъ, что онѣ лежали на этомъ мѣстѣ. Простакъ тщетно въ великомъ удивленіи клялся, что онъ не бралъ; другой всегда старался доказать противное. Напослѣдокъ пошли они къ судьѣ; Хитрецъ, разказавъ сперьва какимъ образомъ нашли они деньги, и какъ они согласились оныя спрятать, обвинялъ Простака, что онъ укралъ

 деньги,

деньги. Судья потребовалъ свидѣтелей для доказательства онаго воровства; Хитрецъ отвѣтствовалъ, я не имѣю другихъ свидѣтелей кромѣ стоящаго на томъ мѣстѣ дерева; а я надѣюсь, что богъ, поелику есть праведенъ, благоволитъ, что оно засвидѣтельствуетъ истинну. Судья удивился слыша его такія рѣчи, вознамѣрился видѣть конецъ сего дѣла; онъ принялъ свидѣтеля, и сказалъ, что онъ завтрешняго дня по утру не приминетъ притти къ помянутому дереву, чтобъ оное спросить. Такимъ образомъ всѣ разошлись до слѣдующаго дни. Хитрецъ объявилъ своему отцу все бывшее, и сказалъ ему, что онъ, приводя дерево въ свидѣтели, имѣлъ всю надежду на него. Ежели ты хочешь, говорилъ онъ ему, то мы будемъ владѣть деньгами, которыя я взялъ; и еще столькожъ съ того доправимъ, котораго я изобличалъ, такъ что намъ будетъ чѣмъ жизнь свою препроводить въ пріятности. Отецъ его спросилъ, чтожъ надлежитъ дѣлать? Должно, отвѣтствовалъ сынъ, влесть тебѣ въ дерево, которое со всѣмъ

пусто;

пусто; но сїе должно здѣлать сего вечера, и тамъ ночевать, что бы, когда судья придетъ по утру спрашивать дерево, ты могъ засвидѣтельствовать по обыкновенїю. Сынъ мой! сказалъ ему отецъ, оставь сїи хитрости; хотя и обманешь людей, однако бога никогда не обманешь; и опасно, что бы съ тобою тоже непослѣдовало, что съ лягушкою здѣлалось.

БАСНЯ XXIX.

О лягушкѣ, ракѣ и змѣѣ.

Лягушка жила не подалеку отъ змѣи, которая всегда пожирала ея дѣтей, что привело ее въ отчаянїе Однажды пошла она къ прїятелю своему раку, и разсказала ему свою горесть. Ракъ ее утѣшалъ представляя ей, что можно какою нибудь хитростїю избавиться отъ толь досаднаго сосѣда. Ты меня одолжишь, сказала лягушка, когда покажешь для сего какое нибудь средство. Въ такомъ то мѣстѣ, отвѣтствовалъ ракъ, есть у меня товарищъ очень сильный

и большой; такъ ты возьми множество рыбъ, и расклади ихъ отъ его норы до змѣиной; этотъ ракъ, о которомъ я говорю, будетъ ихъ ѣсть одну за другою до самой норы змѣиной, а какъ змѣя выдетъ, то онъ и ее съѣстъ такъ какъ рыбу. Лягушка послѣдовала его совѣту и имѣла удовольствїе отмстить змѣѣ; но два или три дни спустя ракъ, которой съѣлъ змѣю, думая, что еще нашелъ ей подобную, добрался и до лягушкиной норы, и съѣлъ лягушку и съ дѣтьми. Видишь изъ сей басни, что обманщики также обмануты бываютъ. батюшка! оставимъ пустые разговоры; не надобно времени тратить. Старикъ, которой былъ очень скупъ, пошолъ и спрятался въ дерево. Въ слѣдующей день по утру очень рано судья въ провожанїи многихъ разумныхъ людей и великаго множества народу, которой желалъ быть свидѣтелемъ онаго чуда, пошолъ на объявленное мѣсто. По отправленїи нѣкоторыхъ церемонїй, судья спросилъ дерево: правда ли то, что Простакъ взялъ деньги? Скоро послѣ того услышалъ голосъ, которой отвѣтствовалъ,

ствовалъ : это правда, онъ въ томъ виноватъ, въ чемъ его изобличаютъ. Судья сперьва удивился, но сомнѣваясь, нѣтъ ли кого въ деревѣ, приказалъ вкругъ дерева накласть дровъ и зажечь. Старикъ нѣсколько времени терпѣлъ жаръ, а послѣ закричалъ, помилуй! Наконецъ приказали ему выпти, и онъ сказалъ настоящую правду. Такимъ образомъ судья увидѣлъ невинность Простака, а коварство Хитреца, и всѣ деньги отнявъ у него отдалъ невинному.

Я привела тебѣ сей примѣръ, чтобъ удостовѣрить тебя, что надлежитъ имѣть сердце чисто, и поступать всегда по правдѣ. Ты говоришь несправедливо, сказалъ Дамна, и разумъ называешь коварствомъ, и стараніе о своихъ собственныхъ дѣлахъ хитростьми. Что до меня касается, я думаю, что я всегда поступалъ съ разумомъ и съ разсужденіемъ. Негодной, закричала Калиль! я не хочу больше тебя слушать и быть съ тобою, потому что ты наблюдаешь такія худыя правила. Кто обходится съ непотребными, съ тѣмъ такое

же нещастїе послѣдуетъ, какъ съ онымъ садовникомъ.

БАСНЯ XXX.

О садовникѣ и медвѣдѣ.

Былъ нѣкогда садовникъ, которой такъ любилъ сады, что удалившись отъ сообщества человѣческаго, неусыпное прилагалъ старанїе о произращенїи деревъ. У него не было ни жены ни дѣтей, и съ утра до вечера непрестанно трудился онъ въ своемъ саду, которой здѣлалъ такимъ прекраснымъ какъ земной рай. Напослѣдокъ наскучило ему жить въ уединенїи; чего ради принялъ онъ намѣренїе оставить садъ и искать сообщества. Прогуливаясь у нѣкоторой горы увидѣлъ онъ медвѣдя, котораго видъ привелъ его въ великой страхъ. Этому звѣрю также наскучило быть одному, и для того только сходилъ онъ съ горы, что бы посмотрѣть, не увидитъ ли кого нибудь, съ кѣмъ бы вступить ему въ сообщество. Какъ скоро они другъ друга увидѣли, то почувствовали взаимную любовь. Садов-

довникъ пришолъ къ медвѣдю, которой ему весьма учтиво поклонился. По оказании взаимныхъ учтивостей садовникъ далъ знакъ медвѣдю, чтобъ за нимъ слѣдовалъ, и приведши его въ свой садъ, далъ ему наилучшихъ плодовъ, которые онъ хранилъ съ великимъ тщанїемъ; напослѣдокъ здѣлалась между ими весьма тѣсная дружба. Когда садовникъ уставалъ трудясь, и ложился отдыхать, то медвѣдь отъ ревности всегда былъ при немъ, и отгонялъ мухъ, опасаясь, чтобъ онѣ его не разбудили. Нѣкогда содовникъ спалъ подъ тѣнью дерева, а медвѣдь по обыкновенїю своему отгонялъ мухъ, изъ которыхъ одна сѣла ему на самой ротъ, и какъ согналъ ее съ одной стороны, то она сѣла на другую, что привело его въ такое серце, что онъ схватя большой камень ее ударилъ и убилъ, но въ то самое время проломилъ садовнику голову. Для сей причины разумные люди говорятъ, что лучше имѣть разумнаго непрїятеля, нежели глупаго прїятеля. Сей примѣръ научаетъ меня, что дружество твое для меня столькоже опасно, какъ и мед-

медвѢжье. Что до меня касается, говорилЪ Дамна, я не столь глупЪ, чтобЪ не могЪ отличать вреднаго отЪ того, что полезно моему прїятелю. Я совершенно вѢдаю, отвѢтствовала Калиль, что ты не погрѢшаешь отЪ невѢденїя, и когда ты предаешь своихЪ друзей, то всегда напередЪ о томЪ думаешь; примѢромЪ можетЪ служить хитрость, которую ты употребилЪ при возмущенїи льва противЪ быка. Но я не могу того снесть, чего ты требуешь, чтобЪ я думала, что ты невиновенЪ. Ты подобенЪ тому купцу, которой силился доказать своему прїятелю, что мыши Ѣдятъ желѢзо.

БАСНЯ XXXI.

О купцѢ и его прїятелѢ.

НѢкоторой купецЪ, продолжала Калиль, намѢренЪ былЪ отправиться вЪ дальнее и долговременное путешествїе. Поелику былЪ онЪ не очень богатЪ, то сказалЪ самЪ вЪ себѢ, прежде моего отЪѢзду надобно вЪ семЪ городѢ оставить нѢкоторую

часть

часть моего имѣнія, чтобъ когда дѣла мои въ путешествіи не по желанію окончаются, могъ я по возвращеніи своемъ найти, чѣмъ избавиться отъ крайности. И такъ положилъ онъ на сохраненіе у нѣкотораго своего пріятеля великое число желѣза, прося его, чтобъ онъ поберегъ во время его отсутствія, и простившись съ нимъ въ путь отправился. Нѣсколько времени спустя, возвратился онъ домой, и прежде всего пошелъ къ своему пріятелю, и просилъ у него своего желѣза; но на немъ были долги; такимъ образомъ для заплаты оныхъ помянутое желѣзо продалъ, и на его требованіе отвѣтствовалъ: желѣзо твое положилъ я въ крѣпко запертой анбаръ, представляя себѣ, что оно лежать тамъ будетъ во всякой сохранности; но въ ономъ анбарѣ водилась мышь, которая оное пріѣла. Купецъ притворившись дуракомъ, сказалъ ему: Это правда, мыши чрезвычайно любятъ желѣзо. Сей отвѣтъ пріятелю его полюбился, и онъ радовался, что купецъ увѣрился, что мыши дѣйствительно ѣдятъ желѣзо; а чтобъ

вывесть

вывесть его изъ подозрѣнія, просилъ его къ себѣ на другой день отобѣдать. Купецъ увидѣлъ на улицѣ сына своего пріятеля, котораго онъ заманивъ къ себѣ заперъ. На другой день не преминулъ онъ пойти къ своему пріятелю, которой казался ему очень печаленъ; купецъ спросилъ его о причинѣ, хотя она была ему небезъизвѣстна. Ахъ мой другъ! отвѣтствовалъ пріятель, прошу извинить меня, что я принялъ тебя не съ лучшимъ видомъ; я печалюсь о своемъ сынѣ, котораго я потерялъ; я велѣлъ его искать съ барабаннымъ боемъ, однако не могли найти, и не знаю что такое зделалось. Вчерась въ вечеру идучи отсюда видѣлъ я, какъ сова подняла ребенка на воздухъ, не твой ли это? Глупой! закричалъ ему пріятель, что ты такъ неистово лжешь! Сова, въ которой едва будетъ ли два или три фунта, можетъ ли поднять ребенка въ полтора пуда? Чему дивиться, отвѣтствовалъ купецъ; въ такой землѣ, гдѣ мыши съѣли сто пудъ желѣза, сова легко можетъ поднять ребенка въ полтора пуда. Пріятель

узналъ

узналъ тогда, что купецъ не столь глупъ, какъ онъ съ начала думалъ, и просилъ у него прощенія въ томъ, что хотѣлъ его обмануть, отдалъ ему желѣзо, и получилъ обратно своего сына.

Басня сія доказываетъ, что когда ты обманулъ льва, которому столь много обязанъ, тѣмъ съ большею вѣрностію подтвердить можно, что ты обманешь тѣхъ, съ которыми малое только дружество имѣешь. Видишь для чего дружество съ тобою опасно.

Между тѣмъ какъ Калиль и Дамна такимъ образомъ разговаривали, левъ, котораго гнѣвъ утолился, началъ сожалѣть о Которбеѣ, говоря: это великая утрата, что я его умертвилъ; и я не вѣдаю, хорошо ли я здѣлалъ или худо, и не разсмотрѣлъ, справедливо ли или ложно на него донесено. Такимъ образомъ левъ размышлялъ и раскаивался, что наказалъ съ такою скоропостижностію подданнаго, которой можетъ быть со всѣмъ невиновенъ. Дамна видя, что льва угрызаетъ совѣсть, оставилъ Калиль, и приближившись къ

нему съ великимъ почтенїемъ, сказалъ: Всемилостивѣйшїй Государь! для чего Ваше Величество столь печальны? Представьте себѣ, что непрїятель вашъ вотъ лежитъ передъ вашими ногами; воззрите съ удовольствїемъ на вашего злодѣя. Когда я помышлю о добродѣтеляхъ Которбея, сказалъ Левъ, то я прихожу въ сожалѣнїе о его погибели; онъ былъ моею подпорою и моимъ увеселенїемъ, и его только разумными совѣтами народъ жилъ въ покоѣ. Ваше Величество, отвѣтствовалъ Дамна, не должно сожалѣть о погибели невѣрнаго раба. Подлинно онъ обществу былъ полезенъ, но поелику онъ искалъ погибели вашей персоны, то вы поступили такъ, какъ разумные люди совѣтуютъ, чтобъ отсѣчь членъ, которой бываетъ причиною болѣзни во всемъ тѣлѣ. Сїи рѣчи льва нѣсколько увеселили. Но невинность Которбеева непрестанно вопїющая объ отмщенїи, была причиною, что всѣ хитрости Дамнины открылись, и за оныя получилъ достойное наказанїе. Поелику всѣ его предпрїятїя были пагубны, то и конецъ былъ бѣдственной.

кой. Кто хочетъ жать пшеницу, тому не должно сѣять жита. Кто добро дѣлаетъ, и имѣетъ праведныя мысли, тотъ щастливъ бываетъ въ семъ свѣтѣ, да и въ будущемъ пребудетъ благополученъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЗЛЫЕ ЗЛОЙ И КОНЕЦЪ ПОЛУЧАЮТЪ.

Я довольно слыхалъ, говорилъ Дапшелимъ, о ласкателѣ, которой ласкательствомъ своимъ обманулъ Государя, и былъ причиною, что онъ не милосердо поступалъ съ своими министрами; но прошу разсказать мнѣ, какимъ образомъ открылось плутовство Дамны, и какой былъ конецъ помянутой лисицы. Не надлежитъ, отвѣтствовалъ старой браминъ, Царямъ вѣрить различнымъ доносамъ, пока они совершенно не узнаютъ, отъ друговъ ли или отъ злодѣевъ происходятъ рѣчи; въ противномъ случаѣ съ ними то же послѣдуетъ, что здѣлалось при дворѣ у льва. Вотъ какимъ образомъ дѣла происходили, о которыхъ вы вѣдать желаете. Малое

время

время спустя, какъ левъ убилъ быка, началъ онъ печалиться, какъ я ужè вамъ объявилъ; разсужденія о его ревностной службѣ, которую левъ отъ него видѣлъ, привели его въ такую несносную печаль, что оставилъ попеченіе о государствѣ, и дворъ его здѣлался мѣстомъ горести и печали. Онъ непрестанно говорилъ о изрядныхъ качествахъ Которбея, и добрыя словà, которыя ему объ немъ говорили, были единственнымъ утѣшеніемъ въ его болѣзни. Въ нѣкоторую ночь, какъ онъ разговаривалъ съ барсомъ о добродѣтеляхъ помянутаго быка, барсъ сказалъ ему: Всемилостивѣйшій Государь! Ваше Величество соболѣзнуете о такой вещи, которой пособить ни коимъ образомъ не можно; а кто старается получить то, чего найти не возможно, тотъ не только того не находитъ, но лишается и того, что имѣетъ, какъ лисица потеряла кожу, чтобъ получить курицу, которую она съѣсть желала. барсъ видя, что левъ желаетъ сіе слышать, разсказалъ ему слѣдующую басню:

БАС-

БАСНЯ XXXII.

О лисицѣ, волкѣ и курицѣ.

Лисица вездѣ искала, чего бы наѣсться; нашла лоскутъ свѣжей кожи, которую звѣрь уронилъ, и часть онаго съѣла, а остатокъ понесла въ свою нору. Идучи мимо деревни увидѣла она куръ, которыя были очень велики и жирны, и которыхъ стерегъ весьма проворной малой. Лисица толь великое желанїе возъимѣла съѣсть хотя одну курицу, что и кожу бросила, чтобъ схватить курицу. Въ то самое время пришолъ волкъ, которой у нее спросилъ: чего она смотритъ съ такимъ вниманїемъ. Я смотрю на куръ, которыхъ ты видишь, отвѣтствовала лисица; желала бы я хотя одну которую нибудь схватить. Ты теряешь только время на нихъ смотря, сказалъ ей волкъ, ихъ стережетъ малой такой осторожной, что не возможно къ нимъ подойти безъ опасности; будь довольна своимъ лоскутомъ кожи, и опасайся, чтобъ съ тобою такоежъ нещастїе не послѣдовало, какое зделалось съ

осломъ,

осломъ, которой искавъ хвоста, потерялъ оба уха.

БАСНЯ XXXIII.

О ослѣ и садовникѣ.

Оселъ, продолжалъ волкъ, потерялъ свой хвостъ, что ему весьма прискорбно было: искавъ онаго прошелъ онъ черезъ нѣкоторой лугъ и садъ; садовникъ увидя его, и представя себѣ, что онъ вошелъ портить садъ, пришолъ въ такое сердце, что прибѣжавъ къ ослу отрѣзалъ ему оба уха. Такимъ образомъ оселъ, которой прежде жаловался, что у него нѣтъ хвоста, пришолъ въ великое изумленїе видя, что у него не стало и ушей. Кто разума предводителемъ не имѣетъ, тотъ часто погрѣшаетъ, и попадаетъ въ великїя напасти. Лисица имѣя чрезмѣрное желанїе съѣсть курицу, сказала волку: что ты мнѣ разсказываешь басни? Я тебѣ покажу, что кто имѣетъ отвагу, тотъ ко всему бываетъ способенъ. Сказавъ сїе и бросивъ лоскутъ кожи, пошла къ курицамъ, а волкъ видя, что его

увѣща-

увѣщанїе почла она ни во что, пошелъ прочь. Между тѣмъ лисица очень тихо подкрадывалась къ курицамъ; но малой, которой ихъ стерегъ, примѣтивъ оное, бросилъ въ нее палкою такъ, что переломилъ у ней ногу. Бѣдная лисица, опасаясь, чтобъ малой еще въ нее палкою не бросилъ, отошла прочь съ возможною скоростїю, принявъ намѣренїе довольствоваться кожею, которую сперьва презирала, но и той ужѐ не нашла, потому что во́ронъ оную унесъ, отъ чего лисица пришла въ крайнее отчаянїе.

Видите, Ваше Величество, продолжалъ барсъ, что не надобно вамъ приходить въ отчаянїе, и оставлять правленїе Государства для погибели одного подданнаго. Левъ нѣсколько времени не говорилъ ни сло́ва, потомъ отвѣтствовалъ: ты правду говоришь; но я желалъ бы отмстить смерть Которбея, ежели неправедно на него донесено было. Развѣ нѣтъ другагато къ тому средства, какъ только притти въ отчаянїе, отвѣтствовалъ барсъ? надобно съ великимъ старанїемъ извѣдать, основательны

ли были на него доносы или ложны. Ежели былъ онъ виновенъ, то по справедливости наказанъ, а ежели невиноватъ, то надлежитъ наказать доносщика. Тогда левъ сказалъ барсу: я намѣренъ здѣлать тебя ближнимъ моимъ бояриномъ вмѣсто его; старайся всѣми силами проникнуть въ самую истинну.

Тогда было уже поздо; чего ради барсъ простился со львомъ, и идучи домой мимо жилища Калили и Дамны, услышалъ, что оны между собою разговаривали. Имѣя подозрѣніе, что Дамна превеликой лукавецъ, подошолъ онъ изъ любопытства подслушать, что они говорятъ. Калиль выговаривала своему мужу за его бессовѣство, и за всѣ хитрости, которыя употребилъ онъ къ погубленію Которбея. барсъ узнавъ изъ сихъ рѣчей предательство Дамны, пошелъ ко львовой матери, и разсказалъ ей все, что слышалъ. Она тотчасъ побѣжала къ своему сыну, и сказала ему: ты имѣешь справедливую причину печалиться о погибели Которбея, потому что онъ умерщвленъ безвинно. Какое доказательство

ство имѣете вы его невинности, спросилъ левъ? Я не хочу, отвѣтствовала мать, открыть тайну, которая можетъ тебя на гнѣвъ подвигнуть, и повредить тому, кто мнѣ оную повѣрилъ; но прошу, сказала она, выслушать слѣдующую басню:

БАСНЯ XXXIII.

О Государѣ и его Конюшемъ.

Былъ нѣкогда Царь сильной, и праводушной. Въ нѣкоторой день будучи онъ на охотѣ, сказалъ своему конюшему: я намѣренъ свою лошадь пустить съ твоею въ запуски, чтобъ видѣть, которая изъ нихъ лучше; я давно желалъ это здѣлать. Конюшей, повинуясь своему Государю, пустилъ свою лошадь во всю прыть, а Царь за нимъ слѣдовалъ. Какъ они отъ всѣхъ вельможъ, которые ихъ провожали, удалились, то Царь остановилъ свою лошадь, и сказалъ конюшему: я увелъ тебя сюда не для инова какова намѣренія, какъ что бы тебѣ повѣрить тайну,

признавъ тебя за вѣрнѣйшаго изъ всего моего двора. Мнѣ кажется, что братъ мой имѣетъ умыселъ противъ моего живота; чего ради я тебя избралъ, чтобъ ты его въ томъ предупредилъ; но содержи сїе тайно. Конюшей клялся, что онъ будетъ хранить сїю тайну. Послѣ того возвратились они къ прочимъ придворнымъ, которые начали уже приходить въ сомнѣнїе о Его Величествѣ. Конюшей при перьвомъ случаѣ говоря съ Царскимъ братомъ, увѣдомилъ его о принятомъ намѣренїи, чтобъ его лишить жизни. Сїе принудило молодаго Принца благодарить его за сїе увѣдомленїе, и обѣщать ему великое награжденїе. Нѣсколько дней спустя Царь умеръ, а братъ его наслѣдовалъ, и какъ скоро только вступилъ на престолъ, приказалъ умертвить конюшаго. Сей бѣдной человѣкъ напоминалъ ему о своей услугѣ, которую онъ ему оказалъ. Это ли, говорилъ онъ, награжденїе, кое вы мнѣ обѣщали? Такъ, отвѣтствовалъ ему новой Царь. Кто открываетъ тайности своего Государя, достоинъ смерти; а поелику ты учинилъ сїе пре-

преступленіе, то долженъ умереть. Когда ты измѣнилъ своему Государю, которой повѣрилъ тебѣ свою тайну, и которой любилъ тебя больше, нежели всѣхъ своихъ придворныхъ, такъ могу ли я тебя къ чему употребить? конюшей приводилъ всякіе доводы для своего оправданія, однако не послушали его, и онъ не могъ избѣжать смерти, потому что не умѣлъ сохранить повѣренной ему тайности.

Изъ сей басни можно видѣть, что не должно разглашать тайну. Любезная мать! сказалъ ей левъ, знай, что тотъ, кто ввѣрилъ вамъ сію тайность, желаетъ, чтобъ она была разглашена, потому что онъ перьвой ее открылъ. Онъ самъ ее не сохранилъ; то какъ онъ можетъ требовать, чтобъ другой оную сохранялъ. Ежели то, что вы намѣрены сказать, правда, и ежели вы не желаете, что бы я оное совершенно вѣдалъ, то по крайней мѣрѣ свободите меня отъ моего беспокойства. Мать видя, что сынъ крайнимъ образомъ проситъ, сказала ему: я представлю тебѣ ви-

новатаго, которой не достоинъ прощенія; и хотя разумные люди говорятъ, что Царь долженъ быть милосердъ въ прощеніи повинныхъ, однако есть нѣкоторыя преступленія, за кои не должно ожидать прощенія. Это Дамна, продолжала она, о которомъ я говорю, и которой ложными своими доносами причинилъ смерть Којторбею. Сказавъ сіе отъ него вышла, и оставила льва въ преглубокомъ размышленіи. Напослѣдокъ приказалъ онъ всему своему двору собраться. Дамна предвозвѣщалъ о томъ весьма худо, и подошедъ къ одному изъ Царскихъ наперстниковъ, спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ причины сего собранія? Мать львова слышавъ оное, сказала ему: для того назначено собраніе, чтобъ опредѣлить твою смерть: ибо твои обманы открылись. Милостивая Государыня, отвѣтствовалъ ей Дамна, у тѣхъ, которые оказываютъ себя своими доброд ѣтелями, всегда много бываетъ непріятелей. Сколькожъ люди, говорилъ онъ, отмѣнно поступаютъ, нежели богъ! онъ всякому даетъ по заслугамъ и достоинству; напротивъ того люди часто наказываютъ

вають такихъ, которые награжденія достойны, а любятъ тѣхъ, коихъ ненавидѣть должно. Сколь я худо здѣлалъ, что оставилъ уединеніе для посвященія жизни моей Царю! Кто недоволенъ бываетъ тѣмъ, что имѣетъ, и предпочитаетъ службу людскую службѣ божіей, со временемъ раскаивается, какъ можно видѣть изъ слѣдующей басни:

БАСНЯ XXXIV.

О пустынникѣ, которой оставя пустыню, пошолъ жить у двора.

Нѣкоторой пустынникъ отрекшійся отъ пріятностей сего міра, въ пустынѣ препровождалъ весьма строгую жизнь. Добродѣтель его въ свѣтѣ въ короткое время такъ прославилась, что бесчисленное множество людей его посѣщали, иные для любопытства, другіе для истребованія его совѣта о разныхъ дѣлахъ. Царь той страны, которой былъ весьма набоженъ, и любилъ честныхъ людей, какъ скоро увѣдомился, что въ его государствѣ

есть такой добродѣтельной человѣкъ, немедлѣнно сѣлъ на лошадь и поѣхалъ его навѣщать. Онъ одарилъ его весьма богато и просилъ его, чтобъ далъ ему какія нибудь наставленія, которыя бы могли быть ему полезны. Пустынникъ, для удовольствія Царя, сказалъ: Всемилостивѣйшій Государь! у бога есть два жилища, одно разрушаемое, и сіе есть міръ, а другое вѣчное, сіе есть рай. Ваше Величество, какъ щедрой Государь, не ищите земныхъ сокровищъ, но помышляйте о вѣчныхъ блаженствахъ, которыхъ малая частица дороже всѣхъ государствъ на свѣтѣ. И такъ старайтесь, Всемилостивѣйшій Государь! быть обладателемъ вѣчныхъ благъ. Какими средствами можно оныя пріобрѣсть, спросилъ Царь? Защищая бѣдныхъ, отвѣтствовалъ пустынникъ, и спомоществуя немощнымъ. Всѣ Цари, которые желаютъ наслаждаться онымъ вѣчнымъ покоемъ, должны трудиться о временномъ покоѣ своихъ подданныхъ.

Царь такъ плѣнился сими разговорами, что принялъ намѣреніе всякой день разговаривать съ пустынникомъ.

никомъ. Въ нѣкоторой день, какъ они были вмѣстѣ въ пустынѣ, увидѣли великое множество людей, которые съ преужаснымъ крикомъ требовали правосудїя. Пустынникъ велѣлъ имъ приближиться, спросилъ ихъ, и узнавъ притчину ссоры, примирилъ ихъ безъ всякаго труда. Царь удивляясь разуму сего пустынника, просилъ его, чтобъ онъ присудствовалъ иногда и въ его совѣтахъ, что пустынникъ обѣщалъ Царю, думая, что полезенъ будетъ судимымъ; и такимъ образомъ весьма часто присудствовалъ онъ въ собранїяхъ, и Царь всегда послѣдовалъ его мнѣнїю. Напослѣдокъ столь здѣлался онъ нужнымъ, что никакое дѣло въ государствѣ не дѣлалось безъ его совѣта.

Пустынникъ видя, что всѣ къ нему прибѣгаютъ, на́чалъ тогда о себѣ много думать, и пожелалъ имѣть чинъ перьваго министра. Для сей причины сталъ онъ у себя держать множество служителей, позабылъ прежнюю строгую жизнь и молитвы, и почитая себя нужнымъ государству, началъ всячески нѣжиться:

спалъ на мягкой постелѣ, ѣлъ самыя деликатныя кушанья. Царь будучи впрочемъ доволенъ пустынникомъ, дозволилъ ему жить по его произволенію, и полагался на него во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ.

Нѣкогда другой пустынникъ, пріятель тому, которой былъ при дворѣ, пришедъ къ своему товарищу, съ коимъ часто препровождалъ ночи въ молитвѣ, крайне удивился, видя его окруженна великимъ множествомъ служителей; однако онъ имѣлъ терпѣніе и дождался ночи. Когда всѣ разошлись, тогда подошедъ къ придворному пустыннику, сказалъ ему: любезной другъ, въ какомъ состояніи я тебя вижу! какая перемѣна! Придворной хотѣлъ извиниться, говоря, что онъ принужденъ держать такое множество людей. Но товарищъ его, будучи человѣкъ разумной и разсудительной, сказалъ ему: Сіи извиненія происходятъ отъ чувствъ; я вижу, что тебя богатство и честь ослѣпили; какой діаволъ отвратилъ тебя отъ молитвы, и для чего ты позабывъ должности уединеннаго житья, предпочитаешь шумъ тихости,

и

и беспокойство спокойствію? Не думай, отвѣтствовалъ придворной пустынникъ, чтобъ придворныя дѣла препятствовали мнѣ продолжать мои благоговѣйныя упражненія. Ты обманываешься, сказалъ ему пустынникъ, естьли думаешь, что твои молитвы пріятны будутъ богу, когда ты служишь міру, такъ какъ онѣ пріятны были въ то время, когда служба божія была единственнымъ твоимъ упражненіемъ. Ты когда нибудь оное узнаешь, и будешь о томъ сожалѣть. Повѣрь мнѣ, скинь сіи золотыя цѣпи, которыми ты связанъ, и возвратись въ прежнее свое уединеніе; въ противномъ случаѣ можетъ послѣдовать съ тобою то же нещастіе, что съ слѣпымъ, которой презрѣлъ совѣтъ своего друга. Я тебѣ разскажу сей примѣръ.

БАСНЯ XXXV.

О слѣпомъ, которой странствовалъ съ своимъ пріятелемъ.

Два человѣка странствовали вмѣстѣ, и изъ нихъ одинъ былъ слѣпъ.

нѣкогда застигла ихъ ночь на полѣ, чего ради пошли они на лугъ, чтобъ на немъ отдохнуть до слѣдующаго утра. Какъ скоро разсвѣло, они встали, сѣли на лошадей и продолжали путь свой. Слѣпой вмѣсто своей плѣти схватилъ змѣю, которая застыла отъ морозу. Ощупавъ оную руками, показалось ему, что она мяхче, нежели его плѣть, чему онъ весьма радовался, представляя себѣ, что вмѣсто утраченной плѣти нашелъ лучше, и для того объ оной больше не печалился. Но какъ солнце начало всходить, и свѣтло стало, то товарищъ его усмотря змѣю, закричалъ слѣпому: ты схватилъ змѣю вмѣсто своей плѣти, брось ее, прежде нежели она тебя уязвитъ. Слѣпой какъ разумомъ, такъ и чувствомъ, думая, что товарищъ его хочетъ у него выманить плѣть, отвѣтствовалъ ему: развѣ ты завидуешь моему благополучїю? я потерялъ свою плѣть, но благодарю бога! вмѣсто старой нашолъ новую. Не думай, сказалъ онъ ему, чтобъ я столь глупъ былъ, чтобъ
не

не могъ различить змѣи отъ плѣти. Товарищъ его начал смѣяться, и сказалъ ему: другъ мой! я по закону пріятства и человѣчества обязанъ тебя увѣдомить о опасности, въ которой я тебя вижу; ежели ты хочешь живъ быть, то брось отъ себя змѣю. Слѣпой, будучи больше раздраженъ, нежели увѣренъ сими словами, грубо ему отвѣтствовалъ: что ты меня принуждаешь бросить такую вещь, которою самъ завладѣть хочешь? Товарищъ, чтобъ отвратить его отъ сего мнѣнія, клялся, что не имѣетъ такова намѣренія; я кленусь тебѣ, говорилъ ему, что у тебя въ рукахъ змѣя. Всѣ сіи клятвы были тщетны; слѣпой не перемѣнилъ своего мнѣнія. Между тѣмъ солнце взошло высоко, и лучи змѣю по малу отогрѣли, такъ что начала уже и около руки обвиваться, и на конецъ слѣпова ужалила, которой отъ того умеръ. Сей примѣръ показываетъ намъ, что не должно вѣрить нашимъ чувствамъ, и что трудно ихъ укротить, когда они какою нибудь вещью плѣняются.

Сіи благоразумныя рѣчи разбудили придворнаго пустынника отъ глубокаго сна, въ коемъ онъ находился. Онъ отверзъ свои глаза и усмотрѣлъ опасности, соединенныя съ придворною службою, и сожалѣя о времени, которое препроводилъ въ мірской службѣ, во всю ночь воздыхалъ и плакалъ. Но какъ день насталъ, то оказанное ему вновь почтеніе истребило память его угрызеній. Онъ началъ мѣшаться во всѣ дѣла, и зделался неправосуднымъ, какъ и свѣтскіе люди. Нѣкогда осудилъ онъ на смерть такова человѣка, котораго по законамъ и обыкновеніямъ той земли не должно было казнить. Послѣ оной казни совѣсть непрестанно его мучила, такъ что онъ нѣсколько времени не имѣлъ покою; а наконецъ наслѣдники неправедно казненнаго, получили отъ Царя позволеніе бить челомъ на пустынника, котораго обличили они въ неправосудіи. Совѣтъ по тѣмъ доказательствамъ опредѣлилъ пустыннику тоже наказаніе, которое безвинно осужденной претерпѣлъ. Пустынникъ употребилъ

всю

всю свою довѣренность и богатство, для спасенія своей жизни; однако опредѣленіе совѣта было исполнено. Я васъ увѣряю, сказалъ Дамна, что я по силѣ сего примѣра долженъ быть наказанъ за то, что оставилъ свое уединеніе, и вступилъ въ Царскую службу. Тутъ Дамна пересталъ говорить, и краснорѣчію его весь дворъ удивлялся. Что касается до льва, то онъ потупивъ голову, безпокоился различными мнѣніями, и не зналъ какія принять мѣры, и что отвѣтствовать Дамнѣ. Между тѣмъ какъ левъ въ такомъ безпокойствѣ находился, и всѣ придворные молчали, нѣкоторой звѣрь, называемой Сіаггушъ, которой былъ изъ вѣрнѣйшихъ львовыхъ служителей, всталъ, и началъ говорить слѣдующія слова:

Всѣ сіи обличенія, коими ты уязвляешь Царскихъ служителей, обращаются въ собственное твое посрамленіе. Кромѣ того, что не до тебя касается предлагать сей вопросъ, знай, что одинъ часъ вѣрной службы Царю правосудному лучше шестидесяти лѣтъ употребленныхъ

на молитву. Сколько ты видѣлъ людей достойныхъ, которые оставляя свои хижины, вступали въ придворную службу, гдѣ служа Царямъ вспомоществовали народу, и защищали оныхъ отъ тиранскихъ утѣсненій. Примѣръ, которой я тебѣ скажу, можетъ служить доказательствомъ, что я говорю правду.

БАСНЯ XXXVI.

О честномъ монахѣ и о Дервишѣ.

Въ нѣкоторомъ Персидскомъ городѣ жилъ старой монахъ, которой во всемъ государствѣ прославился тѣмъ, что былъ человѣкъ весьма ученой и чрезмѣрно добродѣтельной. Имя ему было Руханъ Замиръ, то есть чистая совѣсть. Нѣкоторой Дервишъ въ Маральнахосѣ, (такъ называется нѣкоторая Татарская провинція) будучи побуждаемъ особливымъ благоговѣніемъ, отправился оттуда, чтобъ видѣть упомянутаго монаха и посовѣтоваться съ нимъ о нѣкоемъ дѣлѣ. По долговременномъ

и

и трудномъ путешествїи прибылъ онъ въ монастырь; но монаха тамъ не засталъ, а былъ только его товарищъ, которой видя, что Дервишъ утрудился, просилъ его отдохнуть, сказавъ ему: вотъ приближается время, въ которое товарищъ мой обыкновенно отъ двора возвращается, куда онъ каждой день ходитъ. Когда Дервишъ услышалъ, что монахъ мѣшается въ государственныя дѣла, то закричалъ: Ахъ! какъ я сожалѣю, что потерялъ напрасно время идучи изъ толь далекаго мѣста; ибо нѣчего получить отъ такого человѣка, которой ходитъ ко двору. Послѣ сихъ рѣчей вышелъ онъ изъ монастыря, имѣя весьма худое мнѣнїе о монахѣ. Сыщикъ воровъ искалъ въ тотъ день знатнаго вора, которой въ прошедшую ночь у него ушолъ, и за котораго Царь грозилъ казнить его смертїю, естьли его не найдетъ. Оной сыщикъ встрѣтясь съ Дервишемъ, почелъ его за вора, котораго приказано было искать, и не спрашивая его, повелъ на мѣсто казни. Дервишъ клялся, что онъ честной человѣкъ, однако его не слушали;

и палачъ приготовилъ ужѐ ножъ, чтобъ отрѣзать ему руку (сїя была казнь, которою воровъ наказывали); но въ то самое время монахъ, идучи отъ двора, увидѣлъ Дервиша въ рукахъ у палача, и приказалъ его отпустить, говоря, что онъ изъ числа его товарищей, и никогда не учинитъ такова беззаконїя, въ коемъ его обвиняютъ. Палачъ тотчасъ послушался монаха, и отпустилъ Дервиша, которой проводилъ монаха до самаго монастыря. На дорогѣ монахъ сказалъ ему: не удивляйся, что я большую часть времени препровождаю при дворѣ; я сїе дѣлаю для освобожденїя отъ смерти неповинныхъ, какъ и ты. Тогда Дервишъ признался, что онъ разсуждалъ о монахѣ дерзостно, и сказалъ: не надлежитъ никогда поносить тѣхъ, которые бываютъ при дворѣ для славы божїей.

Изъ сего примѣра можно видѣть, сказалъ Сїаггушъ, что самые великїе наблюдатели закона не удаляются отъ двора. А ты, говорилъ онъ Дамнѣ, дѣлалъ здѣсь смѣшныя сравненїя. Это правда, отвѣтствовалъ

Дамна,

Дамна, что иногда и самые добродѣтельные люди живутъ при дворѣ, но по испрошенiи помощи божiей, потому что они совершенно увѣрены, что ежели богъ защищать ихъ не будетъ, то непремѣнно погибнутъ. Иногда вступаютъ они въ придворную службу единственно стараясь о собственной своей пользѣ, чего больше всего должно опасаться. Я увѣряю, что съ безкорыстнымъ разумомъ можно смѣло вступить во всякую должность. Но мы, не имѣя толь высокихъ добродѣтелей, какъ можемъ исправлять должность толь опасную, что бы купно не пропасть, ежели не будутъ Государи правосудные и просвѣщенные, которые могутъ отличать вѣрныхъ служителей отъ невѣрныхъ, награждать и наказывать по справедливости?

Львова мать начала потомъ говорить, и сказала Дамнѣ: ты самъ себѣ противорѣчишь, потому что сей совѣтъ не для чего инаго собранъ, какъ только, чтобъ обличить тебя въ твоей невѣрности, и что ты былъ причиною погибели вѣрнѣйшаго Царскаго раба. Милостивая Государыня! от-

отвѣтствовалъ Дамна, Его Величеству, также и сему собранію не безъизвѣстно, что между мною и быкомъ не было никакова несогласія. Напротивъ того всякой вѣдаетъ, что онъ мнѣ много обязанъ достоинствомъ и милостію, въ которой у Царя находился. Правда, я увѣдомилъ Его Величество о умыслѣ противъ его персоны, но я только то говорилъ, что слышалъ собственными ушами, или видѣлъ своими глазами. Я поступалъ безъ пристрастія и безъ интересу: ибо какую пользу могу я получить отъ смерти Которбея? благодѣянія, которыя я получилъ отъ Его Величества, милостиваго моего Государя, и моя должность могли ли меня удержать, чтобъ не объявить ему о томъ, что противъ персоны его происходитъ? И всѣ тѣ, которые меня теперь обличаютъ, для того только то дѣлаютъ, что меня опасаются и желаютъ лишить меня жизни, чтобъ я не открылъ ихъ предпріятій.

Дамна выговорилъ сіи слова съ такою смѣлостію, что левъ не зная, что начать, сказалъ: Надобно от-

дать его въ судъ; ибо я желаю, чтобъ сїе дѣло было обстоятельно изслѣдовано. Я это почитаю за благодѣянїе, отвѣтствовалъ Дамна, для того что кто разсуждаетъ скоропостижно, тотъ худо поступаетъ. Не надлежитъ ничего дѣлать не узнавъ напередъ притчины, чтобъ не обмануться какъ оная женщина, о которой разскажу я вамъ похожденїе.

БАСНЯ XXXVII.

О женѣ прелюбодѣйницѣ и живописцѣ.

У нѣкотораго купца, города Кашмира, была жена чрезвычайно пригожа, которая любила живописца превосходнаго въ своемъ художествѣ, и которой ее также любилъ. Сїи любовники не опускали ни единаго случая къ свиданїю. Въ нѣкоторой день любовница сказала своему любовнику: когда ты со мною хочешь говорить, то всегда принужденъ бываешь перемѣнять свой голосъ, бросаешь каменьями, свистишь, либо кашлеешь; желала бы я, чтобъ ты оставилъ

сїи труды. Не можно ли тебѣ чего нибудь выдумать, что бы могло намъ служить знакомъ? Я намалюю, отвѣтствовалъ живописецъ, два покрывала двухъ цвѣтовъ; одного бѣлизна превосходить будетъ блескъ звѣзды, какой въ водѣ видимъ, а чернота другаго превысить черноту Арапскихъ волосовъ. Когда ты увидишь меня съ сими покрывалами, то знай, что они будутъ значить. Живописцовъ слуга, которой помянутую женщину не меньше любилъ, какъ и его господинъ, будучи въ покоѣ возлѣ живописцова кабинета, слышалъ сїе предложенїе. Онъ тому радовался, потому что надѣялся тѣмъ пользоваться. И дѣйствительно какъ его господинъ въ нѣкоторое время пошелъ въ городъ писать портретъ, то онъ взялъ покрывало вмѣсто знака, съ коимъ прошолъ мимо дому купеческой жены, которая тогда сидѣла подъ окномъ. Она какъ скоро примѣтила, не разсуждая ни о лицѣ, ни о прїемахъ слуги, къ нему вышла, и оказала любовные знаки, какъ обыкновенно оказывала живописцу. Слуга удо-

удовольствовавъ свою страсть, возвратился домой, и положилъ покрывало на то же мѣсто, откуда взялъ. Живописецъ прибывъ домой, захотѣлъ повидаться съ своею любовницею, которая весьма удивилась, увидя опять покрывало. Она вышла къ живописцу, и неразумнымъ образомъ спросила его о причинѣ толь скораго возвращенія. Живописецъ, сомнѣваясь объ ономъ дѣлѣ, и не говоря ни слова, оставилъ ее съ великимъ сердцемъ, пошелъ къ своему слугѣ и дорого ему заплатилъ за пріятность, которую онъ чувствовалъ; потомъ разсуждая о удобности, какую сказала купеческая жена въ удовольствіи страсти его слуги, перестаьъ съ нею имѣть сообщеніе. Ежели бы оная женщина не такъ скоро здалась на желаніе слуги, то бы она не лишилась столь пристрастнаго любовника, хотя оное дѣло и беззаконно.

Мать львова видя, что ея сынъ съ удовольствіемъ слушаетъ Дамну, опасалась, чтобъ сія хитрая лисица краснорѣчіемъ своимъ не остановила теченіе производимаго надъ ней суда. Кажется, сказала она льву, что

что ты думаешь, что Дамна не виноватъ; и ты почитаешь за клеветниковъ тѣхъ, которые на него доносятъ. Я бы никогда того не думала, продолжала она, чтобъ правосуднѣйшїй Государь могъ обольщенъ быть красными словами виноватаго, которой старается избѣжать строгости закона. Сказавъ сїе встала съ великимъ гнѣвомъ, и пошла въ свои покои. Левъ въ угожденїе своей матери, или наипаче самъ началъ думать, что Дамна дѣйствительно виноватъ, приказалъ посадить его въ темницу. Какъ всѣ люди вышли изъ покоевъ Царскихъ, то мать вошла ко льву и сказала: Я не вѣдаю, какимъ образомъ толь высокой разумъ впалъ въ такое беззаконїе. Причина тому зависть, отвѣтствовалъ Царь, что онъ впалъ въ такую слабость. Зависть, продолжалъ онъ, есть такой порокъ, которой дѣйствительно обезпокоиваетъ разумъ; и есть такїе завистливые люди, кои желаютъ худа и тѣмъ, которые имъ благодѣянїе оказываютъ, какъ увидите изъ слѣдующаго примѣра:

БАСНЯ

БАСНЯ XXXVIII.

О трехъ завистливыхъ, которые нашли деньги.

Три завистливые человѣка странствовали вмѣстѣ; старшей изъ нихъ сказалъ протчимъ: Скажите мнѣ, ежели вамъ непротивно, для чего вы вышли изъ своего дому, чтобъ странствовать? Я оставилъ свою сторону, отвѣтствовалъ одинъ, потому что не могъ смотрѣть на нѣкоторыхъ людей, коихъ я больше ненавидѣлъ, нежели самую смерть; а сїе происходитъ отъ завистливаго нраву, что не могу сносить благополучїя другихъ. Тажъ самая болѣзнь и меня мучитъ, сказалъ третей, и отгоняетъ меня отъ людей. Такъ мы всѣ трое, сказалъ старшей, объяты одною страстїю. А поелику сїи люди были одинакаго сложенїя, то съ начала соглашались они между собою. Нѣкогда идучи чрезъ лощину увидѣли большой мѣшокъ съ деньгами, которой проѣжжей обронилъ на томъ мѣстѣ. Всѣ трое тогожъ часа сошли съ лошадей, и сказали другъ другу: раздѣлимъ оныя деньги, и разойдемся по

домамъ своимъ, гдѣ станемъ веселиться; но они сїе только что говорили, а впрочемъ ни одинъ не желая своему товарищу нималаго прибытка, не зналъ, итти ли далѣе не касаясь до денегъ, что бы и другїе тоже самое дѣлали. Они пробыли на томъ мѣстѣ цѣлые сутки ни пивши ни ѣвши, и въ великомъ безпокойствѣ находились о найденныхъ деньгахъ. Два дни спустя Царь той земли, будучи на охотѣ со всѣмъ своимъ дворомъ, прибылъ на то же мѣсто. Онъ приближился къ тѣмъ тремъ завистливымъ, и спросилъ у нихъ, что они дѣлаютъ съ деньгами, которыя у нихъ разсыпаны были по землѣ. Они пришедши въ робость, принуждены были сказать настоящую правду. Всемилостивѣйшїй Государь! отвѣтствовали они, насъ всѣхъ троихъ мучитъ одна страсть, которая есть зависть; она принудила насъ оставить наше отечество, и вездѣ слѣдуетъ за нами. Вы, говорили они, учините весьма богоугодное дѣло, когда исцѣлите насъ отъ такой страсти.

Скажи

Скажи мнѣ каждой изъ васъ, говорилъ имъ Царь, до какова степени зависть ваша простирается, чтобъ я васъ излѣчилъ, ежели могу? Зависть моя, сказалъ одинъ, столь далеко простирается, что я не могу ни кому добра дѣлать. Ты еще очень честной человѣкъ въ разсужденiи меня, закричалъ другой; я не только самъ не могу добра другому дѣлать, но не могу и того сносить, когда другiе добро дѣлаютъ. Послѣ сего третей началъ говорить: оба вы не такъ еще завистливы, какъ я, потому что я не только не могу оказывать благодѣянiя, и видѣть, чтобъ другой кто оказывалъ, но и того снесть не могу, когда мнѣ хотятъ оказать благодѣянiе. Царь, слыша сiи рѣчи, въ такое пришелъ удивленiе, что не зналъ какъ на то отвѣтствовать. Напослѣдокъ по долгомъ размышленiи сказалъ имъ: вы не достойны того, что бы вамъ оставить деньги, и въ то самое время приказалъ оныя у нихъ отнять, и всѣхъ ихъ подвергъ наказанiю, какова они достойны были. Которой не могъ дѣлать добра, посланъ

былъ въ степь босъ и безъ хлѣба; голову отсѣкли тому, которой не могъ видѣть, когда другіе добро дѣлаютъ, ибо онъ не достоинъ былъ жизни, за тѣмъ что любилъ одно только худо; а напослѣдокъ того, которой не могъ сносить, чтобъ ему добро дѣлали. оставили въ живыхъ. Страсть его была ему наказаніемъ, и послали его въ такое мѣсто государства, гдѣ больше любви и благодѣяній оказывали, что причиняло ему толь великую досаду, что онъ отъ того умеръ.

Видите, продолжалъ левъ, что значитъ зависть. Такимъ образомъ, говорила его мать, надлежитъ Дамну предать смерти, потому что онъ подверженъ толь опасному пороку. Я еще не совершенно о томъ увѣренъ, отвѣтствовалъ левъ, а желаю точно знать, прежде нежели осужу его на смерть.

Какъ скоро Дамну отвели въ темницу, то Калиль, жена его, отъ крайняго сожалѣнія пошла къ нему и говорила слѣдующее: Я тебѣ сказывала, что не должно производить въ дѣйство твоего предпріятія, потому что разумные люди никогда не начинаютъ

наютъ дѣла, не разсудивъ основательно, какой конецъ ему послѣдуетъ; не надлежитъ садить дерева, не зная какой оно плодъ приносить будетъ. Когда Калиль и Дамна между собою разговаривали, тогда былъ въ темницѣ медвѣдь, котораго они не видали, и которой ихъ слушалъ, чтобъ ихъ рѣчи употребить при случаѣ и мѣстѣ.

На другой день по утру рано тотъ же совѣтъ, что въ прошедшей день былъ, собрался; и какъ всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, то львова мать начала говорить слѣдующее: Столько же непростительно отлагать наказанїе преступника, сколько беззаконно поспѣшать казнить невиннаго. И когда Царь не наказываетъ злодѣя, то онъ не меньше притомъ погрѣшаетъ, какъ будто бы имѣлъ въ томъ участїе. Левъ признавъ сїе разсужденїе за основательное, приказалъ судить Дамну. Тогда главной судья вставъ съ своего мѣста просилъ присудствующихъ объявить свое мнѣнїе о семъ дѣлѣ, говоря, что сїе произведетъ по себѣ три полезныя вещи. Перьвая, что правда будетъ изслѣдована, и правосудїе наблюдено; вторая, что

злодѣи и предатели наказаны будутъ по закону и воли божїей; а наконецъ третья, что общество очищено будетъ отъ коварныхъ людей, которые своими хитростями нарушали общей покой. Никто не вѣдалъ подлиннаго состоянїя сего дѣла; и потому никто не смѣлъ ни слова сказать, что подало поводъ Дамнѣ говорить съ большею дерзновенностїю. Не оказывая однако ни малой радости, сказалъ: Всемилостивѣйшїй Государь! ежели бы я учинилъ такое беззаконїе, въ которомъ меня обличаютъ, то я могъ бы получить нѣкоторую пользу отъ сего общаго молчанїя. Но я столь почитаю себя невиновнымъ, что безъ всякаго страха ожидаю окончанїя сего собранїя. Но между тѣмъ не могу не упомянуть, что когда никто не объявляетъ своего мнѣнїя о семъ дѣлѣ, то сїе почитать должно за вѣрной знакъ, что признаваютъ меня невиннымъ; не должно меня за то бранить, что я началъ говорить для своего оправданїя; оно простительно, потому что всякому дозволено себя защищать. Я прошу, продолжалъ онъ, сїе знатное собранїе,

объ-

объявить въ присудствіи Царя все, что оно обо мнѣ знаетъ; но чтобъ всякой остерегался говорить то, что несходно съ правдою; дабы не воспослѣдовало съ нимъ то же, что здѣлалось съ незнающимъ лѣкаремъ, коего объявлю я приключеніе.

БАСНЯ XXXIX.

О незнающемъ лекарѣ.

Неученой и неискусной человѣкъ назвался врачемъ, хотя и былъ такой невѣжа, что не могъ различить колотья отъ водяной болѣзни и не зналъ различія между ревенемъ, и безуемъ. Никогда онъ не посѣщалъ два раза больнова: ибо съ перьваго раза отправлялъ его на тотъ свѣтъ. Напротивъ того въ той же провинціи былъ такой искусной врачъ, что исцѣлялъ самыя опасныя болѣзни посредствомъ простыхъ лѣкарствъ, въ которыхъ онъ зналъ совершенную силу, и которыя употреблялъ во всѣхъ своихъ предписаніяхъ. Но сей искусной человѣкъ

ослѣпъ, и будучи не въ состоянїи болѣе посѣщать больныхъ, удалился на уединенїе, чтобъ жить тамъ въ покоѣ. Незнающей врачъ какъ скоро увѣдомился объ отлучкѣ такова человѣка, на котораго не могъ онъ смотрѣть безъ зависти, началъ оказывать свое невѣжество, желая показать свое знанїе. Нѣкогда Царская дочь впала въ болѣзнь, и искала помощи у искуснаго врача, которой прежде служилъ при дворѣ; объ немъ же увѣрены были, что онъ искуснѣе того, которой старался притти въ славу. Ученой врачъ побывавъ въ покоѣ у Принцессы, и узнавъ ея болѣзнь, предписалъ ей пилюлю, составляемую изъ такихъ лѣкарствъ, коихъ имена онъ сказалъ. Его спросили, гдѣ можно найти оныя лѣкарства? Прежде сего, отвѣтствовалъ врачъ, видѣлъ я ихъ въ казенной, но нынѣ я слѣпъ, а съ тѣмъ ящичкомъ стоитъ много другихъ подобныхъ ящиковъ, чего ради не могу ихъ различить. Незнающей врачъ, которой былъ притомъ же, сказалъ, что онъ совершенно знаетъ тѣ лѣкарства, и

какъ должно употреблять. Подижъ въ мою казенную, сказалъ ему Царь, и возьми, что потребно къ составленію оной пилюли. Незнающей врачъ вошелъ въ казенную, и началъ искать ящичка, въ которомъ было то лѣкарство; но на томъ же мѣстѣ стояло много другихъ подобныхъ ящичковъ, и по тому не могъ онъ различить потребнаго лѣкарства, не зная онаго. будучи въ сумнѣніи, что дѣлать, заблаго разсудилъ, лучше взять которой нибудь ящичекъ на удачу, нежели показать свое незнаніе; но онъ не вѣдалъ, что тѣ, которые мѣшаются въ такія дѣла, коихъ не разумѣютъ, со временемъ приходятъ въ раскаяніе. Въ ящикѣ, которой онъ взялъ, былъ весьма субтильной ядъ, изъ коего составилъ онъ пилюлю, и далъ принять Принцессѣ, которая тогожъ часу умерла. Царь немедлѣнно приказалъ сего незнающаго врача взять подъ караулъ, и осудилъ его на смерть.

Сей примѣръ, продолжалъ Дамна, показываетъ вамъ, что не должно ни

говорить ни дѣлать, чего не знаемъ. Видно изъ твоей физїономїи, перервалъ его рѣчь одинъ изъ присудствующихъ, что ты негодница и плутъ. Тогда судья спросилъ его, какое онъ доказательство имѣетъ тому, что говорилъ? Физїономисты примѣчаютъ, отвѣтствовалъ онъ, что у кого брови раздѣлены, лѣвой глазъ въ гною, и больше нежели правой, носъ накривленной на лѣвую сторону, и которой всегда показываетъ притворство, глаза имѣетъ потупленны въ землю, тѣ обыкновенно бываютъ предатели и ласкатели; а Дамна всѣ сїи признаки имѣетъ, чего ради я думаю, что я сказалъ правду, когда назвалъ его негодницею. Твоя наука неизвѣстна и неосновательна, закричалъ Дамна; богъ намъ даетъ видъ какой ему угодно, и даетъ намъ такую физїономїю, какую ему дать заблаго разсудится. Ежели бы то, что ты говоришь, была правда, и когда бы всякой имѣлъ у себя на лицѣ изображенное все то, что имѣетъ на сердцѣ, и ежели бы безъ всякой погрѣшности можно было отличить добрыхъ отъ худыхъ, то бы не было ну-

жды ни въ судьяхъ, ни въ свидѣтеляхъ для прекращенія ссоръ происходящихъ въ гражданской жизни. Притомъ было бы несправедливо приказывать клясться однимъ, а распрашивать другихъ, чтобъ вывѣдать правду, потому что оную можно бы и безъ того ясно видѣть Сверьхъ сего, естьли бы знаки, о которыхъ ты говорилъ, заключали необходимую надобность въ людяхъ, у коихъ оные находятся, то не было ли бы несправедливо наказывать злыхъ, потому что они невольны въ своихъ дѣйствіяхъ? И потому надлежитъ заключить, что ежели я слѣдуя сему правилу, причиною смерти Копторбеевой, чего однакожъ не бывало, то меня не за что наказывать, потому что я не господинъ своихъ дѣйствій, и я оное здѣлать побужденъ знаками, которые я имѣю. И такъ изъ сего видишь, что разсужденіе твое ложно. Какъ Дамна заперъ ротъ сему присудствующему, которой говорилъ, то никто не смѣлъ больше говорить, что принудило судью, Дамну опять отослать въ темницу, а между тѣмъ увѣдомили Царя обо всемъ, что происхо-

дило. Дамна будучи въ темницѣ намѣренъ былъ кого нибудь послать къ Калилѣ, и ей сказать, чтобъ она пришла его посѣтить; но лисица, которая тамъ по случаю находилась, избавила его отъ сего труда, увѣдомивъ его о смерти Калили, которая видя своего мужа въ такомъ худомъ состоянiи, съ печали умерла. Сiя вѣдомость столь чувствительна была Дамнѣ, что не желая больше жить, казался неутѣшнымъ. Лисица старалась его утѣшить, говоря ему, что когда онъ лишился столь любезной жены, то въ награжденiе нашелъ въ ней вѣрнаго прiятеля. Дамна видя, что не наково больше положиться, и что оная лисица представляла ему сама свои услуги, оныя принялъ. Прошу тебя, говорилъ ей Дамна, сходить ко двору, и увѣдомить меня искренне, что тамъ о мнѣ говорятъ; сiе будетъ служить перьвымъ доказательствомъ дружества, котораго я отъ тебя требую. Со всею охотою, отвѣтствовала лисица. Прошу прощенiя, я тебя оставляю; пойду провѣдаю, что дѣлается при дворѣ. Въ то самое время она туда

и

и отправилась. На другой день по утру очень рано львова мать пошла къ своему сыну, и спросила его, что дѣлается съ Дамною? Онъ еще въ темницѣ, отвѣтствовалъ Царь. Тебѣ очень трудно его осудить на смерть, сказала ему мать; опасайся, чтобъ онъ наконецъ у тебя не ушолъ помощїю своей хитрости. Ежели вы хотите присудствовать, то увидите чемъ дѣло окончается. Послѣ сего приказалъ привесть Дамну, чтобъ окончать его дѣло. Сей приказъ исполненъ былъ въ самой скорости, и виноватой представленъ передъ судей, которые ужѐ собрались. Главной судья всталъ, и учинилъ тотъ же вопросъ, какъ въ прошедшей день, то есть: онъ еще просилъ присудствующихъ говорить, ежели что имѣютъ предложить противъ Дамны; но никто не говорилъ ни слова. Сїе видя Дамна, закричалъ, что никто не хочетъ объявить ложнаго свидѣтельства, опасаясь, чтобъ не быть подвержену наказанїю такъ какъ сокольникъ, которой защищалъ ложь.

БАСНЯ XL.

О добродѣтельной женѣ и безстыдномъ слугѣ.

У нѣкотораго мѣщанина весьма честнаго была жена сколько разумна, столько и пригожа. У него былъ слуга очень злонравной; однако не хотѣлъ онъ его сослать изъ своего дому, потому что былъ искусной сокольникъ. Какъ у восточныхъ народовъ въ обыкновенiи, женъ держать въ сокровенныхъ покояхъ, то слуга по тому закону никогда не видалъ своей госпожи. Но въ нѣкоторой день, увидя ее по случаю, чрезвычайно въ нея влюбился. Онъ побуждалъ ее чрезъ повѣренную служанку удовольствовать его желанiе; однако всѣ труды его были тщетны, потому что онъ дѣло имѣлъ съ весьма добродѣтельною женою. Напослѣдокъ отчаявшись притти у нея въ любовь, обратилъ оную въ ненависть, и помышлялъ о ужасномъ отмщенiи. Для сей причины купилъ онъ двухъ попугаевъ, изъ которыхъ одного научилъ говорить слѣдующiя слова: *Я видѣлъ,*

какъ

какъ госпожа лежала съ слугою; а другова: *что до меня касается, я не говорю ни слова.* Нѣсколько времени спустя мѣщанинъ позвалъ къ себѣ въ гости нѣкоторыхъ своихъ прiятелей, и какъ всѣ сѣли за столъ, то попугаи начали произносить выученныя слова. Надлежитъ вѣдать, что слуга научилъ ихъ говорить сiи слова на природномъ его языкѣ, котораго господинъ, госпожа и другiе домашнiе не разумѣли, и для того никто не примѣчалъ; но гости, изъ коихъ нѣкоторые были изъ той же земли, изъ коей слуга, какъ скоро услышали попугаевъ, тотчасъ ѣсть перестали. Мѣщанинъ удивившись, спросилъ ихъ о причинѣ. Развѣ вы не разумѣете, отвѣтствовалъ одинъ гость, что говорятъ сiи птицы? Никакъ, сказалъ ему мѣщанинъ; они говорятъ, отвѣтствовалъ тотъ же гость, которой прежде говорилъ, что вашъ слуга ставитъ вамъ рога. Мѣщанинъ пришелъ въ изумленiе, слыша сiи слова, и просилъ прощенiя у своихъ прiятелей, что посадилъ ихъ обѣдать на такомъ мѣстѣ, гдѣ дѣлается такое беззаконiе. Слу-

га

га употребивъ сей случай, чтобъ больше огорчить своего господина противъ жены, сказалъ, что это самая правда, и сїе мѣщанина привело въ такую ярость, что онъ приказалъ умертвить свою жену, которая сказала тѣмъ, кои пришли для исполненїя повелѣнїя ея мужа, что она готова снести ту казнь, которую онъ ей определилъ, но она желаетъ, что бы ее прежде выслушалъ; ибо когда ея невинность откроется, то тщетно будетъ сожалѣть о ея смерти. Сїе сказано было ея мужу, и онъ приказалъ ей притти въ малой кабинетъ, гдѣ велѣлъ ей закрыться покрываломъ и приносить оправданїе ежели можетъ; ибо оныя птицы, говорилъ онъ, неразумны, слѣдовательно не можно обвинять ихъ въ томъ, чтобъ онѣ были научены, или подкуплены. Такъ какъ же оправдаться хочешь? Ты обязанъ, отвѣтствовала жена, обстоятельно изслѣдовать истинну, прежде моего осужденїя. Спроси у своихъ гостей, говорила она, знаютъ ли сїи птицы слѣдствїе и продолженїе рѣчи, или всегда тожъ самое повто-

повторяютъ. Ежели онѣ всегда одно говорятъ, то знай, что это хитрость твоего слуги, которой будучи не въ состоянїи склонить меня къ неистовому своему желанїю, вздумалъ привесть меня у тебя въ подозрѣнїе. Мѣщанинъ изъ сихъ разговоровъ усмотрѣлъ, что жена его можетъ быть дѣйствительно не виновата, пошелъ къ своимъ гостямъ, и просилъ ихъ, чтобъ они подержали у себя птицъ дни два или три, что бы узнать, будутъ ли онѣ говорить что нибудь другое, или нѣтъ; что гости безъ всякаго прекословїя здѣлали, и дѣйствительно усмотрѣли, что попугаи все одно повторяютъ. Они увѣдомили о томъ мѣщанина, и признали невинность жены, а коварство его слуги, котораго онъ послалъ сыскать. Слуга тотчасъ явился имѣя на рукѣ сокола. Негодница! сказала ему жена, для чего ты обличаешь меня въ такомъ мерзкомъ беззаконїи? Потому что ты въ томъ виновата, отвѣтствовалъ слуга. Онъ не успѣлъ сего выговорить, какъ соколъ, бывшей у него на рукѣ, бросился ему на лицо,

и вырвалъ у него глаза. Такой былъ плодъ его неиствовства и злословія.

Сей примѣръ показываетъ намъ, сколь опасно быть ложнымъ свидѣтелемъ; ибо сіе всегда обращается къ собственной нашей погибели. Какъ Дамна престалъ говорить, то левъ, взглянувъ на свою мать, спросилъ ее, какова она мнѣнія? Я вижу, отвѣтствовала она, что ты любилъ сего злодѣя, которой не перестанетъ безпорядки причинять при твоемъ дворѣ, ежели ты осторожности имѣть не будешь. Я васъ прошу, сказалъ левъ, обьявить мнѣ, чѣмъ онъ васъ такъ оскорбилъ. Это истинная правда, отвѣтствовала Царская мать, что онъ причиною погибели Которбеевой, но я не покажу того человѣка, которой мнѣ повѣрилъ сію тайну. Между тѣмъ желаю я отъ него знать, хочетъ ли онъ, чтобъ я призвала его въ свидѣтели; что она и исполнила въ тотъ же самой часъ. Она пошла домой и послала по барса. Какъ онъ пришелъ, то сказала ему: поди, обьяви смѣло, что ты знаешь о Дамнѣ. Милостивая Государыня!

дарыня! отвѣтствовалъ барсъ, вамъ не безъизвѣстно, что я готовъ жизнь мою посвятить за Ваше Величество; вы можете со мною дѣлать, что изволите. Львова мать тотчасъ провела барса ко льву, которому сказала: вотъ нелицемѣрной свидѣтель, коего могу я представить противъ Дамны. Тогда левъ обратясь къ барсу, спросилъ его: какія доказательства имѣетъ онъ о невѣрности обвиняемаго. Всемилостивѣйшій Государь! отвѣтствовалъ барсъ, я точно хотѣлъ скрыть сію правду до нѣкотораго времени, чтобъ увидѣть, какія причины приводить онъ будетъ къ своему оправданію. Потомъ барсъ говорилъ пространную рѣчь о всемъ, что происходило между Калилью и ея мужемъ. Сіе объявленіе учинено было въ присудствіи многихъ звѣрей, чего ради тотъ же часъ разнеслось повсюду, и подтверждено было другимъ свидѣтелемъ, медвѣдемъ, о которомъ я выше упоминалъ. Послѣ сего учинена была очная ставка между свидѣтелями и виноватымъ, которой не зналъ что отвѣтствовать. Сіе наконецъ побудило Льва учинить опре-

опредѣленіе, и приказать закласть его въ четыре стѣны, гдѣ умеръ онъ съ голоду.

Двѣ сіи главы научаютъ обманщиковъ и ласкателей, что они должны исправляться, и я думаю, что довольно ужѐ показалъ, что злословящій человѣкъ почти всегда долженъ ожидать себѣ неблагополучнаго конца, не упоминая, что онъ ненавистнымъ дѣлается въ обществѣ. Кто посадитъ терніе, не можетъ собирать розы.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

КАКЪ ДОЛЖНО СЫСКИВАТЬ ДРУЗЕЙ И КАКУЮ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ПОЛЬЗУ ОТЪ ОБХОЖДЕНІЯ СЪ НИМИ.

Ты мнѣ разсказывалъ, говорилъ Царь, исторію о обманщикѣ, которой подъ ложнымъ видомъ дружества, причиною былъ смерти неповиннаго. Прошу теперь объявить мнѣ, какую пользу приносятъ друзья въ гражданской жизни? Вашему Величеству надлежитъ знать, отвѣтствовалъ

валъ браминъ, что честные люди ничего столь высоко не почитаютъ, какъ истиннаго друга; потому что другъ есть другое мы, которому сообщаемъ самыя тайныя мысли, которой участіе имѣетъ въ нашей радости, и которой утѣшаетъ насъ въ печали, не упоминая о томъ, что его сообщество дѣлаетъ намъ много удовольствія. Басня, которую я вамъ намѣренъ разсказать яснѣе покажетъ, какія пріятности происходятъ отъ взаимнаго дружества.

БАСНЯ XLI.

О воронѣ, крысѣ, голубѣ, черепахѣ и дикой козѣ.

Около Кашмира было весьма пріятное мѣсто, въ которомъ много водилось всякой дичины, чего ради непрестанно ходили туда охотники. Воронъ, коего гнѣздо было наверьху дерева, примѣтя, что внизу нѣкоторой человѣкъ держалъ въ рукѣ сѣть, сперва испужался, думая, что охотникъ на него сѣть ставитъ; однако страхъ его скоро мино-

миновался, когда увидѣлъ движенія того человѣка, которой разтянувъ сѣти по землѣ, разсыпалъ нѣсколько сѣмени для приманки птицъ, а самъ спрятался за плѣтень. Какъ скоро онъ отошелъ, то стадо голубей напали на разсыпанное сѣмя, не слушая своего начальника, которой хотѣлъ имъ въ томъ воспрепятствовать, говоря, что не должно такъ безумно послѣдовать своимъ страстямъ. Сей разумной начальникъ, которой былъ старой голубь, называемой Монтавака, видя, что они столь неразумны, хотѣлъ отъ нихъ удалиться; но судьба, которая насъ влечетъ повелительнымъ образомъ, принудила его послѣдовать щастію другихъ, и онъ сошелъ къ нимъ на землю. Какъ они усмотрѣли, что всѣ находятся подъ сѣтью, и что скоро попадутся въ руки охотнику, которой шелъ ужѐ ихъ брать; эй, говорилъ имъ Монтавака, повѣрите ли вы мнѣ въ другой разъ! Я вижу, продолжалъ онъ, примѣтя, что они подъ сѣтью бьются, и что всякой изъ васъ старается только о своемъ спасеніи, не помышляя, что

что здѣлается съ товарищемъ, чего не дѣлаютъ истинные прїятели. Надобно думать какъ помощь подать другъ другу; можетъ быть такое благопрїятное дѣло всѣхъ насъ избавитъ; и такимъ образомъ употребимъ всѣ свои силы совокупно къ разорванїю сѣтей. Они всѣ послушались Монтавака, и въ то самое время такъ сильно начали рваться, что оторвали сѣть, и подняли на воздухъ. Охотникъ сожалѣя, что потерялъ такую изрядную добычу, пошелъ въ слѣдъ за голубями, надѣясь, что отъ тяжести сѣти голуби утрудятся.

Между тѣмъ воронъ видя все, что происходило, сказалъ самъ въ себѣ: вотъ особливое приключенїе, и я желаю видѣть его окончанїе. Для сей причины въ дали летѣлъ за голубями. Монтавака примѣтя, что охотникъ принялъ намѣренїе не выпускать ихъ изъ виду, этотъ злой человѣкъ, сказалъ онъ своимъ товарищамъ, все слѣдуетъ за нами, и не хочетъ потерять насъ изъ виду; полетимъ къ лѣсу, и старымъ замкамъ, чтобъ какая нибудь стѣна, или весьма густой лѣсъ принудилъ его назадъ

воро-

воротиться. И дѣйствительно сей совѣтъ имѣлъ благополучной успѣхъ. Густой лѣсъ тотчасъ воспрепятствовалъ охотнику видѣть голубей, чего ради принужденъ онъ былъ возвратиться съ великою досадою. Что касается до ворона, то все летѣлъ за ними, и имѣлъ великое любопытство, чтобъ узнать, какимъ образомъ вырвутся они изъ сѣтей, въ коихъ запутались, дабы въ нужномъ случаѣ и самому можно было употребить сїю хитрость. Голуби не видя больше за собою охотника почувствовали чрезвычайную радость, но не знали какимъ образомъ разорвать сѣти. Монтавака, которой остръ былъ на изобрѣтенїя, тотчасъ выдумалъ для сего средство. Надобно, сказалъ онъ имъ, пойти къ какому нибудь искреннему прїятелю, которой бы безъ всякаго коварства насъ распуталъ; я знаю, говорилъ онъ, крысу, которая не далеко отсюда живетъ; это мнѣ вѣрной другъ, а называется она Зиракъ; она можетъ перегрысть сѣть и дать намъ свободу. Голуби, которые не могли лучше сего желать, на то согласились, и

скоро

скоро прилетѣли къ крысиной норѣ. Она вышла на свистъ отъ крылъ происходящей, и чрезвычайно удивилась видя Монтаваку запутаннаго въ сѣти. Любезной прiятель! сказала она ему, кто тебя привелъ въ такое состоянiе? Монтавака разсказалъ ей все приключенiе, и Зиракъ началъ сперьва грысть нитки, въ коихъ запутался Монтавака, которой сказалъ ему: я прошу тебя, распутай сперьва моихъ товарищей. Зиракъ, коему прискорбно было видѣть его въ сѣтяхъ, продолжалъ свою работу. Я тебя еще прошу, закричалъ ему Монтавака, сперьва освободить моихъ товарищей; ибо кромѣ того, что я будучи ихъ начальникъ, долженъ объ нихъ имѣть старанiе, я опасаюсь, чтобъ трудъ, которой ты употребишь на мое освобожденiе, не воспрепятствовалъ тебѣ оказать сiе великое одолженiе и другимъ; напротивъ того дружество и любовь, которую ты ко мнѣ имѣешь, побудитъ тебя немедлѣнно перервать и мои сѣти. Крыса, удивляясь сему разсужденiю, похвалила добродѣтель Монтаваки, и начала грысть нитки

у голубей, и тотчасъ оныя перегрызла. Монтавака видя себя съ своими товарищами на волѣ, по засвидѣтельствованіи своей благодарности Зираку, съ нимъ простился. Какъ они улетѣли, то крыса пошла въ свою нору.

Воронъ, которой видѣлъ все происходившее, чрезвычайное возъимѣлъ желаніе познакомиться съ Зиракомъ. Для сей причины приближился онъ къ крысиной норѣ, и назвалъ ее по имени. Зиракъ испужавшись сего незнакомаго голосу, спросила, кто у ея норы? Воронъ отвѣтствовалъ, это воронъ, которой имѣетъ тебѣ сообщить важное дѣло. Какое, спросила крыса, можемъ мы имѣть съ тобою дѣло, будучи между собою непріятели? Тогда воронъ сказалъ ей, что онъ желаетъ быть пріятелемъ крысѣ, которыя искренность въ дружбѣ ему свѣдома. Я прошу тебя, отвѣтствовала крыса, искать другаго звѣря, котораго бы дружество лучше сходствовало съ твоимъ; ты только время тратишь, когда увѣрить меня хочешь со всѣмъ несходственнымъ дружествомъ. Не устра-

шайся

шайся симъ несходствомъ, сказалъ ей воронъ, и окажи себя великодушнымъ, не отрицая никому помощи, которой отъ тебя требуютъ. Ты правду говоришь, отвѣтствовалъ Зиракъ, когда упоминаешь о великодушіи; я очень знаю твои хитрости; однимъ словомъ мы столь различнаго между собою роду, что мы не можемъ имѣть сообщенія. Примѣръ дрозда, которой легко склонился на предложенное отъ сокола дружество, научилъ меня быть осторожнымъ.

БАСНЯ XLII

О дроздѣ и соколѣ.

Дроздъ, продолжала крыса, прогуливался у подошвы нѣкоего холму, и пѣлъ такъ пріятно, что соколъ, которой летѣлъ черезъ оное мѣсто, и пѣніе его слышалъ, захотѣлъ имѣть съ нимъ дружбу. Никто не можетъ жить безъ друга, говорилъ онъ самъ въ себѣ, потому что разумные люди говорятъ, что кто не имѣетъ пріятелей, находится во всегдашней болѣзни. И такъ онъ хо-

шѣлъ къ дрозду приближиться, но сей какъ скоро оное примѣтилъ, съ смертельнымъ страхомъ спрятался въ свое гнѣздо. Соколъ не преминулъ за нимъ слѣдовать, и ставъ у гнѣзда, говорилъ ему: любезной дроздъ! по сїе время былъ я къ тебѣ нечувствителенъ, потому что я не зналъ твоего достоинства, но нынѣ по щастїю узналъ; и такъ прими заблаго предлагаемое мною тебѣ дружество, и имѣй ко мнѣ взаимную любовь. Тираннъ, отвѣтствовалъ ему дроздъ, оставь меня жить въ покоѣ, и не старайся тщетно огонь согласить съ водою. Любезной другъ, сказалъ ему соколъ, отложи сей суетной страхъ; будь увѣренъ, что я тебя люблю, и хочу имѣть съ тобою дружеское обхожденїе; есть ли бы я имѣлъ другое намѣренїе, то бы не старался говорить съ тобою съ такою ласкою, чтобъ тебя изъ гнѣзда выманить; у меня такїе острые когти, что могъ бы ужѐ изловить дюжину дроздовъ въ то время, какъ съ тобою говорить началъ. Я совершенно увѣренъ, что будешь радоваться, когда

гда будешь мнѣ прїятелемъ. Во первыхъ никакой соколъ худа тебѣ не здѣлаетъ, когда ты будешь подъ моимъ покровительствомъ. Потомъ, когда ты будешь въ моемъ гнѣздѣ, то всѣ тебя будутъ почитать; а напослѣдокъ я тебѣ сыщу жену, которая будетъ тебѣ служить вмѣсто товарища. Хотя бы и все сїе было справедливо, отвѣтствовалъ дроздъ, однако не долженъ я принять учиненнаго мнѣ тобою предложенїя; ибо поелику ты Царь надъ птицами, а я безсильная птичка, какъ скоро здѣлаю что нибудь противное тебѣ; то ты меня тотчасъ убьешь. Никогда, сказалъ соколъ; имѣй въ томъ спокойной духъ; проступку удобно прощаютъ своимъ прїятелямъ. Напослѣдокъ соколъ столько знаковъ дружества оказалъ дрозду, что онъ не могъ больше противиться вытти изъ своего гнѣзда. Какъ скоро онъ оттуда вышелъ, то соколъ обнявъ его нѣжно, понесъ въ свое гнѣздо, гдѣ два или три дни ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ только его забавлялъ. Дроздъ видя, что соколъ съ нимъ столь ласково

поступаетъ, началъ свободнѣе говорить, нежели прежде; что не нравилось соколу, однако онъ притворялся. Въ нѣкоторой день онъ занемогъ, что препятствовало ему вылетѣть ловить птицъ. Онъ проголодался; и какъ не чѣмъ ему было утолить голодъ, то напала на него великая скука. Невеселой его видъ привелъ дрозда въ немалое безпокойство, которой зашедъ въ уголокъ сидѣлъ смирно; но соколъ не могъ ужѐ больше снести голоду, которой его мучилъ, и принялъ намѣренїе напасть на дрозда безъ всякой причины. Это не разумно, сказалъ ему соколъ грубымъ образомъ, сидѣть въ потемкахъ, когда всѣ грѣются на солнцѣ. Дроздъ отвѣтствовалъ ему съ трепетомъ: Царь надъ птицами! теперь ужѐ ночь, и всѣ кроются въ потемки, такъ какъ и я, и не вѣдаю, о какомъ ты солнцѣ говоришь. Дуракъ! сказалъ ему соколъ, такъ ты думаешь, что я лгунъ или глупъ? сказавъ сїе бросился на дрозда, и его съѣлъ.

И такъ больше не надѣйся, продолжала крыса, чтобъ я положилась на твои обѣщанія, вдалась въ опасность, и подвергла бы себя равномѣрному року. Образумься, отвѣтствовалъ воронъ, и подумай, что изъ твоего малаго тѣла не могу для себя здѣлать великаго пиру, но вѣдаю, что твое дружество можетъ мнѣ быть весьма полезнымъ; и такъ не лишай меня сей милости. Разумные люди, сказала крыса, научаютъ насъ остерегаться отъ красныхъ словъ нашихъ непріятелей, какъ тотъ, о которомъ я тебѣ скажу исторію.

БАСНЯ XLIII.

О нѣкоторомъ человѣкѣ и змѣѣ.

Нѣкоторой человѣкъ на верблюдѣ ѣхалъ черезъ рощу. Онъ сошелъ отдохнуть на такое мѣсто, откуда пошелъ караванъ, и гдѣ раскладенъ былъ огонь, котораго искры развѣваемыя вѣтромъ зажгли высохшіе прутики, въ коихъ змѣя водилась. Она такъ скоро охвачена была пла-

менемъ, что не знала куда выттш. Въ то самое время увидѣла она того человѣка, о которомъ я говорилъ, и просила его, чтобъ спасъ ея жизнь. Какъ онъ былъ отъ природы жалостливъ, то сказалъ самъ въ себѣ: правда, что сїи животныя непрїятели людямъ, однако добрыя дѣйствїя похвалы достойны; и кто сѣетъ добрыя сѣмена, тотъ увидитъ благословенную жатву. Послѣ сего разсужденїя взялъ мѣшокъ, которой у него былъ, и привязавъ его на концѣ своего копья, подалъ оной змѣѣ, которая тотчасъ въ него бросилась. Помянутой человѣкъ изъ огня ее вытащилъ, и велѣлъ змѣѣ изъ мѣшка выттти, говоря ей, что она можетъ иттти, куда хочетъ, чтобъ больше не вредила людямъ, когда отъ нихъ оказана ей толь великая услуга. Но змѣя отвѣтствовала: не думай, чтобъ я отъ тебя просто пошла; я еще прежде намѣрена изблевать ядъ свой на тебя и на твоего верблюда. будь справедлива, сказалъ ей человѣкъ, и скажи мнѣ, позволеноль за добро награждать зломъ? Я въ семъ случаѣ то здѣ-

лаю,

лаю, отвѣтствовала змѣя, что вы сами дѣлаете всякой день, т. е. за доброе дѣло воздаете худымъ, и за оказанное благодѣяніе платите неблагодарностію. Ты не можешь, сказалъ ей человѣкъ, доказать сего предложенія; и ежели ты мнѣ покажешь кого нибудь, кто бы былъ твоего мнѣнія, то соглашусь на все, чего ты требуешь. Ей докажу, отвѣтствовала змѣя, которая увидя корову сказала: предложимъ нашъ вопросъ сной коровѣ, и послушаемъ, что она въ отвѣтъ скажетъ. Какъ человѣкъ на то согласился, то подошли они къ коровѣ, которую змѣя спросила: какъ надлежитъ благодарить за благодѣяніе? Противнымъ образомъ, отвѣтствовала корова, по закону человѣческому; это изведано мною самымъ дѣломъ. Я принадлежу нѣкоему человѣку, которой получаетъ отъ меня превеликую пользу; всякой годъ приношу я ему по теленку, весь домъ довольствую молокомъ, масломъ и сыромъ, а какъ я теперь состарѣлась, и не въ состояніи уже больше оказывать добро, то выгнали меня на сей лугъ, что

бы я отѣлась, въ томъ намѣренїи, да бы меня на сихъ дняхъ мясникъ убилъ, которому меня ужѐ и продали. Не значитъ ли это за добро награждать зломъ? Змѣя послѣ сего сказала человѣку: не по обыкновенїю ли вашему хотѣла я поступить съ тобою? Человѣкъ удивившись отвѣтствовалъ, что одного свидѣтеля не довольно, чтобъ меня убѣдить; по крайней мѣрѣ требуются двое. Изволь, сказала змѣя, я согласна; пойдемъ къ этому древу, которое стоитъ передъ нами. Дерево, узнавъ причину ихъ спору, сказало имъ: люди за благодѣянїя обыкновенно воздаютъ зло, и я могу быть плачевнымъ примѣромъ ихъ неблагодарности. Я мимоходящихъ укрываю отъ солнечнаго зною, которые однакожъ позабывъ прохладность, кою имъ причиняетъ моя тѣнь, сѣкутъ мои вѣтви, дѣлаютъ изъ нихъ палки, руковятки къ пиламъ и топорища, и съ ужаснымъ варварствомъ рубятъ всего меня, и дѣлаютъ доски. Не значитъ ли это за благодѣянїе воздавать зло? Тогда змѣя смотря на человѣка, спросила: доволенъ ли онъ сими доказатель-

ствами?

ствами? Онъ не зная, что отвѣтствовать, въ великое пришелъ замѣшательство; однако стараясь какъ нибудь выправиться изъ того дѣла, сказалъ змѣѣ: возмемъ еще въ судьи перьваго звѣря, которой намъ попадется; окажи мнѣ это удовольствїе, я тебя о томъ прошу, ибо жизнь всякому весьма дорога̀. Какъ онъ такимъ образомъ говорилъ, то шла мимо того мѣста лисица, которую змѣя остановила, прося ее, чтобъ она окончала ихъ споръ. Лисица хотѣла знать, о чемъ у нихъ дѣло происходило. Я змѣѣ оказалъ великую услугу, сказалъ человѣкъ, и она мнѣ старается доказать, что въ награжденїе должно здѣлать зло. Она правду говоритъ, закричала лисица, однако скажи мнѣ, какую ты оказалъ ей услугу. Человѣкъ расказалъ ей, какимъ образомъ вытащилъ ее изъ огня посредствомъ малаго мѣшка, которой ей и показалъ. Какъ, отвѣтствовала лисица смѣючись, ты требуешь, чтобъ я повѣрила, что бы такая большая змѣя могла влесть въ такой маленькой мѣшечекъ? Это мнѣ кажется не

возможно; и ежели бы змѣя теперь при мнѣ влезла, чтобъ меня удостовѣрить, то бы я тотчасъ рѣшила ваше дѣло. Съ охотою отвѣтствовала змѣя; и въ то самое время влезла въ мѣшокъ. Тогда лисица сказала человѣку: теперь въ твоей власти жизнь твоего непрїятеля; употреби сей случай въ свою пользу. Человѣкъ тотчасъ завязалъ мѣшокъ, и нѣсколько разъ ударилъ ее о камень, такъ что напослѣдокъ змѣю убилъ до смерти. Симъ способомъ кончился страхъ одного, и прекратились споры другаго.

Басня сїя, продолжала крыса, научаетъ насъ, что не должно вѣрить краснымъ словамъ своихъ непрїятелей, опасаясь, чтобъ не впасть въ подобныя нещастїя. Ты справедливо говоришь, сказалъ воронъ, но надобно знать отличать друзей отъ непрїятелей. Я тебѣ кленусь, что не отойду отсюда, пока ты не обѣщаешься быть мнѣ другомъ. Зиракъ видя, что воронъ въ правду неотступно проситъ о дружествѣ, сказалъ ему: Я за честь себѣ поставляю почитаться твоимъ прїятелемъ, а что такъ долго противилась

лась твоимъ требованiямъ, то дѣлала только для того, чтобъ тебя извѣдать, и показать, что я не безъ ума и не безъ проворства. Сказавъ сiе изъ норы вышла, однако осталась въ самомъ входѣ норы. Для чего ты не смѣло ко мнѣ выходишь, спросилъ ее воронъ? развѣ ты еще неувѣрена о моей къ тебѣ любви? Не для того, отвѣтствовала крыса, но я опасаюсь твоихъ товарищей, которые сидятъ на сихъ деревахъ. О семъ не безпокойся, сказалъ воронъ; они тебя почтутъ за своего прiятеля, ибо у насъ такое обыкновенiе, что когда одинъ изъ насъ вступитъ въ тѣсную дружбу съ какимъ нибудь животнымъ другаго роду, то мы всѣ его любимъ. Крыса повѣривъ симъ словамъ приближилась къ ворону, которой сказывалъ ей чрезвычайные знаки любви, и клялся, что дружество хранить будетъ ненарушимо и просилъ, чтобъ она пошла съ нимъ жить къ черепахѣ, его прiятельницѣ, которой описывалъ изрядныя качества. Я такую приняла къ тебѣ склонность, говорила крыса, что впредь всюду за тобою буду

слѣдовать, какъ тѣнь твоя, тѣмъ наипаче, что мѣсто сїе не собственное мое жилище; я удалилась сюда по одному только случаю, о которомъ бы разсказала, ежели бы не опасалась, что тебѣ наскучу. Воронъ ей отвѣтствовалъ: ахъ искренней другъ! можешь ты имѣть такую опасность, и не можешь ты повѣрить, что во всемъ принимаю участїе, что до тебя касается. Но черепаха, сказалъ онъ ей, которую ты конечно здѣлаешь себѣ прїятельницею, рада будетъ слышать твои похожденїя. Въ то самое время взялъ онъ крысу въ ротъ, и снесъ къ черепахѣ, которую увѣдомилъ о томъ, что крыса дѣлала. Она поздравляла ворона, что онъ снискалъ себѣ толь совершеннаго прїятеля, и многїя учтивости оказали крысѣ, которая съ своей стороны умѣла весьма изрядно жить, и всегда показывала, что она весьма чувствительна за вcѣ оказываемые знаки благосклонности. По многимъ учтивостямъ учиненнымъ съ обѣихъ сторонъ, пошли вcѣ трое прогуливаться на берегъ нѣкотораго источника. Напослѣдокъ выбравъ

бравъ мѣсто весьма отдаленное отъ большой дороги, воронъ побуждалъ Зирака разсказать свои похожденія, что онъ и учинилъ слѣдующимъ образомъ:

БАСНЯ XLIV.

Похожденіе Зирака.

Родился я и жилъ въ нѣкоторомъ Индейскомъ городѣ, называемомъ Марутъ. Я выбралъ такое мѣсто, гдѣ тишина господствовала, чтобъ жить безъ всякаго страха, наслаждалась спокойною жизнію съ нѣкоторыми другими крысами такогожъ сложенія, какъ и я. Въ нашемъ сосѣдствѣ жилъ монахъ, которой всегда оставался въ монастырѣ, какъ товарищъ его ходилъ на промыселъ. Онъ ѣлъ нѣкоторую часть приносимаго товарищемъ его хлѣба, а другую оставлялъ на ужинъ; но оной части никогда не находилъ въ такомъ состояніи, въ какомъ оставлялъ: ибо какъ въ своемъ саду находился, то я наполняла желудокъ,

и призывала своихъ товарищей, которые исправляли свою должность такъ, какъ и я. Монахъ видя часть свою нарочито уменшенную, осердился на насъ, и искалъ въ своихъ книгахъ какого нибудь рецепта, или описанія машины, чтобъ насъ ловить; но все сіе ему не послужило, потому что я всегда была хитряе, нежели онъ. Нѣкогда его пріятель возвратившись изъ далекаго пути, вошелъ въ его келью, чтобъ съ нимъ повидаться. Какъ они отобѣдали, то начали разговаривать о путешествіяхъ. Монахъ спросилъ у своего пріятеля, что онъ видѣлъ рѣдкаго и любопытнаго въ иностранныхъ государствахъ. Путешественникъ началъ ему разсказывать, что лучшаго примѣтилъ. Между тѣмъ временемъ какъ онъ описывалъ тѣ пріятныя мѣста, чрезъ которыя ѣхалъ, монахъ всегда перерывалъ рѣчь его бьючи руками, и стуча въ землю ногами, чтобъ насъ прогнать, потому что мы дѣйствительно частыя дѣлали вылазки на его припасы, не взирая на неучтивость, которую онъ оказывалъ. Напослѣдокъ путешественникъ

никъ почелъ за обиду, что монахъ его не слушаетъ, и сказалъ грубымъ образомъ: тебѣ не должно было меня здѣсь удерживать, чтобъ надо мною смѣяться. Сохрани меня богъ, отвѣтствовалъ монахъ съ крайнимъ удивленіемъ, чтобъ я сталъ смѣяться надъ человѣкомъ такого достоинства, какъ ты. Прошу въ томъ прощенія, что я твою рѣчь перерывалъ. Здѣсь въ монастырѣ очень много мышей, которыя меня почти до ушей уже объѣли, а особливо одна такая смѣлая, что грызетъ у меня и носъ, когда я лежу на постелѣ, и не вѣдаю что дѣлать, что бы ее поимать. Путешественникъ казался быть доволенъ извиненіемъ монаха, и сказалъ ему: въ этомъ заключается нѣкоторая тайность, и сіе приключеніе привело мнѣ на память исторію, которую вамъ разскажу, только прошу послушать меня со вниманіемъ.

БАСНЯ XLV.

О нѣкоторомъ мужѣ и его женѣ.

Въ нѣкоторое время худая погода, принудила меня остановиться

въ

въ предмѣстїи, гдѣ пошелъ я къ нѣкоему своему прїятелю, которой принялъ меня весьма честно. Послѣ ужины повелъ онъ меня спать въ покой, отдѣленной отъ его покоя одною только деревянною перегородкою, откуда я не хотя слышалъ разговоръ, которой имѣлъ онъ съ женою. Завтрешняго дня по утру, говорилъ онъ ей, намѣренъ я позвать главнѣйшихъ изъ сего предмѣстїя, чтобъ увеселить моего прїятеля, которой честь здѣлалъ своимъ посѣщенїемъ. Тебѣ не чѣмъ содержать и своихъ домашнихъ, отвѣтствовала ему жена, а ты говоришь еще о многихъ расходахъ; думай лучше, какъ бы зберечь малое имѣнїе твоимъ дѣтямъ, а не пиры дѣлать. Провидѣнїе божїе велико, говорилъ ей мужъ, и не должно помышлять о завтрешнемъ дни, опасаясь, чтобъ съ нами не послѣдовало то же, что здѣлалось съ волкомъ. Я разскажу тебѣ, сказалъ онъ, сїе приключенїе:

БАСНЯ

БАСНЯ XLVI.

О охотникѣ и волкѣ.

Охотникъ возвращаясь нѣкогда съ охоты съ дикою козою, имъ поиманною, увидѣлъ кабана, которой вышелъ изъ лѣсу, и шелъ прямо на него. Хорошо, сказалъ охотникъ, этотъ кабанъ умножитъ мою добычу; тотчасъ напрягъ свой лукъ, и пустилъ стрѣлу такъ хитро, что ранилъ кабана смертельно. Сей звѣрь почувствовавъ рану, пошелъ на охотника съ такою яростїю, что не взирая на его защищенїе, распоролъ ему брюхо, такъ что они оба упали мертвы.

Въ то время чрезъ оное мѣсто шелъ голодной волкъ, которой видя столько мяса на землѣ, чрезвычайно тому обрадовался. Не надобно, говорилъ онъ самъ себѣ, расточать столько имѣнїя; но мнѣ должно пользуясь столь великимъ благополучїемъ сберегать всѣ сїи припасы. Однако поелику онъ былъ очень голоденъ, то захотѣлъ что нибудь съѣсть. И такъ началъ грысть тетиву отъ лука, которая здѣлана была изъ кишки,

но какъ скоро перегрызъ , то лукомъ, которой былъ очень натянутъ, такъ сильно ударило его противъ сердца , что вдругъ палъ мертвой на другія тѣла.

Сія басня , продолжалъ мужъ , показываетъ , что не должно быть скупымъ. Когда такъ , сказала ему жена , то зови завтра обѣдать , кого тебѣ заблаго разсудится. На другой день , какъ она обѣдъ готовила , и дѣлала похлебку съ медомъ , которой она купила , то упала въ медъ крыса , что ей чрезвычайно досадно было. Не хотя больше употреблять онаго меду , понесла его на рынокъ , и взяла на обмѣнъ горохъ. Я по случаю былъ тогда не далеко отъ нея , и спросилъ , для чего она столь убыточно торгуетъ , и мѣняетъ медъ на горохъ ? Для того , что онъ меньше стоитъ , нежели горохъ , отвѣтствовала она тихо. Я больше не сомнѣвался , что тутъ есть какая нибудь тайность. Тожъ самое думаю и о сей крысѣ ; ибо она не была бы столь смѣла , ежели бы не имѣла тому причины , которая намъ не извѣстна. Что до меня касается , думаю , что

что у нее есть въ норѣ деньги. Монахъ, какъ скоро услышалъ о деньгахъ, взялъ тотчасъ топоръ, и разрубивъ стѣну нашелъ мое сокровище, которое состояло изъ тысячи червонныхъ, которые собрала я съ великимъ трудомъ. Я перещитывала ихъ каждой день, и имѣла удовольствїе ихъ пересматривать, и на нихъ кататься, думая, что въ семъ состоитъ все мое благополучїе. Вотъ! сказалъ путешественникъ монаху, не правду ли я говорилъ, что неистовство крысъ должно приписывать причинѣ, которая намъ не извѣстна?

Я оставляю тебѣ на разсужденїе объ отчаянїи, въ которое я пришла, какъ увидѣла, что мое жилище такимъ образомъ опустошено. Я приняла намѣренїе перемѣнить оное, но всѣ мои товарищи оставили меня, и ясно доказали истинну сей пословицы: *у кого нѣтъ денегъ, у того нѣтъ и прїятелей.* Сверьхъ того нынѣшнїе прїятели любятъ насъ, поелику дружество наше имъ полезно. Нѣкогда спросили богатаго, однакожъ разумнаго человѣка, много ли у него прїятелей? Что до нынѣшнихъ прїя-

прїятелей касается, отвѣтствовалъ онъ, то у меня ихъ столько, сколько червонцовъ, а что до истинныхъ друзей, то надлежитъ мнѣ ожидать когда буду въ бѣдности, ибо тогда только ихъ узнать можно.

Между тѣмъ, какъ я разсуждала о нещастїи, которое со мною воспослѣдовало, увидѣла, что крыса мимо меня пробѣжала, которая прежде такъ склонною ко мнѣ была, что казалось, будто не видавъ меня и минуты жить не могла. Я ее къ себѣ позвала и спросила, для чего она отъ меня бѣгаетъ, какъ и другїя? Что ты думаешь, отвѣтствовала она, мы будто столь глупы, чтобъ пошли къ тебѣ даромъ служить? Когда ты была богата, то мы были твои слуги; но теперь ты скудна, чего ради мы не хотимъ имѣть сообщенїя съ твоимъ убожествомъ; ибо тѣ всѣхъ скучнѣе въ свѣтѣ, у кого ничего нѣтъ. Тебѣ не должно такъ презирать бѣдныхъ, сказала я ей, потому что они прїятны бываютъ богу. Это правда, отвѣтствовала она, однако любитъ онъ не такихъ бѣдныхъ, какъ ты; богъ

любитъ

любитъ тѣхъ, которые оставили свѣтъ, а не тѣхъ, коихъ свѣтъ оставилъ. Я не знала, что отвѣтствовать на сїи слова. Между тѣмъ осталась еще у монаха, что бы видѣть, что онъ станетъ дѣлать съ деньгами, которыя у меня похитилъ. Я примѣтила, что онъ далъ половину своему товарищу, и что каждой свою часть положилъ подъ зголовье. Мнѣ захотѣлось унесть у нихъ деньги, для сей причины подошла весьма тихо къ монашеской постелѣ; но прїятель его, которой наблюдалъ всѣ мои дѣйствїя, такъ что не могла я того примѣтить, бросилъ въ меня палкою такъ сильно, что едва ноги не переломилъ, что принудило меня возвратиться въ нору, и то здѣлала я не безъ труда. Часъ спустя вышла я въ другой разъ, думая что путешественникъ заснулъ, однако онъ прилѣжно караулилъ, опасаясь, чтобъ не лишиться своей добычи. Я съ своей стороны не потеряла бодрости, пошла, и уже приближилась къ монашескому зголовью, какъ моя дерзость едва не лишила меня жизни.

Путе-

Путешественникъ ударилъ меня въ другой разъ по головѣ такъ сильно, что я будучи со всѣмъ оглушена, не могла почти найти входу въ свою нору. Между тѣмъ путешественникъ бросилъ въ третей разъ палкою, но какъ онъ въ меня не попалъ, то я имѣла щастїе укрыться въ свое убѣжище, куда какъ скоро пришла, то клялась, что бы больше не гоняться за такою вещїю, которая мнѣ столь много трудовъ и беспокойства причинила. По принятїи сего намѣренїя вышла изъ монастыря, и удалилась на то самое мѣсто, гдѣ видѣлъ ты меня съ голубемъ. Черепаха весьма радовалась, слыша похожденїе крысы, и сказала ей: ты изрядно здѣлала, что оставила свѣтъ и его хитрости, потому что въ немъ не можно найти совершеннаго удовольствїя. Всѣ тѣ, которыхъ сребролюбїе и честолюбїе безпокоятъ, находятъ себѣ смерьть на подобїе кошки, которой не поскучте выслушать исторїю.

БАСНЯ XLVII.

О прожорливой кошкѣ.

Нѣкоторой человѣкъ кормилъ у себя кошку какъ надлежитъ; но она будучи прожорлива не была довольна обыкновенною своею порцїею, и вездѣ лазила, чтобъ достать хорошей кусокъ. Идучи въ нѣкоторой день мимо голубятни, увидѣла тамъ малыхъ голубятъ, которые были почти еще голы. Она влезла на голубятню, не разсмотрѣвъ того, тамъ ли хозяинъ или нѣтъ, и ужѐ готовилась удовольствовать свое желанїе; но хозяинъ какъ скоро увидѣлъ, что кошка вошла, заперъ дверь и всѣ проходы, чрезъ которые ей выбѣжать можно было, и поимавъ ее, повѣсилъ въ углу своей голубятни. Хозяинъ той кошки шелъ по случаю мимо, и когда ее увидѣлъ повѣшену, сказалъ: ахъ негодная прожора, когда бы ты была довольна малою своею порцїею, то не была бы ты въ такомъ состоянїи! вотъ какимъ образомъ ненасытные люди причиною бываютъ собственной своей

погибели. Не упоминая о томъ, что блаженство сего мїра непостоянно, разумные люди говорятъ, что шести вещамъ не должно вѣрить:

1. Облаку, потому что оно въ мгновенїе ока разсыпается.

2. Притворному дружеству, ибо оное проходитъ на подобїе молнїи.

3. Женской любви, для того что оную за бездѣлицу перемѣняютъ.

4. Красотѣ, потому что оная отъ малаго ненастья, нещастливаго случая или болѣзни повреждается.

5. Ложнымъ похваламъ, которыя не что иное суть, какъ дымъ.

6. блаженству сего мїра, которое по прошествїи нѣкоего времени неотмѣнно конецъ получаетъ.

разумные люди, подолжала крыса, никогда не стараются искать сихъ суетныхъ вещей; но они стараются только сыскать себѣ вѣрнаго друга. Послѣ сего воронъ сказалъ: это правда, что ничего съ совершеннымъ и взаимнымъ дружествомъ сравнить не можно. Я намѣренъ сїе доказать слѣдующею исторїею:

БАСНЯ XLVIII.

О двухъ прїятеляхъ.

НѢкоторой человѢкъ услыша у воротъ своихъ стукъ въ необыкновенное время спросилъ, кто стучитъ. Какъ узналъ, что стучитъ наилучшей его прїятель, то вставъ одѣлся и приказалъ служанкѢ засвѢтить свѢчу, и за нимъ слѢдовать, а самъ пошелъ его встрѢчать. Любезной другъ! сказалъ онъ ему, я не могу тебя такъ поздо видѢть, не представивъ себѢ, что ты пришелъ либо занять денегъ, либо просить меня о помощи, либо искать веселой компанїи. У меня есть всѢ сїи три вещи, продолжалъ онъ; ежели ты нужду имѢешь въ деньгахъ, то кошелекъ мой къ твоимъ услугамъ; когда есть у тебя непрїятели, то я представляю тебѢ мои руки и шпагу; а ежели любовь привлекаетъ тебя въ компанїю, то къ услугамъ твоимъ моя служанка, которая недурна и можетъ съ тобою время проводить честнымъ и прїятнымъ образомъ. Словомъ, все, что отъ меня зависитъ, готово къ

твоимЪ услугамЪ. МнѢ ничего того не надобно отвѢтствовалЪ ему прїятель, но я пришелЪ провѢдать только о твоемЪ здоровьѢ, опасаясь, чтобЪ худой сонЪ, которой я видѢлЪ, дѢйствительно не сбылся. КакЪ воронЪ разсказывалЪ сїю басню, то увидѢли они вЪ дали дикую козу, которая бѢжала сЪ невѢроятною скоростїю. Они подумали, что за нею гонится охотникЪ, чего ради разошлись: Черепаха поползла вЪ воду, крыса спряталась вЪ нору, а воронЪ скрылся между вѢтвьми высокаго дерева. Дикая коза вдругЪ остановилась у фонтана, и воронЪ, которой осматривался на всѢ стороны, не видя никого позвалЪ черепаху, которая сперьва появилась по верхЪ воды. КакЪ казалось, что дикая коза пить не смѢетЪ, то черепаха сказала ей: пей смѢло, вода очень чиста. Скажи мнѢ пожалуй, для чего ты сильно взопрѢла? Для того, отвѢтствовала дикая коза, что я бѢжала отЪ охотничьихЪ рукЪ, которой жестоко за мною гнался. Неудаляйся отсюда, сказала ей черепаха, и будь намЪ прїятельница; наша дружба будетЪ тебѢ нѢсколько полез-

полезна. Разумные люди говорятъ, что большее число пріятелей уменьшаетъ труды, и кто имѣетъ ихъ тысячу, то всѣхъ должно почитать за одного, а напротивъ того, кто имѣетъ одного непріятеля, то надобно его щитать за тысячу, столь бѣдственно имѣть злодѣя! Послѣ сего разговору воронъ и крыса также приближились къ дикой козѣ, и оказали ей превеликую честь. Она ими такъ плѣнилась, что обѣщалась съ ними жить во всю свою жизнь.

Такимъ образомъ сіи четыре пріятеля препровождали время совокупно во всякой пріятности. Но въ нѣкоторой день воронъ, крыса и черепаха собрались по своему обыкновенію къ фонтану разговариватъ, а дикой козы притомъ не было, о чемъ они весьма сожалѣли, не зная, что съ нею зделалось. Воронъ поднялся на воздухъ, чтобъ посмотрѣть, не увидитъ ли ее гдѣ нибудь, и какъ смотрѣлъ на всѣ стороны, то увидѣлъ въ дали, что она запуталась въ сѣти, которую поставилъ на нее охотникъ. Сія вѣдомость всѣхъ

троихъ весьма опечалила. Надобно подумать, сказала черепаха, какъ избавить козу отъ опасности, въ которой она находится. Воронъ перервавъ ея рѣчь, сказалъ крысѣ: ты только одна можешь освободить нашу прїятельницу; поди скорѣе и распутай ее, пока охотникъ не наложилъ еще на нея своей руки. Я всѣ свои силы употреблю къ ея освобожденїю, отвѣтствовала крыса. Пойдемъ не теряя времени. Воронъ тотчасъ взялъ крысу и полетѣлъ къ дикой козѣ. Прибывъ туда, крыса начала грызть нитки, въ которыхъ запутались козьи ноги; между тѣмъ приползла и черепаха. Какъ скоро коза ее увидѣла, то стала на нее кричать. Для чего ты, сказала она, отважилась сюда притти. Какъ, отвѣтствовала черепаха, могу я больше сносить ваше отсудствїе, которое мнѣ и такъ ужѐ несносно? Любезная прїятельница, сказала коза, прибытїе твое больше меня печалитъ, нежели я соболѣзновала о потерянїи своей вольности; ибо ежели охотникъ теперь придетъ, то какъ ты спасешься? Что до меня

касается

касается, я почти ужѐ распутана, и моя проворность избавитъ меня отъ охотничьихъ рукъ; воронъ найдетъ спасенїе въ своихъ крыльяхъ, а крыса спрячется въ нору; ты одна только бѣжать не можешь, и слѣдовательно будешь добычею охотнику. Едва только коза выговорила сїи слова, то появился охотникъ. Коза, которая была ужѐ распутана, убѣжала въ поле, воронъ улѣтелъ, крыса спряталась въ нору, а бѣдная черепаха тамъ осталась. Когда охотникъ пришелъ, то крайне удивился, увидя свою сѣть изорванную, что ему весьма досадно было. Онъ началъ осматриваться на всѣ стороны, не увидитъ ли чего нибудь, и увидѣлъ черепаху. Хорошо, сказалъ онъ, я возвращусь домой не съ пустыми руками; надобно взять эту черепаху; она всегда мнѣ годится. И такимъ образомъ ее взявъ, бросилъ въ свой мѣшокъ, потомъ положивъ ее на плечо пошолъ. Какъ онъ ужѐ ушелъ, то три прїятеля собрались, и не видя больше черепахи, заключили о причинившемся ей нещастїи. Тогда начали воздыхать,

хать, приносить самыя чувствительныя жалобы, и проливать слезы. Напослѣдокъ воронъ прекратилъ сiю печаль, говоря: Друзья мои! наша печаль нимало не утѣщаетъ черепаху; надобно думать, какъ бы спасти ея жизнь. Разумные люди говорятъ, четыре рода людей можно познать въ четырехъ только случаяхъ: храбрыхъ людей въ сраженiяхъ; честныхъ, когда договоръ происходитъ о какомъ нибудь только дѣлѣ, гдѣ требуется дать слово; любовь жены, когда мужу приключается какое нибудь нещастiе; а напослѣдокъ истиннаго и вѣрнаго друга въ самой крайней нуждѣ. Мы видимъ теперь нашу прiятельницу въ плачевномъ состоянiи, слѣдовательно надобно ей подать помощь. Мнѣ приходитъ на умъ изрядной вымыселъ, сказала крыса; пусть коза покажется передъ охотникомъ, которой какъ скоро ее увидитъ не преминетъ мѣшокъ свой положить на землю, въ томъ намѣренiи, чтобъ ее поимать. Это изрядно выдумано, сказала коза, я притворюсь храмою, и буду отъ него уходить помалу; онъ за мною слѣ-

слѣдуя отдалится отъ своего мѣшка, такъ что крыса довольно будетъ имѣть времени къ освобожденію нашей пріятельницы. Сей вымыселъ былъ принятъ, коза прошла мимо охотника притворившись слабою и храмою, охотникъ подумалъ, что ее въ рукахъ уже имѣетъ, положа свой мѣшокъ на землю, погнался за козою всѣми силами, которая отъ него убѣгала, смотря по тому какъ ее догонялъ. Между тѣмъ крыса видя, что охотникъ ушелъ очень далеко, подошла къ мѣшку, и перегрызла веревочку, которою онъ былъ завязанъ; черепаха оттуда вышла, и спряталась въ прутья. Наконецъ охотникъ переставъ безполезно гнаться за своею добычею возвратился къ своему мѣшку, и не видя больше въ немъ черепахи, пришелъ въ крайнее удивленіе. Онъ подумалъ, что находится въ странѣ нечистыхъ духовъ, видя что коза, то изъ сѣтей вырывается, то передъ нимъ показывается притворяясь храмою, а напослѣдокъ и черепаха, животное безсильное перервала веревку у мѣшка, и отъ него спаслась. Сіи разсужденія привели его

въ такой страхъ, что побѣжалъ изъ всей своей силы, думая, что за нимъ слѣдомъ гонятся нечистые духи. Послѣ сего всѣ четыре пріятеля собрались, и учинили новыя обѣщанія своей ненарушимой дружбы, и клялись не разлучаться другъ отъ друга до самой смерти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО ВѢРИТЬ СВОИМЪ НЕПРІЯТЕЛЯМЪ; И КАКЪ НАДЛЕЖИТЪ СОВЕРШЕННО ВѢДАТЬ ВСЕ, ЧТО У НИХЪ ДѢЛАЕТСЯ.

Теперь, сказалъ Дапшелимъ, приступимъ къ четвертой главѣ, которая состоитъ въ томъ, что разумной человѣкъ не долженъ никогда ожидать дружества отъ своихъ непріятелей. Покажи мнѣ, говорилъ онъ ему, какимъ образомъ можно убѣгать отъ ихъ предательствъ. Надлежитъ всегда, отвѣтствовалъ браминъ, быть въ осторожности и не довѣрять имъ; ибо когда они оказываютъ дружество, то сіе происходитъ отъ того, чтобъ тѣмъ

лучше скрыть коварныя свои намѣренія. Кто будетъ имѣть повѣренность къ своему злодѣю, тотъ обманется также какъ сова, о которой Вашему Величеству разскажу я басню.

БАСНЯ XLIX.

О воронахъ и совахъ.

Въ нѣкоторой Китайской провинціи есть гора, простирающаяся выше облаковъ; на верьху оной горы стояло дерево, котораго вѣтви достигали почти до самаго неба. На всѣхъ оныхъ вѣтвяхъ повили гнѣзда воронья, кои всѣ повиновались одному Царю называемому биру. Въ нѣкую ночь совиной Царь, которой назывался Хабагангомъ, пришелъ съ своею арміею разорять вороньи гнѣзда, противъ которыхъ возбуждала ихъ древняя ненависть. На другой день биру собралъ свой совѣтъ, чтобъ разсуждать о средствахъ, которыя бы можно было употребить къ защищенію себя отъ нападенія совъ. Пятеро самые искусные его Министры, какъ

скоро узнали намѣренїе Его Величества, объявили свое мнѣнїе. Великой Монархъ! говорилъ первой, мы не можемъ ничего придумать, очемъ бы уже̑ Ваше Величество прежде насъ не мыслили. Однако, поелику вы отъ насъ требуете, чтобъ мы одинъ за другимъ объявили свое мнѣнїе о томъ, что надлежитъ предпринимать, дабы отмстить совамъ, мы должны повиноваться вашему повелѣнїю. И вопервыхъ я объявлю Вашему Величеству, что Политики за правило принимаютъ, что не должно атаковать сильнѣйшаго себя непрїятеля: ибо оное равно тому что строить домъ на рѣчномъ порогѣ. Царь обратясь къ другому, приказалъ ему говорить. Всемилостивѣйшїй Государь! отвѣтствовалъ онъ; бѣгство прилично только подлымъ и робкимъ душамъ; лучше принять оружїе и отмстить за безчестїе, которое намъ оказано. Царь не бываетъ никогда въ покоѣ, ежели не вложитъ страхъ въ сердца своихъ непрїятелей, и есть ли земля ихъ не чувствовала силы его. Послѣ сего третей Министръ объявилъ свое мнѣнїе. Я не охуждаю, говорилъ онъ,

совѢта моихЪ товарищей, но также и не похваляю. Я такова мнѢнїя, что надлежитЪ кЪ непрїятелямЪ послать шпїоновЪ, чтобЪ узнать ихЪ силу и состоянїе; а послѢ по ихЪ извѢстїямЪ разсмотримЪ, войну ли начинать, или мириться. Сїе есть самое лучшее средство жить вЪ покоѢ. Царь всегда долженЪ стараться какЪ о сохраненїи своего покоя, такЪ и о облегченїи своихЪ подданныхЪ; не долженЪ онЪ никогда войны объявлять какЪ только тѢмЪ, которые общей покой нарушаютЪ. А когда непрїятель, сЪ коимЪ надлежитЪ войну имѢть, будетЪ весьма силенЪ, то должно употреблять вЪ помощь хитрости, и пользоваться всѢми случаями, которыми можно вредить непрїятелю. Четвертой представилЪ Царю, что лучше оставить землю, нежели потерять славу своего оружїя, которое всегда преимущество имѢло надЪ непрїятелями; что великое будетЪ поношенїе для вороновЪ, когда они совамЪ покорятся, кои прежде всегда подвластны были воронамЪ; что надлежитЪ стараться изъвѢдать ихЪ намѢренїя, и

 лучше

лучше вступать въ бой, нежели нести поносное иго, потому что и самая смерть не столь несносна, какъ лишенїе славы. Царь выслушавъ сихъ четырехъ министровъ далъ знакъ пятому, чтобъ онъ объявилъ свое мнѣнїе Сей министръ назывался Кархенасъ, то есть смысленный. Царь имѣя къ нему особливую повѣренность, просилъ его объязить искренне, что онъ заблаго разсуждаетъ предпрїять въ семъ случаѣ? Объявлять ли войну, говорилъ ему Царь, или предложить о мирѣ, или напослѣдокъ оставить сей климатъ? Всемилостивѣйшїй Государь! отвѣтствовалъ Кархенасъ, когда вы мнѣ повелѣваете говорить искренне, то мнѣ кажется, что не надлежитъ намъ атаковать совъ, для того что ихъ больше, нежели насъ. Должно употребить благоразумїе. Сїя добродѣтель часто лучшей успѣхъ имѣла, нежели сила и богатство. Прежде принятїя послѣднихъ мѣръ, посовѣтуйте Ваше Величество еще съ своими министрами. Ихъ совѣты помогутъ вамъ, что вы получите благополучной успѣхъ въ вашихъ намѣренїяхъ; въ рѣкахъ умножается вода

отъ

отъ ручьевъ. Что до меня касается, я не люблю ни войны ни безпокойствъ, но не могу и того снесть, чтобъ отъ слабости непріятелю покориться. Честные люди недолжны желать долговременной жизни какъ только для того, чтобъ потомкамъ оставить примѣры добродѣтели и храбрости достойные удивленія. Попеченіе о своей жизни надлежитъ имѣть съ тѣмъ только; чтобъ оную употребить вѣслучаяхъ, когда честь того потребуетъ; лучше не родиться, нежели жить безславно, и такъ я не совѣтую Вашему Величеству въ семъ обстоятельствѣ показывать робость: но вы должны совѣтовать съ немногими, что бы непріятели не могли узнать вашего намѣренія.

Въ семъ мѣстѣ нѣкоторой министръ перервалъ рѣчь Кархенаса, и сказалъ ему, что ты думаешь? Для чего совѣты бываютъ, не для того ли, что бы со многими разсуждать о важныхъ дѣлахъ? и для чего ты желаешь, что бы совѣтъ такой важности происходилъ въ кабинетѣ, гдѣ бы никого не было? Царскія дѣла, отвѣтствовалъ Кархенасъ, не таковы, какъ ку-

купеческие, которые сообщаются всему обществу; а государевы тайности ни чрезъ кого открыты быть не могутъ, какъ чрезъ ихъ совѣтниковъ или пословъ. Почему ты знаешь, можетъ быть и здѣсь есть шпіоны, которые насъ слушаютъ, чтобъ увѣдомить непріятелей о нашихъ предпріятіяхъ, кои по ихъ извѣстіямъ или предупредятъ насъ въ нашихъ намѣреніяхъ, или по крайней мѣрѣ оныя уничтожатъ? разумные люди говорятъ: ежели ты хочешь хранить тайность, то оной никому не открывай; въ противномъ случаѣ преданъ будешь, какъ Царь Кешмирской. Биру, которой былъ очень любопытенъ, просилъ Кархенаса, чтобъ разсказалъ ему сіе приключеніе.

БАСНЯ L.

О Царѣ и его любовницѣ.

Въ городѣ Кешмирѣ владѣлъ нѣкогда Царь, которой былъ какъ справедливъ, такъ и силенъ. У помянутаго Государя была любовница такой чрезвычайной красоты, что никто не могъ увидя ее не влюбиться. Царь такъ былъ

сею плѣненъ, что непрестанно желалъ ее видѣть; но она Царя несравненно меньше любила, нежели какъ онъ пылалъ къ ней любовїю; однакожъ по елику сердце здѣлано для любви, то она чрезвычайно горячую любовь почувствовала къ одному пажу, которой былъ удивительной красоты. Она своимъ прелестнымъ взоромъ тотчасъ дала ему знать, что его любитъ. А пажъ своими взглядами показалъ, что она не могла найти человѣка, которой бы лучше могъ пользоваться столь великимъ благополучїемъ. Словомъ, они все имѣли кромѣ случая на единѣ разговаривать, и удоволствовать свое желанїе для великихъ препятствїй. Въ нѣкоторой день, какъ Царь сидѣлъ возлѣ своей любовницы, и смотрѣлъ на нее съ чрезмѣрною прїятностїю, пажъ, которой по случаю сѣлъ въ томъ же покоѣ, по часту обращалъ свой взоръ на сїю прїятную и любви достойную красавицу, а она съ своей стороны на него взирала воспаленнымъ видомъ, такъ что Царь оное примѣтилъ. Онъ ясно понялъ сей нѣмой языкъ, и въ такое пришолъ сердце, и возъимѣлъ такую ревность,

что вздумалъ обѣихъ предать смерти; однакожъ скрывая свое намѣренїе, потому что не хотѣлъ поступить скоропостижно и безъ разсужденїя, пошелъ въ свой кабинетъ, и препроводилъ ночь въ весьма непрїятномъ и безпокойномъ размышленїи. По утру допустилъ онъ на аудїэнцїю народъ, и здѣлавъ удовольствїе своимъ подданнымъ, которые его просили, вошелъ въ свой кабинетъ, куда призвавъ своего Визиря, открылъ свое намѣренїе, которое состояло въ томъ, чтобъ отравить ядомъ пажа и свою любовницу. Визирь выслушавъ причину, похвалилъ его намѣренїе, и обѣщаясь хранить сїю тайну возвратился домой, гдѣ дочь свою нашелъ въ великой печали, и спросилъ у ней о причинѣ. Дражайшїй родитель! отвѣтствовала ему дочь, Царская любовница обидѣла меня безъ причины; сїе мнѣ прискорбно; и ежели я не получу отмщенїя, то васъ увѣряю, что сама собою исполню свое намѣренїе. Не печалься, дочь моя! отвѣтствовалъ ей отецъ, ты отъ нее скоро избавишься.

Какъ

Какъ женщины обыкновенно любопытны, то дочь такъ усердно просила своего отца объявить ей, какимъ образомъ отмститъ она ея непрiятельницѣ, что принужденъ онъ былъ открыть ей повѣренную отъ Царя тайну. Она дала ему присягу, что никому того не откроетъ; но часъ или два спустя евнухъ Царской любовницы пришелъ къ Визирской дочери, и утѣшалъ ее, что надлежитъ сносить пороки своего ближняго. Скоро, перервала она рѣчь его, съ веселымъ видомъ, скоро не буду ее больше бояться. Онъ столь пристально просилъ ее, чтобъ она ему сiе изъяснила, что не могла больше тому противиться. Она разсказала ему все, что отецъ ей говорилъ, и взяла съ него также присягу, что онъ ненарушимо хранить будетъ сiю тайну. Но евнухъ, какъ скоро отъ нея вышелъ, подумавъ, что больше обязанъ нарушить клятву, нежели хранить оную тайну, пошелъ къ Царской любовницѣ, и увѣдомилъ ее о принятомъ жестокомъ Царскомъ намѣренiи. Ей больше сего не надобно было знать,

ибо она всѣ свои силы употребила къ тому, чтобъ предупредить въ томъ Царя. Она тайнымъ образомъ послала по пажа, съ которымъ приняла такія мѣры, что на другой день по утру нашли Царя на постелѣ мертваго. Видите изъ сего примѣра, продолжалъ Кархенасъ, что Цари должны открывать свои тайности такимъ только людямъ, которыхъ вѣрность совершенно ужѐ извѣдали. Но какія еще тайности, спросилъ биру, надлежитъ наипаче скрывать? Всемилостивѣйшій Государь, отвѣтствовалъ Кархенасъ, есть тайности такова свойства, что Цари сами только должны знать, т. е. такъ оныя надлежитъ имѣть сокровенны, чтобъ никто не могъ оныя вѣдать; есть и такія, кои могутъ открывать своимъ вѣрнѣйшимъ министрамъ, и о которыхъ могутъ съ ними совѣтовать. биру усмотрѣвъ, что рѣчи Кархенасовы были весьма благоразумны, заперся съ нимъ въ своемъ кабинетѣ, и по довольномъ разсужденіи о дѣлѣ, о коемъ происходилъ совѣтъ, просилъ его, чтобъ расказалъ ему пагубное начáло не-

навısти

навистти между воронами и совами. Всемилостивѣйшій Государь! одно только слово произвело сію вражду, отъ которой видѣли мы столь ужасныя дѣйствія.

БАСНЯ LI.

О началѣ ненависти между воронами и совами.

Нѣкогда собралось великое множество птицъ, для избранія себѣ Царя. Всякой родъ желалъ получить корону. Напослѣдокъ многія птицы согласились избрать сову; но другія не хотя повиноваться толь слабой птицѣ, перервали сеймъ, и другъ на друга возстали съ такимъ бѣшенствомъ, что многія были убиты. Сраженіе долго бы продолжилось, ежели бы для прекращенія онаго нѣкоторая птица не закричала бьющимся, чтобъ они биться перестали, и чтобъ прилетѣвшаго ворона взяли въ судьи. Всѣ птицы единодушно на то согласились; и какъ воронъ прилетѣлъ, и увѣдомился о причинѣ ихъ расприи, то началъ къ нимъ говорить слѣдующимъ образомъ: Не глупы ли вы, что хотите избрать себѣ Царемъ

такую

такую птицу, которая всякое неблагополучие въ себѣ заключаетъ? Вы на мѣсто грифа * хотите опредѣлить муху? Для чего не изберете лучше сокола, которой храбръ и разуменъ, или павлина имѣющаго столь величественной видъ? Для чего не возведете на престолъ орла, котораго видъ столь благополученъ, что по оному возводятъ въ Цари; или напослѣдокъ грифа, отъ коего одного полету трясутся горы? Ежели бы сихъ птицъ, о которыхъ я упомянулъ, не было въ свѣтѣ, то бы еще лучше жить безъ Царя, нежели быть подданными толь гнусному животному, какова есть сова; ибо не упоминая, что имѣетъ кошечей видъ, и глупа, то всего несноснѣе, что она не смотря на свой гнусной видъ, еще горда; а напослѣдокъ презрѣнія достойна для того, что ненавидитъ оное прекрасное свѣтило, которое всю натуру оживотво-

* птица больше орла, имѣетъ 4 ноги, съ головы похожа на орла, съ зади на льва, спина у ней черная, бока красные, крылья бѣлыя; въ прочемъ она баснословная птица.

вотворяетъ. И такъ оставте толь предосудительное намѣренїе, и не предпринимайте ничего, о чемъ бы послѣ вамъ раскаиваться должно было. Изберите себѣ такова Царя, которой бы облегчилъ васъ въ вашихъ нуждахъ. Приведите себѣ на память того кролика, которой назвавшись посломъ отъ Луны, изгналъ слоновъ изъ своего отечества.

БАСНЯ LII.

О слонахъ и кроликахъ.

Въ землѣ, въ коей слоны жили, а именно на островахъ Радскихъ, случился такой жаркой и сухой годъ, что будучи не въ состоянїи найти воды, пришли къ своему Царю, представляя ему, дабы онъ, ежели не хочетъ, что бы всѣ погибли, употребилъ противъ того надлежащую предосторожность. Царь тотчасъ приказалъ вездѣ искать воды, и напослѣдокъ нашли источникъ живой воды, которую древнїе прозвали Шашмамагомъ, т. е. источникомъ Луны. Царь со всею своею армїею расположился около того источника. Пришествїе слоновъ привело въ отчаянїе велико[е]

ликое множество кроликовъ, у которыхъ были тамъ норы, ибо слоны на каждомъ почти шагѣ давили кроликовъ.

Нѣкогда кролики собравшись пошли къ своему Царю, и просили его, чтобъ избавилъ ихъ отъ сего утѣсненія. Я вѣдаю, отвѣтствовалъ имъ Царь, что возведенъ я на престолъ для общаго благополучія, и для облегченія моихъ подданныхъ; но вы требуете отъ меня такой вещи, которая превосходитъ мои силы. Однако подумайте между собою о средствѣ; я всѣ свои силы употреблю къ произведенію онаго въ дѣйство. Одинъ весьма хитрой кроликъ, видя Царя своего въ великомъ смущеніи о печали, въ которой народъ его находился, подошедъ къ нему сказалъ: Всемилостивѣйшій Государь! Ваше Величество поступаете такъ, какъ должно справедливому Царю, когда стараніе о нашемъ спокойствіи васъ безпокоитъ, и когда позволяете намъ объявлять наше мнѣніе; сіе ободряетъ меня увѣдомить Ваше Величество о способѣ, которой мнѣ на умъ пришолъ, чтобъ выгнать слоновъ изъ сей земли. Все-

милости-

милостивѣйшій Государь! продолжалъ онъ, позвольте мнѣ отправиться къ Царю надъ слонами въ посольскомъ чинѣ; вы можете со мною послать кого нибудь, которой бы увѣдомилъ васъ о всемъ, что происходить будетъ. Не надобно, отвѣтствовалъ Царь милостивымъ образомъ; я не желаю, что бы кто присматривалъ за твоими поступками, ибо я тебя почитаю за вѣрнаго слугу; поди съ богомъ, и дѣлай все, что ты заблаго разсудишь; только содержи въ памяти то, что Посолъ есть языкъ Царской; рѣчамъ его должно быть важнымъ и разсудительнымъ; мыслямъ столь же благороднымъ и высокимъ, какъ и его достоинство; ибо онъ представляетъ лице своего Государя: въ Послы надлежитъ избирать самыхъ разумныхъ людей изъ своего государства. Слыхалъ я, что нѣкоторой великой Государь часто принималъ на себя разные виды и самъ скрытно ѣзжалъ Посломъ. Для отправленія сего достоинства надлежащимъ образомъ, долженъ онъ имѣть слѣдующія качества: Твердость

К духа

духа, краснорѣчїе и великое просвѣщенїе разума, которымъ бы могъ обьять безчисленное множество вещей. Горячей и вспыльчивой нравъ къ сему достоинству не способенъ. Многїе Послы однимъ только грубымъ словомъ причинили немалое безпокойство своему государству; напротивъ того другїе кроткими и прїятными рѣчьми соединяли непримиримыхъ непрїятелей. Всемилостивѣйшїй Государь! отвѣтствовалъ кроликъ, есть ли бы я не одаренъ былъ всѣми тѣми качествами, о которыхъ Ваше Величество упомянули, то бы я по крайней мѣрѣ сталъ стараться оныя имѣть притворнымъ образомъ. Сказавъ сїе простился онъ съ Царемъ, и отправился къ слонамъ. Но прежде своего къ нимъ прибытїя разсудилъ онъ, что ежели между ими замѣшается, то его раздавятъ, такъ какъ и его товарищей; чего ради взошедъ на высокое мѣсто, позвалъ оттуду Царя надъ слонами, которой не далеко отъ того мѣста находился. Я, говорилъ онъ ему, посолъ отъ Луны; слушай что она приказала тебѣ объявить. Ты вѣдаешь, что Луна

есть

есть богиня, которой власть неограничена, и что она ложь больше всего ненавидитъ. Царь надъ слонами слыша такія рѣчи, пришелъ въ великой страхъ, и сказалъ ему, чтобъ объявилъ притчину своего посольства. Луна, отвѣтствовалъ кроликъ, послала меня сюда объявить вамъ, что кто возносится своимъ величествомъ, и презираетъ малыхъ, достоинъ смертной казни. Вы не довольны тѣмъ, что утѣсняете малыхъ, вы дерзаете еще мутить источникъ Лунѣ посвященной, въ которомъ все чисто. Я объявляю вамъ, чтобъ вы исправились; въ противномъ случаѣ безъ всякаго сомнѣнія наказаны будете. Ежели словамъ моимъ не вѣрите, то подите посмотрите Луну въ ея источникѣ, а потомъ отсюда удалитесь. Царь слоновъ чрезвычайно удивился симъ словамъ, и тотчасъ пошелъ къ источнику, въ которомъ дѣйствительно увидѣлъ Луну, потому что вода была очень чиста. Кроликъ сказалъ слону: возьми воды и умойся, и принеси свою молитву. Слонъ взялъ воды; но оную такъ взмутилъ, что

луны стало не видно. беззаконной! сказалъ тогда кроликъ, ты приближился къ источнику не съ великимъ благоговѣнїемъ, и для того богиня разгнѣвалась. Поди отсюда скоряе со всемъ твоимъ войскомъ, что бы съ тобою не воспослѣдовало какое нещастїе. Царь слоновъ устрашился сихъ угрозъ, и съ великимъ трепетомъ приказалъ всему своему войску выступить оттуда, что оно и дѣйствительно исполнило. Такимъ образомъ кролики хитростїю одного своего товарища избавились отъ своихъ непрїятелей.

Сей примѣръ привелъ я для того, чтобъ вамъ показать, что надлежитъ избирать Царя разумнаго и искуснаго, которой бы защищалъ васъ въ нещастныхъ случаяхъ, а не сову, у коей нѣтъ ни храбрости ни разума. Она имѣетъ одну только злобу, которая для васъ будетъ пагубна, какъ кошка бѣдственна для куропатки, коя просила ее, чтобъ она разсудила ссору, которую имѣла съ другою птицею.

БАСНЯ LIII.

О кошкѣ и куропаткѣ.

Нѣкогда свилъ я себѣ, продолжалъ воронъ, гнѣздо на деревѣ, у котораго жила куропатка изряднаго виду и нраву. Мы заключили между собою дружество, и часто разговаривали. Она, не вѣдаю для какой причины, отбыла отъ меня и долгое время не являлась, такъ что я почелъ ее за мертвую; однако она возвратилась, но увидѣла, что гнѣздо ея заняла другая птица, и хотѣла ее выгнать, но птица тому противилась, объявляя, что владѣнїе ея справедливо. Куропатка съ своей стороны̀ требовала, чтобъ возвращено ей было собственное ея имѣнїе, и почитала оное владѣнїе за недѣйствительное. Я тщетно старался ихъ примирить. Напослѣдокъ куропатка сказала: Не далеко отсюда живетъ кошка весьма благочинная, которая постится всякой день, никому худа не дѣлаетъ, и препровождаетъ ночи въ молитвахъ; мы не можемъ найти справедливѣйшаго судьи. Другая пти-

ца на то согласилась, и обѣ пошли къ честной кошкѣ. Любопытство принудило меня за ними слѣдовать. Вошедъ увидѣлъ я кошку стоящую съ великимъ благоговѣнїемъ на молитвѣ, и неоглядывающуюся ни на которую сторону, что мнѣ привело на память сїю старую пословицу: что *долгая молитва позсылаемая при людяхъ, есть ключь къ аду.* Я удивлялся сему притворству, и съ терпѣнїемъ ожидалъ, пока сїя почтенная кошка окончила свою молитву. Потомъ куропатка и ея соперница подошли къ ней съ великимъ почтенїемъ, и просили ее, чтобъ выслушала ихъ споръ, и рѣшила оной по обыкновенному своему правосудїю. Кошка притворяясь безпристрастною, слушала жалобу птицы; потомъ обратясь къ куропаткѣ, сказала ей: Другъ мой! я ужѐ стара, и не слышу издали, подойди поближе, и говори громче, чтобъ мнѣ не пропустить ни одного слова, что ты говорить будешь. Куропатка и другая птица подошли къ ней смѣло, видя ее столь благочинну; но она бросилась на нихъ, и обѣихъ съѣла.

Видите

Видите изъ сего примѣра, что никогда не должно вѣрить лукавцамъ, и слѣдовательно вы не вѣрьте совѣ, которая не лучше кошки, о коей я говорилъ. Птицы будучи увѣрены, что воронъ говоритъ настоящую правду, не думали больше о совѣ, которая оттуда ушла, помышляя отмстить ворону, къ коему возъимѣла такую ненависть, что оная отчасу больше умножалась.

Вотъ Ваше Величество, продолжалъ Кархенасъ, притчина вражды между нами и совами. Теперь, сказалъ вороней Царь, разсмотримъ мѣры, которыя должно принять, чтобъ отмстить за нанесенное мнѣ безчестіе. Кархенасъ превознесши сперьва Царя похвалами, началъ говорить слѣдующимъ образомъ: Всемилостивѣйшій Государь! я несогласенъ съ мнѣніемъ протчихъ вашихъ министровъ, кои желаютъ либо войны, либо бѣгства, либо поноснаго миру. Надобно слѣдовать сему правилу: когда силъ у насъ не достаетъ, то должно прибѣжище имѣть къ хитростямъ, и обманывать непріятеля, представляя ему одно вмѣсто друга-

го, какъ увидите изъ слѣдующаго примѣра:

БАСНЯ LIV.

О Дервишѣ и четырехъ ворахъ.

Нѣкоторой Дервишъ купилъ весьма жирнаго барана, въ томъ намѣренiи, чтобъ принесть его въ жертву. Привязавъ его веревкою повелъ къ своему монастырю. Четыре вора, которые онос видѣли, захотѣли у себя имѣть того барана, но не смѣли отнять у него силою, потому что недалеко были отъ города. Они употребили такую хитрость: разошлись въ разныя стороны, и какъ сходились изъ разныхъ мѣстъ, то къ Дервишу приходили одинъ за другимъ, и почли его за глупаго. Первой изъ нихъ сказалъ ему: батюшка! куда ты ведешь эту собаку? Другой пришедъ съ другой стороны закричалъ ему: Почтенный старикъ! гдѣ ты взялъ эту собаку? Напослѣдокъ третей спросилъ у Дервиша, не на охоту ли онъ идетъ съ такою изрядною собакою? и ужѐ бѣдной монахъ началъ сомнѣваться, что куп-

купленой баранъ, не вправду ли собака. Четвертой воръ привелъ разумъ его въ совершенное ужѐ замѣшательство сказавъ ему: скажи пожалуй, почтенный отецъ! что ты далъ за эту собаку? Дервишъ представляя себѣ, что четыре человѣка, кои приходили изъ разныхъ мѣстъ, не могутъ обмануться, подумалъ, что купецъ, которой продалъ ему барана, колдунъ, и обморочилъ его глаза̀, такъ что онъ, не вѣря своимъ глазамъ, остался въ томъ мнѣнїи, что баранъ собака, и возвратясь назадъ, чтобъ купца принудить отдать его деньги, оставилъ барана, котораго воры увели съ собою.

Всемилостивѣйшїй Государь! сказалъ Кархенасъ, видите изъ сего приключенїя, что чего не можно было здѣлать силою, оное произведено хитростїю. Но какой способъ, перервалъ рѣчь его Царь, можемъ мы вымыслить, чтобъ отмстить совамъ? Положите Ваше Величество, отвѣтствовалъ Кархенасъ, на меня старанїе объ отмщенїи. Прикажите только, сказалъ онъ, выщипать у меня всѣ перья, и оставить

въ крови на семъ деревѣ. Царь биру едва согласился на сїе повелѣнїе, которое казалось ему весьма жестокимъ. Между тѣмъ приказалъ то исполнить, а самъ съ армїею своею пошелъ ожидать Кархенаса на томъ мѣстѣ, которое ему сей усердной министръ назначилъ.

Ночь настала, и совы возгордясь побѣдою, которую въ прошедшую ночь одержали, приняли намѣренїе въ конецъ истребить ненавистной родъ вороновъ: но пришли въ крайнее удивленїе, когда не нашли непрїятеля, на котораго думали нечаянно учинить нападенїе. Онѣ тщетно искали его во всѣхъ сторонахъ, но только услышали жалостной голосъ. Это былъ Кархенасъ, которой лежа у дерева приносилъ жалобы. Совиной Царь подошелъ къ нему, и спросилъ, какой онъ природы, и въ какомъ чинѣ былъ при дворѣ у Царя биру. Кархенасъ отвѣтствовалъ на всѣ его вопросы: Я слыхалъ, что о тебѣ хорошо говорятъ, сказалъ ему совиной Царь; но скажи мнѣ, гдѣ вороны? Ахъ! сказалъ Кархенасъ, состоянїе, въ которомъ вы меня видите,

те, ясно показываетъ, что я не могу васъ о томъ увѣдомить. Какое преступленіе, сказалъ ему Хабагангъ, ты учинилъ, что приведенъ въ такое плачевное состояніе? Проклятые вороны, отвѣтствовалъ Кархенасъ, за малое подозрѣніе поступили со мною такимъ образомъ. По разбитіи нашей арміи, продолжалъ онъ, Царь биру собралъ свой совѣтъ, для изобрѣтенія средствъ къ отмщенію за толь кровопролитное пораженіе. Выслушавъ различныя мнѣнія нѣкоторыхъ своихъ министровъ, приказалъ и мнѣ объявить свое мнѣніе; я ему по справедливости объявилъ, что вы были не только въ большемъ числѣ, но и искуснѣе и храбрѣе, нежели мы; и слѣдовательно надлежитъ просить миру, и принять оной на какихъ бы то кондиціяхъ ни было. Царь на меня прогнѣвался, и сказалъ мнѣ: Предатель! ты презирая мои силы думаешь, что я боюсь своихъ непріятелей? А потомъ представя себѣ, будто я намѣренъ къ вамъ предаться, приказалъ мнѣ ощипать перья, и привесть въ такое состояніе, въ которомъ меня видите.

Какъ Карxенасъ окончалъ свою рѣчь, то совиной Царь спросилъ перьваго своего министра, что надлежитъ дѣлать съ Карxенасомъ? Надобно, отвѣтствовалъ министръ, избавить его отъ болѣзни, предавъ его смерти, и не вѣрить его словамъ, которыя можетъ быть и предательскія. Притомъ вспомните, Ваше Величество, оную старую пословицу: *Больше мертвыхъ, меньше непрїятелей.* Карxенасъ отвѣтствовалъ печальнымъ образомъ на его совѣтъ, которой былъ для него очень худъ: Мое нещастїе довольно ужѐ меня мучитъ, прошу не умножать онаго сими угроженїями. Совиной Царь, чувствуя о Карxенасѣ нѣкоторое сожалѣнїе, спросилъ другаго министра, и приказалъ ему объявить свое мнѣнїе. Сей министръ не одного былъ мнѣнїя съ перьвымъ. Всемилостивѣйшїй Государь! сказалъ онъ Царю, я бы не совѣтовалъ Вашему Величеству его умертвить. Цари должны защищать слабыхъ, и спомоществовать тѣмъ, кои въ руки ихъ отдаются. Сверьхъ того, продолжалъ онъ, можно иногда въ пользу упо-

требить и своихъ непрїятелей, какъ купецъ, о которомъ я разскажу исторїю Вашему Величеству:

БАСНЯ LV.

О купцѣ, его женѣ и ворѣ.

У нѣкотораго богатаго, но лицемъ дурнаго и собою непрїятнаго купца, была жена прекрасная и добродѣтельная. Онъ ее чрезвычайно любилъ, а она напротивъ того ненавидѣла его, такъ что не могла его сносить, и для того всегда спала особливо. Въ нѣкоторую ночь вошелъ къ нимъ въ покой воръ. Мужъ тогда спалъ, а жена, которая еще не спала, увидя вора пришла въ такой страхъ, что побѣжавъ обняла своего мужа. Онъ проснулся, и былъ отъ радости внѣ себя; видя, что его жена обняла, закричалъ: боже мой, кому я долженъ приписать столь рѣдкое благополучїе! желалъ бы я знать, кто тому причиною, чтобъ ему за то возблагодарить. Едва только сїи слова выговорилъ, какъ увидѣлъ вора. Ахъ! какъ я тебѣ радъ,

сказалъ ему; возьми все, что тебѣ угодно; я не могу довольно заплатить за изрядную услугу, которую ты мнѣ оказалъ.

Изъ сего примѣра можно видѣть, что и непріятели служатъ намъ иногда къ пріобрѣтенію вещи, которую мы часто тщетно стараемся получить посредствомъ нашихъ друзей. Такъ равномѣрно и воронъ намъ можетъ быть полезенъ; чего ради надлежитъ сохранить его жизнь. И въ семъ состоитъ мое мнѣніе. Царь спросилъ третьяго министра, которой отвѣтствовалъ: Всемилостивѣйшій Государь! не только не должно предавать смерти сего ворона, но еще обязать его благодѣяніями, чтобъ онъ оказалъ намъ со временемъ важныя услуги. Разумные люди всегда стараются привлечь къ себѣ кого нибудь изъ своихъ непріятелей, чтобъ употребить его противъ другихъ, а напослѣдокъ пользоваться ихъ несогласіями. Споръ, которой діаволъ имѣлъ съ воромъ, былъ причиною, что ни тотъ ни другой не могъ вредить весьма добродѣтельному Дервишу. Шабаганкъ желалъ слышать сію басню,

сию, чего ради министрѣ началѣ оную разсказывать слѣдующимѣ образомѣ:

БАСНЯ LVI.

О Дервишѣ, ворѣ и дiаволѣ.

Около Вавилона жилѣ нѣкогда Дервишѣ, которой велѣ себя какѣ надлѣжитѣ истинному слугѣ божїему. Онѣ питался однимѣ подаянїемѣ мiрскимѣ, а впротчемѣ полагался на провидѣнїе божїе не мѣшаясь вѣ свѣтскiя дѣла. Нѣкоторой его прiятель прислалѣ ему однажды жирнаго быка. Ворѣ видя, какѣ его кѣ нему вели, захотѣлѣ украсть его, во что бы ни стало. Идучи вѣ монастырь встрѣтился онѣ сѣ дiаволомѣ вѣ видѣ человѣческомѣ, котораго спросилѣ онѣ, кто онѣ таковѣ, и куда идетѣ? Дiаволѣ ему отвѣтствовалѣ, я бѣсѣ, которой принялѣ на себя видѣ человѣческой, какѣ ты самѣ видишь; я иду вѣ этотѣ монастырь убить монаха, которой тамѣ живетѣ, потому что его примѣрѣ много мнѣ вредитѣ, ибо онѣ

безза-

беззаконныхъ людей дѣлаетъ честными. Я намѣренъ, продолжалъ дїаволъ, его умертвить для того, что по сїе время мои покушенїя были тщетны. Но скажи ты мнѣ также, кто ты таковъ, и куда идешь? Я, отвѣтствовалъ воръ, знатной воръ, и иду въ этотъ монастырь, какъ и ты, чтобъ увесть тучнаго быка, коего дали тому монаху, котораго ты убить хочешь. Во время сихъ разговоровъ пришли они въ монастырь. Ночь клонилась уже къ половинѣ; и Дервишъ прочитавъ обыкновенныя свои молитвы легъ спать. Какъ воръ и дїаволъ готовились исполнить свое намѣренїе; то воръ сказалъ самъ въ себѣ: когда дїаволъ начнетъ умерщвлять монаха, то онъ закричитъ, такъ что сосѣди прибѣгутъ на крикъ, и воспрепятствуютъ мнѣ увесть быка. Дїаволъ съ своей стороны разсуждалъ самъ въ себѣ такимъ образомъ: когда воръ пойдетъ брать быка, прежде нежели я исполню свое намѣренїе, то отъ стуку, которой произойдетъ, какъ онъ будетъ отворять дверь, монахъ пробудится, и употребитъ осторожность. Чего ради сказалъ онъ

разбой-

разбойнику: дай мнѣ сперьва убить Дервиша, а потомъ можешь ты свободно увесть быка. Постой лучше ты, отвѣтствовалъ воръ, пока я уведу быка, а послѣ ужè убьешь монаха. Одинъ не хотя уступить другому, начали между собою браниться, а потомъ дѣло дошло и до драки. Воръ видя, что онъ не столь силенъ какъ дïаволъ, началъ кричать Дервишу: доброй человѣкъ! вотъ дïаволъ, которой хочетъ тебя убить. Дïаволъ видя, что ему скрыться ужè невозможно, закричалъ: а ты воръ, ты хочешь увесть быка! Монахъ проснувшись отъ сего крику, позвалъ своихъ сосѣдей, что принудило вора и дïавола бѣжать. Такимъ образомъ монахъ спасъ и свою жизнь и быка.

Перьвой министръ слыша сïю басню, пришелъ въ великое сердце, и сказалъ Царю: я совершенно вижу, что васъ обманетъ сей воронъ, какъ столяра обманула жена. Разскажи намъ это приключенïе, сказалъ Шабагангъ.

БАСНЯ LVII.

О столярѣ и его женѣ.

Всемилостивѣйшїй Государь! отвѣтствовалъ министръ, въ городѣ Серандибѣ былъ столяръ преискусной. Жена у него была такая красавица, что казалось, будто бы солнце отъ очей ея занимало свою ясность. Мужъ такъ любилъ ее, что приходилъ въ отчаянїе, когда принужденъ былъ отъ нея удалиться на нѣсколько времени. Оная жена столь была хитра, что мужа убѣдила вѣрить, будто она одного только его любитъ, хотя у нее и много было любовниковъ, коихъ она не отвергала. Въ сосѣдствѣ жилъ молодецъ весьма изрядной, въ коего она такъ влюбилась, что прочихъ своихъ любовниковъ болѣе терпѣть не могла. Они всѣ такую возъимѣли ревность, что увѣдомили о семъ обхожденїи столяра. Мужъ не хотѣлъ ничему вѣрить, пока самъ совершенно удостовѣренъ не будетъ. А что бы узнать сущую правду, которую онъ

вѣдать

вѣдать опасался, притворился, будто намѣренъ отправиться не въ дальней путь, и взявъ нѣсколько запасу, сказалъ своей женѣ: что по правдѣ путь не очень далекъ, однако прежде двухъ или трехъ дней возвратиться не можетъ, и ему сїе весьма прискорбно, потому что чрезъ оное время ее не увидитъ. Жена также печалилась о его отсудствїи, и еще плакала; но сїе происходило больше отъ радости, нежели отъ печали. Она приготовила все, что надобно было въ дорогу ея мужу, которой, чтобъ лучше скрыть свое намѣренїе, приказалъ ей покрѣпче запереть ворота, будто опасаясь, что бы въ его небытность воры не покрали чего изъ дому. Она обѣщалась о всемъ имѣть крайнее старанїе, и не переставала печалиться объ отъѣздѣ своего мужа; но какъ скоро онъ выѣхалъ, то дала знать своему любовнику, чтобъ онъ къ ней пришелъ. Онъ не преминулъ то здѣлать; но въ то самое время, какъ они сидѣли вмѣстѣ, то столарь возвратясь домой, вошелъ въ покои, такъ что

никто

никто не видалъ, и спрятался въ уголъ, чтобъ примѣчать ихъ дѣйствія.

Между тѣмъ любовникъ показывалъ ей пріятные знаки любви, которые она принимала съ удовольствіемъ. Послѣ сего они ужинали, и наконецъ раздѣвшись легли на постелю. Столарь, которой по то самое время не могъ ничего примѣтить, что бы могло его убѣдить, что жена ему не вѣрна, подошелъ весьма тихо, чтобъ застать ихъ въ самомъ дѣлѣ; но жена примѣтя его, сказала своему любовнику, чтобъ онъ ее спросилъ, кого она больше любитъ, его ли или своего мужа. Любовникъ тотчасъ спросилъ ее очень громко: меня ли ты любишь больше или своего мужа? Для чего ты меня о томъ спрашиваешь, отвѣтствовала она? развѣ ты не знаешь женщинъ, что когда онѣ оказываютъ любовь другому, кромѣ своего мужа, то дѣлаютъ онѣ для собственнаго своего удовольствія; а когда онѣ страсть свою удовлетворятъ, то больше о томъ ужѐ и не думаютъ. Что до меня касается, я почти боготворю своего

его мужа; онъ у меня всегда въ сердцѣ; и по моему мнѣнїю жена недостойна жить на свѣтѣ, когда она мужа своего не больше любитъ, нежели сама себя. Сїи слова нѣсколько увеселили столяря, которой самъ себя поносилъ за худое мнѣнїе, которое имѣлъ онъ о своей женѣ; и преступленїе, которое она теперь здѣлала, сказалъ самъ въ себѣ, должно приписать моей небытности и слабости ея полу. Самой воздержной человѣкъ иногда погрѣшаетъ или дѣломъ, или намѣренїемъ; и такимъ образомъ, когда она меня столько любитъ, что я ее прощаю въ преступленїи, и не хочу у нея отнять ни одной минуты ея веселїя. Послѣ сихъ разсужденїй добродѣтельный мужъ залѣзъ опять въ уголъ, и далъ имъ ночь препроводить по ихъ изволенїю. Любовникъ очень рано вышелъ, а жена осталась на постелѣ притворясь, будто спитъ; мужъ подошелъ тогда къ ней, и началъ ее обнимать. Она отворила глаза, и показывая, будто она пришла въ удивленїе, сказала своему мужу: Ахъ мое сердце! когда ты возвратился?

тился? Вчерась въ вечеру, отвѣтствовалъ мужъ, но я не хотѣлъ обидѣть того молодца, которой лежалъ съ тобою, потому что ты обо мнѣ тогда думала, когда принимала отъ него любовные знаки, чего бы ты не здѣлала, ежели бы не думала, что меня нѣтъ. Послѣ сихъ прiятныхъ словъ жена просила у него прощенiя, и удовольствовала его обманами и ложными знаками своей къ нему любви.

Сей примѣръ показываетъ вамъ, что не должно плѣняться прiятными и красными словами. Непрiятели, когда не могутъ получить своего намѣренiя силою, имѣютъ прибѣжище къ хитростямъ, и уничижаются, чтобъ обмануть. Кархенасъ въ семъ мѣстѣ закричалъ: О ты! которой язвишь меня своими словами, для чего ты столь много безполезнаго говоришь, для умноженiя моего злополучiя? Какой видъ предательства находишь ты въ израненомъ, какъ я? Какой дуракъ можетъ сносить столько злощастiя, чтовъ другому здѣлать добро? Въ томъ состоитъ твоя хитрость, отвѣтствовалъ министръ.

нистрЪ. Отмщенїе, о которомЪ ты помышляешь, принуждаетЪ тебя терпѢливно сносить болѢзни. Ты хочешь симЪ прославиться, какЪ обезьяна, которая жизнь свою посвятила за избавленїе отечества. Я нижайше прошу Ваше Величество выслушать сїю исторїю:

БАСНЯ LVIII.

О обезьянахЪ и медвѢдяхЪ.

Великое множество обезьянЪ жили вЪ нѢкоторой весьма прїятной землѢ, и преисполненной всякими плодами. МедвѢдь, идучи по случаю мимо, и разсматривая прекрасное сїе жилище, и разсуждая о спокойной жизни обезьянЪ, сказалЪ самЪ вЪ себѢ: Это несправедливо, чтобЪ сїи малыя животныя были столь благополучны, а я бы бѢгалЪ по лѢсамЪ и по горамЪ, что бы найти чего нибудь наѢсться. ВЪ то самое время пошелЪ онЪ кЪ обезьянамЪ, и сЪ великаго сердца нѢсколько изЪ нихЪ убилЪ; но онѢ всѢ бросились на него; и какЪ ихЪ чрезвычайное множество было, то онѢ изодрали его до крови, такЪ

что

что онъ съ великимъ трудомъ избавился. Такимъ образомъ будучи наказанъ за свою дерзость, побѣжалъ на гору, гдѣ такой ревъ поднялъ, что на оной збѣжалось множество медвѣдей, которымъ разсказалъ свое нещастіе. Они всѣ надъ нимъ смѣялись: ты превеликой трусъ, говорили ему, что изобидѣли тебя такія малыя животныя; однако не должно сносить сего поношенія, и мы должны отмстить защищая честь нашей природы. И дѣйствительно при наступленіи ночи сошли они всѣ съ горы, и пошли на обезьянъ, которыя со всѣмъ не чаяли сего нападенія. Онѣ всѣ ужѐ разошлись, и успокоились, но въ то время окружены были отъ медвѣдей, кои часть изъ нихъ побили; а остальные спаслись бѣгствомъ въ великомъ безпорядкѣ. Сіе мѣсто такъ показалось медвѣдямъ, что они изобрали оное своимъ жилищемъ. Они поставили надъ собою Царемъ того, котораго обезьяны изодрали; а послѣ сего начали ѣсть припасы собранные обезьянами.

На другой день по утру Царь обезьянъ, не вѣдая ничего о семъ безпорядкѣ,

порядкѣ, потому что цѣлые два дни былъ на охотѣ, возвратясь домой увидѣлъ многихъ изувѣченныхъ обезьянъ, которыя ему разсказали все, что въ прошедшей день происходило. Царь, услышавъ сїю печальную вѣдомость, началъ плакать и сожалѣть о великомъ сокровищѣ, котораго онъ лишился, обвиняя небо въ неправосудїи, и щастїе въ непостоянствѣ. Кромѣ того подданные его неотступно требовали отмщенїя, такъ что сей бѣдной Царь не зналъ, какїя принять мѣры. Между прочими собравшимися обезьянами находилась одна называемая Мемонъ, которая была самая остроумная и разсудительная изъ всего двора, и любимая у Царя. Мемонъ, видя своего государя въ великой печали, и товарищей своихъ въ унынїи, пошелъ къ нимъ, и сказалъ: разумные люди никогда не вдаются въ отчаянїе, которое есть дерево приносящее худые только плоды; а напротивъ того терпѣнїе находитъ всякїе способы къ избавленїю себя отъ самыхъ ужасныхъ бѣдствїй. Царь, котораго сїи рѣчи весьма успокоили, сказалъ Мемону:

какимъ образомъ можемъ мы съ честїю избавиться отъ толь великой опасности. Мемонъ просилъ Его Величество, чтобъ допущенъ былъ на тайную аудїэнцїю, на которой будучи говорилъ рѣчь слѣдующаго содержанїя: Всемилостивѣйшїй Государь! жена моя и дѣти побиты оными тираннами, чего ради разсудите о моей болѣзни, что я на вѣки лишенъ той прїятности, которою наслаждался съ моею фамилїею. Я принялъ намѣренїе умереть, чтобъ окончать мою несносную горесть; но притомъ желаю, чтобъ моя смерть была пагубна моимъ непрїятелямъ. Мемонъ, сказалъ ему Царь, отмщенїя надъ своими непрїятелями обыкновенно желаютъ для того, чтобъ доставить себѣ покой, или совершенное удовольствїе; но когда ты умрешь, то что тебѣ будетъ пользы, войну ли будутъ безъ тебя имѣть или миръ? Всемилостивѣйшїй Государь! отвѣтствовалъ Мемонъ, въ такомъ будучи состоянїи, въ какомъ я нахожусь, жизнь всякому была бы несносна, чего ради я съ удовольствїемъ жизнь мою приношу

шу въ жертву за благополучїе моихъ товарищей. Вся милость, о которой я прошу Ваше Величество, состоитъ въ томъ, чтобъ воспомянули о моемъ великодушїи, когда обратно получите ваше государство. Прикажите, говорила обезьяна, отрѣзать мнѣ уши, вырвать зубы, и обрубить ноги, и бросить въ лѣсу, гдѣ мы прежде жили. Вы удалитесь отсюда съ остальными своими подданными на два дни, а на третей день можете возвратиться въ свой дворецъ, потому что тамъ не будутъ больше непрїятели. Царь съ великимъ сожалѣнїемъ приказалъ исполнить, чего желалъ Мемонъ, и оставилъ его въ лѣсу, гдѣ во всю ночь приносилъ плачевнѣйшїя жалобы.

Какъ день насталъ, то медвѣжей Царь, услышавъ Мемоновъ голосъ, пошелъ къ нему. Видя бѣдную обезьяну въ толь жалостномъ состоянїи, пришелъ въ крайнее сожалѣнїе, и не смотря на свой свирѣпой нравъ, спросилъ ее, кто съ нею поступилъ столь немилосердо, кто она такова? Мемонъ разсуждая по виду, что съ нею говоритъ мед-

вѣжей Царь, засвидѣтельствовала ему свое почтенiе, и сказала: Всемилостивѣйшiй Государь! я Визирь Царя надъ обезьянами, была съ нимъ на охотѣ, и какъ по возвращенiи нашемъ увѣдомились мы о раззоренiи, которое Ваше Величество причинили въ нашихъ домахъ, то онъ взялъ меня одного, и спрашивалъ, что бы надлежало дѣлать въ такомъ обстоятельствѣ. Я ему отвѣтствовалъ безъ всякаго сомнѣнiя, что надлежитъ отдаться подъ ваше покровительство, что бы жить въ совершенномъ покоѣ. Царь, мой государь, говорилъ множество поносныхъ рѣчей противъ Вашего Величества, что было причиною, что я возъимѣлъ смѣлость представить, что вы Царь увѣнчанный славою, и несравненно его сильняе; онъ такъ на меня разгнѣвался за мою дерзость, что тотчасъ приказалъ меня привесть въ такое плачевное состоянiе, въ которомъ вы видите; а потомъ сказалъ мнѣ съ великимъ гнѣвомъ: поди къ моимъ непрiятелямъ, потому что ты держишь ихъ сторону; я посмотрю какъ они за

тебя

тебя отмстять. Послѣ сего приказалъ меня вынесть на сїе мѣсто. Мемонъ, какъ только окончалъ свою рѣчь, началъ проливать слезы, такъ что медвѣжей Царь пришелъ въ сожалѣнїе, и не могъ также отъ слезъ удержаться. Онъ спросилъ Мемона, гдѣ обезьяны? Въ степи называемой Мардазмай, отвѣтствовалъ онъ, гдѣ собираютъ многочисленную армїю; и я не сомнѣваюсь, что онѣ скоро придутъ противъ васъ. Медвѣжей Царь пришедъ въ страхъ отъ сего извѣстїя, спросилъ Мемона о средствахъ, чтобъ защититься отъ предпрїятїй обезьянъ. Ваше Величество не опасайтесь, отвѣтствовалъ Мемонъ; ежели бы у меня ноги не обрублены были, то бы я пошелъ съ малымъ числомъ вашихъ подданныхъ, и обратилъ бы въ бѣгъ всѣхъ обезьянъ. Я не сомнѣваюсь, сказалъ Царь, что тебѣ знакомы приступы къ ихъ лагерю; поведи насъ туда, гдѣ онѣ, мы за то будемъ тебѣ благодарны, и отмстимъ за ихъ варварство. Мнѣ сего здѣлать не возможно, отвѣтствовалъ Мемонъ, потому что я не могу ходить. Можно

но найти всему средство, сказалъ ему Царь, и я выдумаю какой нибудь способъ, чтобъ тебя вести. Въ то самое время собралъ онъ свою армію, и приказалъ ей быть въ готовности къ походу и къ сраженію. Они всѣ повиновались, и привязали Мемона вмѣсто предводителя на головѣ самаго большаго медвѣдя.

Мемонъ повелъ ихъ въ степь называемую Мардазмай, гдѣ вѣялъ заразительной вѣтеръ, и гдѣ солнечной жаръ столь былъ великъ, что не видно было тамъ ни одного животнаго. Когда медвѣди вошли въ сію смертоносную степь, то Мемонъ, чтобъ ихъ ввесть еще далѣе, побуждалъ ихъ итти скоряе, дабы захватить обезьянъ еще до свѣту. Они шли всю ночь, но на другой день по утру пришли въ крайнее удивленіе, увидя, что находятся въ такомъ пагубномъ мѣстѣ. Не только не видали они ни одной обезьяны, но и чувствовали, что отъ солнца воздухъ такъ сильно разгорячился, что птицы отъ несноснаго жару опалившись падали; и песокъ столь былъ горячь, что у медвѣдей ноги обжигало. Тогда Царь ска-

сказалъ Мемону, въ какую степь ты насъ завелъ, и какой разженной вихрь на насъ дуетъ? Обезьяна видя, что всѣ они скоро погибнутъ, говорила смѣло, и отвѣтствовала медвѣжьему Царю: Тираннъ! мы находимся въ смертоносной степи; этотъ вихрь, которой къ намъ приближается есть самая смертная язва, которая накажетъ тебя за твое тиранство Когда она такимъ образомъ говорила, то вихрь подулъ на нихъ, и они всѣ погибли. Два дни спустя Царь обезьянъ возвратился въ свой дворецъ, и не видя тамъ больше непрїятелей своихъ, началъ жить въ покоѣ съ своими обезьянами. Изъ сего примѣра видите Ваше Величество, что не должно вѣрить прїятнымъ и краснымъ словамъ своихъ непрїятелей. Надобно тому погибнуть, которой старается насъ погубить. Сїи рѣчи привели на гнѣвъ совинова Царя, которой Визирю своему сказалъ суровымъ образомъ: для чего ты стараешься воспрепятствовать, чтобъ к сему бѣдному не оказалъ своей милости? развѣ ты не знаешь, что можешь впасть въ такое же нещастїе,

какое съ нимъ воспослѣдовало? Въ то самое время приказалъ онъ своимъ лѣкарямъ пользовать Кархенаса, и имѣть объ немъ особливое старанїе. Кархенасъ поступалъ столь изрядно, что въ короткое время пришелъ въ любовь у всего двора. Совиной Царь возъимѣлъ къ нему особливую повѣренность, и ничего не предпринималъ безъ его совѣта. Въ нѣкоторой день Кархенасъ въ присудствїи великаго множества придворныхъ говорилъ къ Царю рѣчь слѣдующаго содержанїя: Всемилостивѣйшїй Государь! вороней Царь наказалъ меня безчеловѣчно и со всѣмъ несправедливо, такъ что я не умру безъ отмщенїя. Давно ужѐ я изыскиваю средства, но я разсудилъ, что не въ состоянїи буду честно и безопасно отмстить, пока буду имѣть вороней видъ. Я слыхалъ отъ разумныхъ людей, что ежели кто будучи обиженъ отъ тиранна, здѣлать что нибудь пожелаетъ, то надлежитъ ему въ огонь влѣсть, и пока онъ въ немъ будетъ, всѣ его прошенїя и молитвы услышаны будутъ. Чего ради я прошу Ваше Величество приказать бросить меня

въ

вЪ огонь, чтобЪ я будучи вЪ пламени могЪ просить бога, чтобЪ онЪ обратилЪ меня вЪ сову: можетЪ быть онЪ услышитЪ мою молитву, тогда уже я отмщу моему непрїятелю. Визирь, которой всегда говорилЪ противЪ Кархенаса, былЪ вЪ томЪ же собранїи: О предатель! кЪ чему клонится этотЪ языкЪ? Ты помышляешь о измѣнѣ. Всемилостивѣйшїй Государь! говорилЪ онЪ обратясь кЪ Царю, вы имѣете причину оказывать милость сему злодѣю! онЪ никогда не перемѣнитЪ своего натуральнаго виду. Мышь превратилась вЪ дѣвицу, однако всегда желала имѣть мужемЪ мышЪ же. Ты любишь разсказывать басни, сказалЪ ему Царь смѣючись; добро, я послушаю эту басню, однако не думай, чтобЪ я послѣдовалЪ ей.

БАСНЯ LIX.

О мышѣ, которая превратилась вЪ дѣвицу.

Нѣкоторой человѣкЪ прогуливаясь вЪ одинЪ день у источника увидѣлЪ,

что воронъ изъ своего рта уронилъ мышь, которая упала передъ его ногами. Оной человѣкъ отъ жалости ее поднялъ, и взялъ къ себѣ домой; но опасаясь, чтобъ она не причинила какова безпорядка, просилъ бога, чтобъ онъ обратилъ ее въ дѣвицу: что и исполнено было, такъ что вмѣсто мыши вдругъ увидѣлъ онъ дѣвочку, которую приказалъ онъ воспитать. Нѣсколько лѣтъ спустя помянутой человѣкъ видя, что она пришла въ возрастъ, такъ что можно ужѐ выдать ее за мужъ, сказалъ ей: выбирай себѣ во всей натурѣ жениха, какова хочешъ, я тебя за него выдамъ. Я желаю себѣ, отвѣтствовала дѣвка, такова мужа сильнаго, что бы его побѣдить было невозможно. Слѣдовательно, сказалъ старикъ, ты желаешь себѣ въ женихи солнце. На другой день по утру рано говорилъ онъ солнцу: дочь моя желаетъ себѣ жениха, которой бы былъ непобѣдимъ; такъ хочешь ли ты ее взять за себя? Но солнце ему отвѣтствовало: облако препятствуетъ моей силѣ, проси

ты его. Человѣкъ такимъ же образомъ просилъ облако: Вѣтеръ, говорило оно, гоняетъ меня куда хочетъ. Старикъ не отчаялся, но просилъ вѣтра, что бы онъ взялъ за себя его дочь; но и вѣтеръ ему представилъ, что силѣ его препятствуетъ гора; чего ради просилъ онъ гору: мышь гораздо сильняе меня, отвѣтствовала она; потому что она вездѣ меня прорываетъ, и проходитъ въ мои нѣдра. Старикъ пошелъ напослѣдокъ къ мышѣ, которая согласилась жениться на его дочери, говоря что она давно ужѐ ищетъ себѣ жены. Старикъ возвратясь домой спросилъ свою дочь, хочетъ ли она вытти за мышь? Онъ надѣялся, что она окажетъ омерзѣніе къ сему замужству; но въ крайнее пришелъ удивленіе, увидя, что она съ великою нетерпѣливостію желала совокупиться съ мышью. Старикъ тотчасъ началъ молиться и просить бога, чтобъ дочь его обратилъ опять въ мышь; что и дѣйствительно исполнилось. Совиной Царь приписывая сіи представленія зависти, которую по его мнѣнію Виризь имѣлъ

къ ворону, не много о томъ размышлялъ. Между тѣмъ Карxенасъ примѣчалъ входы и выходы совиные, и когда обо всемъ совершенно навѣдался, то оставя ихъ тайно возвратился къ воронамъ. Онъ увѣдомилъ Царя о всемъ, что происходило, и сказалъ ему: Всемилостивѣйшїй Государь! нынѣ мы совершенно можемъ отмстить нашимъ непрїятелямъ. На нѣкоторой горѣ есть пещера, въ кою всѣ совы собираются каждой день; она окружена деревьями. Ваше Величество прикажите только своей армїи наносить великое множество дерева ко входу помянутой пещеры. Что до меня касается, я буду при ней съ огнемъ, которой принесу изъ ближнихъ пастушьихъ шелашей, и зажгу дерево. Такимъ образомъ совы, которыя пойдутъ вонъ, сгорятъ въ огнѣ, а кои тамъ останутся, задохнутся отъ дыму.

Сей совѣтъ понравился воронъему Царю. Онъ приказалъ всей своей армїи выступить; напослѣдокъ все то было здѣлано, что совѣтовалъ Карxенасъ, и всѣ совы погибли бѣдственнымъ

нымъ образомъ. Изъ сего примѣра можно видѣть, что должно иногда покаряться своимъ непріятелямъ, для отвращенія злыхъ ихъ намѣреній. Слѣдующая басня можетъ еще служить тому доказательствомъ.

БАСНЯ LX.

О змѣѣ и лягушкахъ.

Змѣй состарѣвшись и пришедши въ слабость, не въ состояніи больше былъ ловить животныхъ для своего пропитанія; жаловался на свою старость, и тщетно сожалѣлъ о прежнихъ своихъ силахъ. Между тѣмъ голодъ принудилъ его употребить слѣдующую хитрость: Онъ пошелъ къ нѣкоторому источнику, у коего водилось несказанное множество лягушекъ, которыя избрали себѣ Царя, дабы управлялъ ими. Змѣй притворился весьма печальнымъ и больнымъ, и одна лягушка спросила его, о чемъ онъ печалится? я съ голоду умираю отвѣтствовалъ онъ; я прежде сего питался лягушками, которыхъ ловилъ, а нынѣ такъ нещастливъ,

что ни одной поймать не могу. Лягушка немѣдленно пошла увѣдомить своего Царя о состоянiи и отвѣтѣ змѣя. По семъ извѣстiи Царь прибылъ самъ на то мѣсто, гдѣ находился змѣй, которой ему сказалъ: Всемилостивѣйшiй Государь! нѣкогда намѣренъ я былъ поймать лягушку, но она убѣжала къ монаху въ весьма темную келью, въ которой спалъ младенецъ. Какъ я все слѣдовалъ за лягушкою, то вошелъ за нею въ келью, и ощупавъ младенческую ногу, представилъ себѣ, что то была лягушка, и уязвилъ младенца такъ, что онъ тотже часъ умеръ. Монахъ разсердясь за мою дерзость, погнался за мною изъ всей силы, но не нагнавъ меня, сталъ просить бога, чтобъ въ наказанiе за мое преступленiе не могъ я никогда ловить лягушекъ, ежели Царь ихъ не дастъ мнѣ изъ своего милосердiя. Напослѣдокъ, говорилъ змѣй, просилъ онъ, чтобъ я здѣлался лягушичьимъ рабомъ, и чтобъ я имъ повиновался. Сiи монашескiя молитвы, продолжалъ змѣй, услышаны были, и я пришелъ вамъ покориться, и повиноваться вашимъ повелѣнiямъ,

лѣніямъ, потому что въ томъ воля божія.

Лягушичей Царь принялъ его съ гордостію, и сказалъ ему суровымъ образомъ, что онъ употребитъ его въ свою службу. Змѣй нѣсколько дней носилъ Царя на своей спинѣ, но напослѣдокъ сказалъ ему: Всемилостивѣйшій Государь! ежели вы желаете, чтобъ я служилъ вамъ долгое время, то мнѣ чѣмъ нибудь надобно питаться, или я очень скоро умру съ голоду. Ты правду говоришь, отвѣтствовалъ лягушичей Царь; я тебѣ на каждой день буду давать ѣсть по двѣ лягушки. И такимъ образомъ змѣй покорностію своему непріятелю промыслилъ себѣ пищу для препровожденія остатковъ своея жизни. Всемилостивѣйшій Государь! говорилъ Пильпай, Ваше Величество видите изъ сихъ примѣровъ, что терпѣніе есть великая добродѣтель къ полученію своего намѣренія; разумные люди по справедливости говорятъ, что благоразуміе несравненно превосходнѣе крѣпости и силы. Хитростію можно избавиться отъ напасти: но знайте, что не должно вѣрить своимъ непріятелямъ

какіе

какіе бы знаки дружества ни оказывали. Змѣй всегда будетъ змѣй ; надлежитъ имѣтьповѣренность къ однимъ только искреннимъ друзьямъ , и одно только ихъ обхожденіе можетъ намъ быть полезно.

КОНЕЦЪ.

